

[Polaris]

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

**МЕСС-МЕНД,
ИЛИ ЯНКИ В ПЕТРОГРАДЕ**

Советская авантюрно — фантастическая проза
1920 — х гг.

Том XVIII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXVII

Salamandra P.V.V.

**Мариэтта
Шагинян**

МЕСС-МЕНД, ИЛИ ЯНКИ В ПЕТРОГРАДЕ

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том XVIII

Salamandra P.V.V.

Шагинян М. С.

Месс-Менд, или Янки в Петрограде. Илл. А. Родченко (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том XVIII). — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 334 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXVII).

Знаменитая авантюрно-приключенческая трилогия Мариэтты Шагинян «Месс-Менд» (1924-1925) — в одной серии и в неискаженном позднейшей советской и авторской цензурой виде. В настоящий том вошел первый роман трилогии — «Месс-Менд, или Янки в Петрограде». Приложено предисловие к первому изданию и эссе М. Шагинян «Как я писала “Месс-Менд”».

**МЕСС-МЕНД,
ИЛИ
ЯНКИ В ПЕТРОГРАДЕ**

ДЖИМ ДОЛЛАР

МЕСС

МЕНД

ВЫП

МАСКА МЕСТИ

1

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
МОСКВА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
1924**

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

«Янки в Петрограде» — кинематографический роман: действие в нем развивается головокружительным аллюром. В этом отношении «Янки» — роман нашего времени, когда крупнейшие события сменяют друг друга с чисто кинематографической быстротой. Современный роман должен быть насыщен действием, в нем не должно быть длинных, тщательно выписанных описаний природы, нудного психологического копания. Характер героев должен обрисовываться их действиями. И в романе Джима Доллара мы видим только действия.

«Янки в Петрограде» — подражание «пинкертоновщине» или, вернее сказать, «рокамболевшине». Но уже давно т. Бухарин очень метко сказал, что хорошая коммунистическая «пинкертоновщина» крайне полезна для нашего времени. И с этой точки зрения «Янки» — произведение литературы революционного периода.

«Янки» — роман фантастический. Действующие лица в этом романе совершают неправдоподобные, невозможные для выполнения поступки. Но разве не фантастична вся наша эпоха? Разве во время революции, а в особенности Великой Мировой Пролетарской Революции, не фантастична вся жизнь? Разве не были и не являемся мы все время очевидцами того, как самые обыкновенные, казалось бы, рядовые люди совершают великие фантастические деяния? И как роман фантастический, «Янки» вполне отвечает вкусам читатели эпохи революции. Но фантастика «Янки» — здоровая, революционная фантастика, не имеющая ничего общего с возвратом к реакционной фантастике Гофмана, ищущей материала в чертовщине средневековья.

«Янки» — картина борьбы фашизма с Советской Россией: последнюю поддерживают американские рабочие. Главный герой романа — это коллектив пролетариата. Все другие герои романа борются не во имя личных желаний и стремлений, а за или против пролетарской революции. Все

свои героические поступки они могут совершать только потому, что за ними стоит весь пролетариат.

Имя Джима Доллара совершенно незнакомо русским читателям. Судя по биографии, он американский рабочий. Он никогда не видал России. Он знает ее только по рассказам, по книгам да по газетам. Естественно, что описания его не соответствуют русской действительности. Отсюда ряд курьезных несообразностей. Так, одной из своих героинь он дает, якобы на русский манер, имя «Катя Ивановна». Речку Мойку он называет «бурной». «Огненные глаза Ленина» и т. п. Но, конечно, не в этих курьезных ошибках дело, в особенности в таком романтически-рокамболовском романе, как «Янки в Петрограде». Сами эти курьезные ошибки — один из элементов романтического налета.

Несмотря на свою умышленно аляповатую форму, подходящую временами до гротеска, «Янки» представляет крупное, оригинальное и глубоко интересное произведение (я сказал бы первое крупное произведение) из области революционной романтики. Оно читается с захватывающим интересом. Ряд товарищей, в числе их и т. Н. Бухарин, которым пришлось прочесть роман в рукописи, не могли оторваться от этого чтения: некоторые читали его всю ночь напролет. Мы уверены, что на долю «Янки» выпадет крупный литературный успех.

Н. Л. Мещеряков

ДОЛЛАР, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК

В мартовское утро 1888 года на одном из вокзалов Нью-Йорка к носильщику бляха № 701 подбежал прилично одетый человек с новорожденным ребенком на руках.

— Носильщик, ваш номер? Отлично, возьмите ребенка, да осторожней, чорт возьми, если хотите заработать доллар... Ждите меня вон там у остановки омнибусов, — я бегу разыскивать даму...

Проговорив это, незнакомец кинулся в толпу. Бляха № 701 осторожно понес ребенка на площадку, ждал десять минут, потом пол-часа, потом час. Ребенок заплакал. Носильщик струсил — уж не подкинут ли ему ребенок. Когда спустя два часа никто не появился, а на вокзале незнакомца не оказалось, носильщик сказал себе с горечью: «вот так доллар», и понес ребенка в участок.

По дороге на него нашло раздумье. Дитя прекрасно одето, пеленки с метками. Что, если с незнакомцем что-нибудь случилось, а потом он хватится ребенка, разыщет носильщика по номеру и будет взбешен, узнав, что дитя в полиции. Не поддержать ли его у себя дома, а тем временем поискать незнакомца?

Он понес его домой и сдал жене. Дитя оказалось прехорошеньким мальчиком. Белье было помечено Д. Д. Так как носильщика звали Джемсом, он в шутку назвал мальчика раза два — «Джим Доллар», — и этому имени суждено было навеки укрепиться за потерянным существом, заслужив ему впоследствии широкую известность.

Родители ребенка не появились. Носильщик усыновил его. Он рос обыкновенным городским мальчишкой, проводил все свое время на улице, покуда бляха № 701 не скончался. Вслед за ним умерла и жена, оставив Джиму Доллару бляху приемного отца и краткую историю его усыновления.

Года полтора Джим ведет бродячую жизнь. Он ночует под мостом и на крышах, питается вместе с собаками городских отбросами. «В эти годы усовершенствовалось мое обоняние, — рассказывает он в краткой автобиографии, — я узнал, что у каждого города, у каждой улицы, у каждого двора есть свой запах».

Однажды он увидел перед пивной воз с большими дорожными картонками, забрался в одну из них, прикрыл себя крышкой и заснул. Он проснулся от толчков. Вслед за тем на него полился яркий электрический свет. Высокая девица в папильотках стояла над картонкой и разглядывала его, поджав губы. Он выскочил из картонки, собираясь улизнуть.

— Я полагаю, что заплатила за картонку настоящими деньгами, — сказала девица.

— Не думаете ли вы, мам, что купили меня вместе с картонкой? — в ужасе воскликнул Джим.

— Да, я думаю, — ответила неумолимая девица, — ведь я беру вещи не иначе, как на вес.

Несчастный Джим не знал законов. Он искренно поверил девице и остался у нее в услужении добрых двенадцать лет.

Это были самые мрачные годы его жизни. Девица эксплуатировала мальчика, заставляя его работать даже по воскресеньям. Урывками он выучился читать и писать. Когда ему стукнуло девятнадцать лет, она внезапно подарила ему велосипед. Спустя некоторое время она снова сделала ему подарок — дюжину галстуков. Странное предчувствие овладело Джимом; не задумала ли девица женить его на себе? Как только он оформил в мозгу это предчувствие, природная любовь к свободе вспыхнула в нем, он вскочил на велосипед — и был таков.

Джим свободен. Он снова на улицах Нью-Йорка. Но тут ему пришлось на собственной шкуре испытать всю тяжесть социального бесправия: что нужды в свободе, когда нет куска хлеба. Пространствовал по фабричным окраинам Нью-Йорка, он кое-как устраивается на спичечной фабрике и становится рабочим. Резкое влияние оказывают на него два

обстоятельства: первая стачка и первое знакомство с кинематографом.

Стачка, как он впоследствии писал, научила его «умению защищаться, становясь спиной к врагу», а кинематограф привел его к той теории «городского романа», которая насчитывает в настоящее время многочисленных последователей.

Вернувшись из кинематографа, где он смотрел примитивную драму из парижской жизни, с благородным апашем и кокоткой, Джим Доллар, как безумный, начинает имитировать кинематограф для своих товарищей по работе. Он собирает вокруг себя кучку молодежи, сочиняет пьесы, разыгрывает их в обеденный перерыв тут же на фабрике, используя для своих акробатических фокусов станки машины. К этому времени относятся первые эскизы двух его излюбленных героев, металлиста Лори и «укротителя вещей», Микаэля Тингсмастера, Мик-Мага его позднейших романов. По ночам он лихорадочно поглощает учебники, стараясь «поймать ту связь установленных представлений, которую принято называть образованием»¹. Не отказываясь ни от какой работы, он перебирается из одного промышленного центра Америки в другой, периодически возвращаясь, однакоже, на старую спичечную фабрику, где у него остались друзья и знакомцы.

Та же фабрика, точнее — кружок сгруппировавшихся вокруг него спичечников, знакомится с первым литературным опытом Джима Доллара, сценарием большого киноромана, который он задумал и набросал в течение двенадцати часов. Тут, между прочим, обнаружилась роковая особенность Доллара, долгое время препятствовавшая его карьере романиста. Впервые постигший значение фабулы через зрительный образ (не в книге, а на экране кино), Доллар непременно зарисовывал своих героев на полях рукописи и вставлял там и сям в текст рисунки, служившие иллюстрациями. Как большинство одаренных людей, Джим ви-

¹ «Нью-Йорк Джеральд», № 381, автобиография Доллара.

дел свой талант совсем не в том, что у него действительно было талантливо, а в наиболее слабой своей области. Так он в глубине души считал себя прирожденным рисовальщиком. Между тем рисунки Джима Доллара были более чем худы, — они были безграмотны и беспомощны.

Первый его киноман (впоследствии уничтоженный автором) встречен был в спичечном кружке взрывом восторга. Доллар, поощренный друзьями, отправляется в крупное нью-йоркское издательство «При-фикс-Бук» и показывает свою рукопись. Редактор, едва увидев его рисунки, сворачивает рукопись трубкой и немедленно возвращает ее молодому автору, не говоря ни слова.

— В чем дело? — спросил вспыхнувший Джим.

— Обратитесь в обойный магазин, молодой человек, — ответил безжалостный редактор.

Джим пожал плечами и два последующих года лихорадочно работал над новыми сценариями, обильно уснащая их рисунками. Но, несмотря на все его старания, их ожидала та же участь. Неизвестно, что случилось бы с нашим романистом, если б однажды он не услышал безумного стука в свою дверь.

— Джим! — заорал спичечник Ролльс, влетая в каморку с газетой в руках. — Гляди, дурья башка!

В отделе объявлений жирным шрифтом стояло:

СРОЧНО, УБЕДИТЕЛЬНО, НАСТОЯТЕЛЬНО

РАЗЫСКИВАЕТСЯ БЫВШИЙ

НОСИЛЬЩИК БЛЯХА № 701

**для благосостояния своего
собственного и вверенного ему**

МЛАДЕНЦА

Ольстрит

№ 22

С газетой в руках Доллар побежал по указанному адресу. Он мечтал уже о найденных родителях, братьях и сестрах. Жирный нотариус вышел к нему навстречу и, по проверке документов, после тщательного допроса Джима, ввел

его во владение довольно-таки солидным наследством, ни единым словом не подняв завесы над тайной его происхождения.

Доллар был угрюм; он не радовался неожиданному богатству. Как это ни странно, но он не ушел даже со спичечной фабрики и первые полгода не прикасался к деньгам.

Однажды редактор «При-фикс-Бука» получил новую рукопись, испещренную забавными рисунками. Он посмотрел себе за спину — есть ли огонь в камине — и уже собрался отправить туда злополучную бумагу. Но из рукописи выпало письмо, а в письме было написано Джимом Долларом, что он предлагает издательству сумму, втрое возмещающую убытки по опубликованию его романа. Редактор пожал плечами и развернул рукопись. Его внимание оказалось скованным кинороманом; дважды звонил телефон, входил секретарь, кашляла машинистка — он не слышал. На другой день он сказал Джиму:

— Мы покупаем у вас роман. Одно условие: выбросьте рисунки.

— Я покупаю у вас все издание вперед и дарю вам его целиком с условием печатать рисунки, — ответил Джим.

Переговоры шли десять дней. Наконец «При-фикс-Бук» взялось за опубликование первой книги Доллара.

Наши читатели, по всей вероятности, знают, что книга разошлась в первые восемь дней и ныне выходит двадцать вторым изданием.

Не без тайного вздоха сказал как-то редактор Джиму Доллару:

— Вы отличный писатель, Джим. Но, ей-богу, у вас есть недостаток. Не сердитесь на меня, вы совсем некстати возомнили себя художником.

Доллар впервые слышал намек на негодность своих рисунков. Это уязвило его, он покраснел и надменно ответил:

— Если даже это и недостаток, он у меня общий с неким Гёте.

К сожалению, он не перестал разрисовывать свои романы, ставя каждому издателю неизменным условием воспроизведение этих рисунков. Нашим читателям мы пред-

лагаем под общим названием «Месс-менд» серию романов Джима Доллара, доставившую ему наибольшую популярность и одновременно вызвавшую всевозможные административные гонения вплоть до ареста первого романа этой серии «Янки в Петрограде», вдохновленного русской Октябрьской революцией.

Чтобы уяснить себе облик Доллара как романиста, следует помнить, что традиции его восходят к кинематографу, а не к литературе. Он никогда не учился книжной технике и не дает себе труда быть обычным писателем. Он учился только в кинематографе. Весь его романический багаж условен. Сам американец, уроженец Нью-Йорка, он не дает ничего похожего на реальный Нью-Йорк. Названия улиц, местечки, фабрики, бытовые черты — все это совершенно фантастично, и перед нами в романах Доллара проходит совершенно условный, я бы сказала — «экранный», мир. Он сказал как-то, что кинематограф есть эсперанто всего человечества. Вот на этом общем «условном» языке и написаны романы Доллара, отнюдь не приведшие ни к безвкусице, ни к пошлости.

Если искать нечто подобное в прошлом, то следовало бы с некоторыми оговорками указать, как на предшественников Доллара, пожалуй Дюма-отца и Понсон дю Террайля, писателей, которых он, кажется, весьма мало читал. Потребность давать фабулярную серию, плодovitость, неутомимое чередование света и тени, резкие контрасты, борьба доброй и злой силы — такие же, как у вышеупомянутых французских романистов. К ним добавьте нечто отсутствующее у Дюма и в Рокамболе: пламенный эрос, заразительную эмоциональность и местами — англо-саксонский юмор.

Наконец, для русского читателя небезынтересно узнать, что Джим Доллар — отчасти создатель «пролетарской литературы» в Америке, понимаемой им совершенно своеобразно. Он неоднократно говорит о себе, что он не политический и не социальный писатель, а только занимательный рассказчик. Он просит «не требовать от него позы вождя и страдающего пролетария», так как он «всегда шел за своим

классом, а не впереди него, имел хорошее пищеварение и чувствовал себя превосходно». Как политик же и социалист он «никогда не станет писать книги, а будет делать стачки и строить баррикады».

Несмотря на эти заявления, романы Джима Доллара, как читатель, впрочем, и сам увидит, оказывают чрезвычайно благотворное действие на городские массы, воспитывая в них сознание своей силы и непреодолимую охоту к борьбе.

М. III.

23 ноября 1923 г.

ПРОЛОГ

— Ребята, Уптон Синклер — прекрасный писатель, но не для нас! Пусть он томит печень фабриканту и служит справочником для агитаторов. Нам подавай такую литературу, чтобы мы могли почувствовать себя хозяевами жизни. Подумайте-ка, никому еще не пришло в голову, что мы сильнее всех, богаче всех, веселее всех: дома городов, мебель домов, одежду людей, печатную книгу, утварь, оружие, инструменты, корабли, пушки, сосиски, пиво, пирожное, сапоги, кандалы, железнодорожные рельсы — делаем мы и никто другой. Стоит нам опустить руки — и вещи исчезнут, станут антикварной редкостью. Нам с вами не к чему постоянно видеть свое отражение в слезливых фигурах каких-то жалких Хиггинсов и воображать себя несчастными, рабами, побежденными. Этак мы в самом деле недалеко уйдем. Нам подавай книгу, чтоб воспитывала смельчаков!

Говоря так, огромный человек в синей блузе отшвырнул от себя тощую брошюру и спрыгнул с читального стола в толпу изнуренных, бледных, нищенски одетых людей. Дело происходит в Светоне, на металлургическом заводе Рокфеллера. Металлисты бастуют уже вторую неделю.

— Ты сказки рассказываешь, Мик, — крикнул в спину оратору желтолицый ямаец Карло.

— Сказки? Зайди к нам на фабрику, посмотришь своими глазами. Я говорю себе: Мик Тингсмастер, не ты ли отец этих красивых вещичек? Не ты ли делаешь дерево нежнее и красивее, чем бумажная ткань? Не щебечут ли у тебя филенки, как птички, обнажая письмена древесины и такие рисунки, о которых не подозревают школьные учителя рисования? Зеркальные шкафчики для знатных дам, хитрые лица дверей, всегда обращенные в вашу сторону, шкатулки, письменные столы, тяжелые кровати, потайные ящики, разве все это не мои дети? Я делаю их своею рукою, я их знаю, я их люблю и я говорю им: эге-ге, дети мои, вы идете служить во вражеские кварталы; ты, шкаф, станешь в углу у кровопийцы; ты, кресло, затрешишь под разврат-

ником; ты, шкатулка, будешь хранить брильянты паучихи, — так смотрите же, детки, не забывайте отца! Идите туда себе на уме, с е б е н а у м е, верными моими помощниками...

Тингсмастер выпрямился и обвел глазами толпу:

— Да, ребята. Одушевите-ка вещи магией сопротивления. Трудно? ничуть не бывало! Замки, самые крепкие, хитрые, наши изделия, размыкайтесь от одного нашего нажима. Двери пусть слушают и передают, зеркала запоминают, обои скрывают тайные ходы, полы проваливаются, потолки обрушиваются, стены сдвигаются. Хозяин вещей — тот, кто их делает, а раб вещей — тот, кто ими пользуется!

— Эдак нам нужно знать больше инженера, — вставил старый рабочий, — темному человеку не придумать ничего нового, Мик, он делает, что ему покажут, и баста.

— Ошибаешься! Влюбись в свое дело, и у тебя откроются глаза. Взгляните-ка на эти полосы металла. Ведь они дышат, действуют, имеют свой спектр, излучаются на человека, хоть и невидимо для врачей. Вы должны знать их действие, вы подвергаетесь ему десятки лет. Изучите каждый металл, пропитайтесь им, используйте его, пусть он течет в мир с тайным вашим поручением и исполняет, исполняет, исполняет...

...Тингсмастер удаляется, речь все глуше, большое бородастое лицо с прямыми белыми бровями над веселым взглядом меркнет мало-по-малу — он далеко, ему нужно взбодриться в Ровен-Квере бастующих телеграфистов, он скрылся...

— Кто это был? — взволнованно спрашивает молодой, только что поступивший рабочий, глядя ему вслед, — чорт побери, кто это был?

— Да что ты, Лори, неужто не слышал! Это Микаэль Тингсмастер, с деревообделочного в Миддлтоуне. Он же токарь, слесарь, столяр — все, что тебе угодно: самый умный из нашего брата в Америке.

Глава первая

АРТУР РОКФЕЛЛЕР ВСТРЕЧАЕТ СВОЕГО ОТЦА

В майское утро по Риверсайд-Драйв с сумасшедшей скоростью мчался автомобиль.

Молодой человек, весь в белом, сидевший рядом с задумчивым толстяком, кричал ему на ухо наперебой с ветром:

— Мачеха всегда вспоминает обо мне в последнюю минуту. Я встревожен ее телеграммой. Вот увидите, у отца неприятности с этим польским займом, или что-нибудь вроде этого.

— Мистер Еремия — слишком умный человек, Артур! Вам нечего тревожиться, — ответил толстяк, — да и телеграмма самая обыкновенная: едут домой с отцом на «Торпед», прибудут сегодня. Вы слишком экзальтированы, вот и все.

— Молчите, доктор, — прервал его молодой человек, — все, что исходит от моей мачехи и ее черноусой дочери, всегда полно неприятных сюрпризов. Я всегда ненавижу женщин, вы знаете. Но после женитьбы отца я их ненавижу вдвое, втрое, вдесятеро, я наслаждаюсь каждым доказательством их низости. Я готов... ах, что бы я только ни сделал, чтоб их растоптать, обезвредить, унижить, уничтожить!

— Но, мистер Артур, — засмеялся доктор, — это похоже на горячку. Я обеспокоен, решительно обеспокоен вашей любовью к отцу. Сыновняя привязанность, конечно, вещь почтенная, но не до такой степени... Возьмите себя в руки.

Стоп. Шофер круто повернул и затормозил автомобиль. Перед ними лежал, весь в ярком блеске солнца, Гудзонов залив, влившийся в берега тысячью тонких каналов и заводей. На рейде, сверкая пестротой флагов, белыми трубами, окошками кают-компаний, стояли бесчисленные пароходы. Множество белых лодочек бороздило залив по всем направлениям.

— «Торпеда» уже подошла, — сказал шофер, обернувшись к Артуру Рокфеллеру и доктору. — Надо поторопиться, чтобы подоспеть к спуску трапа.

Молодой Рокфеллер выпрыгнул из автомобиля и помог своему соседу. Толстяк вылез, отдуваясь. Это был знаменитый доктор Лепсиус, старый друг семейства Рокфеллеров. Попугайчьи пронзительные глазки его прикрыты очками, верхняя губа заметно короче нижней, а нижняя короче подбородка, причем все вместе производит впечатление удобной лестницы с отличными тремя ступеньками, ведущими сверху вниз прямехонько под нос.

Что касается молодого человека, то это самый приятный молодой человек, — из тех, на кого существует наибольший спрос в кинематографах и романах. Он ловок, самоуверен, строен, хорошо сложен, хорошо одет и, повидимому, не страдает излишком рефлексии. Белокурые волосы гладко зачесаны и подстрижены, что не мешает им виться на затылке крепкими завитками. Впрочем в глазах его сверкает нечто, делающее этого «первого любовника» не совсем-то обыкновенным. Мистер Чарльз Диккенс, указав на этот огонь, намекнул бы своему читателю, что здесь скрыта какая-нибудь зловещая черта характера. Но мы с мистром Диккенсом пользуемся разными приемами характеристики.

Итак, оба сошли на землю и поспешили вмешаться в толпу нью-йоркцев, глазевших на только что прибывший пароход.

«Торпеда», огромный океанский пароход братьев Дуглас и Борлей, был целым городом с внутренним самоуправлением, складами, радио, военно-инженерным отделом, газетой, лазаретом, театром, интригами и семейными драмами.

Трап спущен, пассажиры начали спускаться на землю. Здесь были спокойные янки, возвращавшиеся из дальнего странствования с трубкой в зубах и газетой подмышкой, точно вчера еще сидели в нью-йоркском «Деловом клубе». Были больные, едва расправлявшие члены, красивые женщины, искавшие в Америке золото, игроки, всемирные

авантюристы и жулики.

— Странно! — сквозь зубы прошептал доктор Лепсиус, снимая шляпу и низко кланяясь какому-то краснолицему человеку военного типа. — Странно, принц Гогенлоэ в Нью-Йорке!

Шопот его был прерван восклицанием Артура:

— Виконт! Как неожиданно! — И молодой человек быстро пошел навстречу красивому брюнету, опиравшемуся, прихрамывая, на руку лакея.

— Виконт Монморанси! — пробормотал Лепсиус, снова снимая шляпу и кланяясь, хотя никто его не заметил. — Час от часу страннее. Что им нужно в такое время в Нью-Йорке?

Между тем толпа, хлынувшая от трапа, разделила их, и на минуту Лепсиус потерял Артура из виду. Погода резко изменилась. Краски потухли, точно по всем предметам прошли тушью. На небо набежали тучи. Воды Гудзона стали грязного серо-желтого цвета, кой-где тронутого белой полоской пены. У берега лаяли чайки, взлетев целым полчищем возле самой пристани. Рейд обезлюдел, пассажиры разъехались.

— Где же семейство Рокфеллер? — спросил себя доктор, озираясь по сторонам. В ту же минуту он увидел Артура, побледневшего и вперившего глаза в одну точку.

По опустелому трапу спускалось теперь странное шествие. Несколько человек, одетых в черное, медленно несли большой цинковый гроб, прикрытый куском черного бархата. За ним, прижимая к лицу платочки, шли две дамы в глубоком трауре, обе стройные, молодые, рыжие, и, несмотря на цвет волос, оливковосмуглые. Они были подавлены горем.

— Что это значит? — прошептал Артур. — Мачеха и Клэр... а где же отец?

Шествие подвигалось. Одна из дам, подняв глаза, увидела молодого Рокфеллера, слегка всплеснула руками и сделала несколько шагов в его сторону.

— Артур, дорогой мой, мужайтесь! — произнесла она с большим достоинством.

— Мужайтесь, братец! — неожиданным басом воскликнула другая, тоже подходя к Артуру. Это была на редкость красивая девушка, которую портили разве только две вещи: густой басистый голос и черные усики.

— Где отец? — вскрикнул молодой Рокфеллер.

— Да, Артур, он тут. Еремия тут, в этом гробу, — его убили под Варшавой.

Мистрисс Элизабет Рокфеллер проговорила это дрожащим голосом, закрыла лицо и зарыдала.

— Братец, я возьму вас под руку, — шепнула красивая Клэр, прижимаясь к неподвижному молодому человеку.

Но Артур отшатнулся от них и впился пальцами в пухлую руку Лепсиуса.

— Спросите их, кто убил отца, — шепнул он побелевшими губами.

Лепсиус повторил его вопрос.

— Не сейчас... мне трудно говорить об этом, — пробормотала вдова.

— Отчего не сказать ему прямо, мама? — вступилась Клэр своим мужским басом. — Тут нет никаких сомнений, его убили большевики.

Скорбная процессия двинулась дальше. Лепсиус подхватил зашатавшегося Артура и довел его до автомобиля. Набережная опустела, с неба забил частый, как пальчики квалифицированной ремингтонистки, дождик.

Сплеывая, прямехонько под дождь, к докам прошли, грудь нараспашку, два матроса с «Торпеды». Они еще не успели, но намеревались напиться. У обоих в ушах были серьги, а зубы сверкали как жемчуга.

— Право, Дип, ты дурак, право так.

— Молчи, Дай, будь ты на моем месте, ты бы остолопом стал.

— Скажи, пожалуй!

— А я тебе говорю, остолопом.

— От такого-то пустяка? Да у меня и в животе бы не пробурчало!

— Пустяк! А я тебе скажу, — я лучше дам себя съесть акуле, начиная с ног и кончая головой, чем опять пережи-

ву этакое дело.

— Да какое дело-то? Бабьи фокусы!

— Ни-ни, милейший, тут не баба, тут сатана. Если б ты увидел, как она ручьем разливалась, да с капитаном на голос выводила, а потом сухими глазами взглянула и смешок вырвался, будто невзначай, — понимаешь, она думала, что одна осталась, а я за брезентом,— так тебе стало бы страшно дневного света.

— Тю, дурак. Ну что же тут страшного?

— Сам дурак, вот что. Помяни мое слово...

Остальное пропало в коридоре, ступеньками вниз, подвала «Океания», — горячая пища и горячительные напитки — специально для моряков». Если мы туда с вами и спустимся, читатель, то во всяком случае не сию минуту, когда, по моему счету, выходит ровнешенько «стоп» первой главе.

Глава вторая

ДОКТОР ЛЕПСИУС НАЕДИНЕ С САМИМ СОБОЙ

Быстрыми шагами, не соответствующими ни его возрасту, ни толщине, поднялся доктор Лепсиус к себе на второй этаж. Он занимал помещение более чем скромное. Комнаты были свободны от мебели, окна без штор, полы без ковров. Только столовая с камином да маленькая спальня казались жилыми. Впрочем, за домом у доктора Лепсиуса была еще пристройка, куда никто не допускался кроме его слуги, чье желтое лицо с несомненностью выдавало его смешанное происхождение.

Поднимаясь к себе, Лепсиус казался взволнованным. Он танцевал всеми тремя ступеньками, ведущими к носу, бормоча про себя:

— Съезд, настоящий съезд. Какого чорта все они съехались в Нью-Йорк? Но тем лучше, тем лучше! Как раз вовремя для тебя, дружище Лепсиус, когда твое открытие начинает нуждаться в экспериментиках, примерчиках, проверочных субъектах... Тоби! Тоби!

Мулат с выпяченными губами и маленькими, как у обезьяны, ручками выскользнул из соседней комнаты. Лепсиус отдал ему шляпу и палку, уселся в кресло и несколько мгновений сидел неподвижно. Тоби стоял как собака, глядя в пол.

— Тоби, — сказал он, наконец, тихим голосом, — что поделявает его величество Бугас Тридцать Первый?

— Кушает плохо, жалуется. На гимнастику ни за что не полез, хоть я и грозил ему кнутом.

— Не полез, ты говоришь?

— Не полез, хозяин.

— Гм, гм. А ты пробовал вешать наверху бананы?

— Все делал, как вы приказали.

— Ну пойдем, навестим его. Кстати, Тоби, пошли, пожа-

луйста, шофера с моей карточкой вот по этому адресу.

Лепсиус написал на конверте несколько слов и передал их мулату. Затем он открыл шкафчик, достал бутылочку с темным содержимым, опустил ее в боковой карман и стал медленно спускаться вниз, на этот раз по внутренней лестнице, ведущей к тыловой стороне дома. Через минуту Тоби снова догнал его. Они миновали несколько пустых и мрачных комнат, со следами пыли и паутины на обоях, затем через небольшую дверку вышли на внутренний двор. Он был залит асфальтом. Высокие каменные стены справа и слева совершенно скрывали его от уличных пешеходов. Нигде ни скамейки, ни цветочного горшка, словно это был не дворик в центральном квартале Нью-Йорка, а каменный мешок тюрьмы. Шагов через сто оба дошли до невысокого бетонного строения, похожего на автомобильный гараж. Дверь с железной скобой была заперта тяжелым замком. Только что Лепсиус собрался вставить ключ в замочную скважину, как с той стороны, из главного дома, раздался чей-то голос. Лепсиус нервно повернулся.

— Кто там?

— Доктор, вас спрашивают, — надрывалась экономка в белом чепце, красная как кумач, — вас спрашивают, спрашивают, спрашивают!

Мисс Смоулль, экономка доктора, была глуховата, — очень незначительное преимущество у женщины, не лишенной употребления языка.

— Кто-о? — растягивая звуки, крикнул Лепсиус.

— Хорошо! — ответила ему мисс Смоулль, усиленно закивав головой. Тотчас же некто, бедно одетый, быстро направился через дворик к Лепсиусу.

— Чорт побери эту дуру! — выругался про себя доктор. — Держишь ее, чтоб не подслушивала, а она знай гадит тебе с другого конца. Кто вы такой, что вам надо? — последние слова откосились к подошедшему незнакомцу.

— Доктор, помогите больному, тяжело больному, — скавал незнакомец, едва переводя дыхание.

Лепсиус посмотрел на говорившего сквозь круглые очки:

— Что с вашим больным?

— Он... на него упало что-то тяжелое. Перелом, внутреннее кровоизлияние, одним словом — худо.

— Хорошо, я приду через четверть часа. Оставьте ваш адрес.

— Нет, не через четверть часа. Идите сейчас!

Доктор Лепсиус поднял брови и улыбнулся. Это случилось с ним очень редко. Он указал мулату глазами на дверь гаража, передал ему ключ и двинулся вслед за настойчивым незнакомцем. Только теперь он разглядел его как следует. Это был невысокий, жиденький человек, с ходившими под блузой лопатками, со слегка опухшими сочленениями рук. Глаза у него были впалые, унылые, тоскующие, как у горького пьяницы, на время принужденного быть трезвым. Под носом стояли редкие, жесткие кошачьи усы, на шее болтался кадык.

— Вот видите, только перейти улицу, — лихорадочно твердил он доктору, приближаясь к высочайшему небоскребу коммерческого типа, — только я всего, экипажа не надо... — Видно было, что его стесняет каждый шаг, сделанный доктором, и он охотно ссудил бы ему для этого свои собственные ноги.

Доктор Лепсиус начал удивляться. Перед ним было отделение Мексиканского кредитного банка, не имевшее ничего общего ни с рабочими, ни вообще с квартирантами.

— Куда вы меня тащите? — вырвалось у него. — Тут контора и банк. Все закрыто. Где тут может быть больной?

— У привратника, — ответил незнакомец, быстро открывая боковую дверку и пропуская доктора в светлую маленькую комнату подвального этажа.

Здесь действительно находился больной. Это был огромный мужчина, видимо только что принесенный сюда на носилках и поспешно сброшенный прямо на пол. Он был прикрыт простыней. Над ним склонялись двое: седой, важно-го вида старик, в торжественном мундире с галунами, и старуха, сухая, маленькая, остроносая, плакавшая навзрыд.

Незнакомец быстро снял с раненого простыню и подтолкнул к нему доктора. Лежавший человек был букваль-

но искромсан. Грудь его была сильно вдавлена и разбита, ребра сломаны, живот разорван, как от нажима гигантского круглого пресс-папье, оставившего ему в целости лишь оконечности и голову. Он отходил.

— Я тут ничего не могу сделать, — отрывисто произнес доктор, с изумлением глядя на умирающего, — он уже в агонии, к великому своему счастью.

— Как! И по-вашему его нельзя заставить говорить? — вскрикнул незнакомец, как показалось Лепсиусу — в самом настоящем отчаянии. — А если гальванизировать, впрыснуть ему что-нибудь, а? — Он смотрел на доктора умоляющими глазами.

— Нет, — ответил доктор, — он умирает, умер. Он ваш родственник?

Но, к его удивлению, незнакомец, не дослушав даже вопроса, быстро повернулся и выбежал из комнаты. Старик, склонившиеся над мертвецом, плакали. Лепсиус только теперь увидел, что несчастный был матросом. На рукаве синей куртки его была нашивка с якорем и крупной прописью: «Торпеда».

Доктор невольно вздрогнул. Он тронул за плечо плакавшую старуху.

— Голубушка, кто этот бедняжка?

— Сын мой, сыночек мой, Дип-головорез, — так его звали на пароходе... Ох, сударь, что это за день! Ждали мы его из плавания, а вместо этого дождались из-под камня... Океан не трогал его, голубчика, а в городе, среди бела дня... ох-охо-хо!

— Как это случилось?

— Да говорили нам, что он шел из кабачка, а сверху с виадука оторвался кусок плиты и придавил его, как букашку. И рта не разинул, и принесли, так не кричал.

— Кто ж его принес, вот этот рабочий, что сейчас вышел?

— Принесли полицейские с матросами. А этот, сударь, нам незнаком, должно быть — от доброты сердца сжалился. Сам и за доктором вызвался сходить, и все старался, чтоб Дип, сыночек наш, последнее слово сказал... Верно вы

его знаете, так скажите ему от нас, стариков, спасибо.

— Хорошо, хорошо, надо теперь вызвать полицейского врача, — сказал Лепсиус и вышел из привратнической.

— Странно, — сказал он самому себе, — множество странностей в один день. Приходит «Торпеда» и привозит с собой знатную публику, — странность номер первый. На той же «Торпед» нам доставляется мертвый Рокфеллер, — странность номер второй. И вот, наконец, матрос с «Торпеды», умерший ни с того ни с сего, от камня, слетевшего с виадука. А страннее всего — неведомый человек, с виду простой рабочий, которому, видите ли, непременно нужно заставить раздавленного матроса заговорить. Будь я немножко свободней, я занялся бы этими странностями на досуге, позадумался бы с трубочкой. Но теперь...

Теперь у доктора Лепсиуса была своя собственная странность — номер пятый, и совершенно очевидно, что она отесняла другие.

Придя в свою спальню и засветив электричество, доктор со вздохом облегчения скинул смокинг. Мулат расшнуровал ему ботинки и надел ему на ноги вышитые турецкие туфли.

— Шофер возвратился? — спросил доктор.

Мулат молча протянул ему конверт с великолепным гербом. «Принц Ульрих Гогенлоэ просит доктора Лепсиуса пожаловать к нему между 7-8 вечера».

Доктор поднял к очкам полную руку с браслеткой. Дамские часики с крупным, как горошина, брильянтом, показывали без четверти семь.

— Чорт возьми, ни отдыха, ни спокойствия. Его величество Бугас Тридцать Первый будет опять дожидаться своей бутылочки до глубокой ночи. Тоби, постарайся угостить его какими-нибудь сказками, чтоб он не заснул до моего прихода.

Полчаса доктор сидит, протянув ноги на решетку холодного камина. Он отдыхает молча, сосредоточенно, деловито, как спортсмен или атлет перед выступлением. Дышит то одной, то другой ноздрей, методически прикрывая другую пальцами. Не думает. Натер виски одеколоном пополам с

каким-то благовонным аравийским маслом. Но вот полчаса проходит. Бессмысленное выражение лица становится снова остро-внимательным, лукавым. Большие очки бодро поблескивают. Туфли сбрасываются, — снова смокинг, ботинки, шляпа, все по порядку, палка — в руку, бумажник и трубочка — во внутренний карман, — доктор Лепсиус освежился, он готов для нового странствования, быть может, снабжающего его фактиками, экспериментиками и проверочными субъектами для чего-то такого, о чем мы никак не можем догадаться, тем более, что мулат Тоби, преспокойно пропустив мимо ушей распоряжение доктора, а за воротник две-три рюмочки, лег спать на холодную циновку в полупустой комнате и не подумав навестить таинственного Бугаса.

Глава третья

НАЧИНАЮЩАЯСЯ С МЕЖДОМЕТИЙ

— Ай, ай!

— О, господи!

— О-ой! Ой, батюшки, ой, голубчики!

Такими возгласами встретила верная челядь тело Еремии Рокфеллера. Старая негритянка Полли одна не плакала, — это было тем удивительнее, что она-то и любила старика по-настоящему. Круглыми глазами, не мигая, глядела она на цинковый гроб, теребя в руках серенький камешек-талисман. Позднее ей сделал замечание дворецкий, правда — почтительное, — негритянки в кухне побаивались:

— Что же это вы, Полли, как будто того-с?..

— Дурак, — ответила спокойная Полли и так-таки и не проронила ни слезинки.

Наверху, в будуаре Элизабет Рокфеллер, сидели на низеньком диване мачеха и пасынок. Артур был бледен, но совершенно спокоен.

— Расскажите мне все, как было!

— Хорошо, только молю тебя, не волнуйся, Артур, — нервно начала мачеха. — Тебе известно, что Еремия не торопился на сделку, но все-таки твердо решил уступить. За день до подписания обязательства его вызывают по телеграфу в Пултуск...

— Тот самый Пултуск, где когда-то жили ваши родственники?

Элизабет Рокфеллер вздрогнула от неожиданности. На лбу ее, чуть повыше левой брови, загорелось яркое красное пятнышко, — особенность мистрисс Рокфеллер, указывавшая на крайнюю степень ее волнения.

— Боже мой, Артур, какая у тебя память! В Пултуске давно никто из нашей семьи не живет... Еремия поехал и не вернулся в назначенный срок.

— Вы остались в Варшаве?

— Конечно. Нам с Клэр нечего было делать в Пултуске, и потом он же собирался вернуться на следующий день. Когда прошел срок, я собралась и поехала. Тело его нашли в лесочке, неподалеку от станции. Оно было изуродовано. Никаких указаний от местных властей, кроме того, что в окрестностях бродят переодетые большевики...

Артур сомнительно покачал головой и посмотрел на мачеху.

— Какое дело большевикам до моего отца? Это странно.

— Ты наивен, Артур. Очень большое дело! Суди сам, Еремия идет навстречу Польше — это раз. Еремия капиталист — это два. Еремия, наконец, пишет новое завещание, которое может оказать огромное влияние на ход политики.

— Как, отец написал новое завещание?

— Да, мой друг, — твердо ответила мачеха, — этот удар тебе еще предстоит перенести. Но в твоём благородстве я уверена.

— Так нужно вызвать старого Крафта, я хочу прочитать завещание при нём! — воскликнул Артур.

Крафт был нотариусом семейства Рокфеллеров. Артур взял телефонную трубку.

— Алло 8-105-105. Вызовите нотариуса Крафта. Как?.. Но когда те? Только что? Боже мой, боже мой!

Он положил трубку и повернулся к мачехе:

— Его только что принесли домой с проломленным черепом. Шофер был пьян и налетел под локомотив.

Мистрисс Рокфеллер не реагировала на это слишком горячо: она почти не знала Крафта. Артур же был подавлен.

— Лучший друг отца! Можно сказать — единственный! Знавший его как свои пять пальцев...

Слуга вошел и доложил о приходе доктора Лепсиуса. Артур кинулся ему навстречу.

Доктор подвигался не спеша. На лице его была приличная случаю скорбь.

— Дорогой мистер Артур, меня вызвали к Гогенлоэ, но по дороге я решил заглянуть и к вам... Мистрисс Рокфеллер, днем мне не удалось выразить вам свое глубокое собо-

лезнование...

Он поцеловал руку мистрисс Элизабет.

— Я рад вам, — коротко сказал Артур, — я прошу вас вместе со мной прочесть новое завещание отца.

— Новое завещание? Мистер Рокфеллер, сколько помнится, написал одно до своего отъезда в Варшаву.

— А там написал второе... — вмешалась мачеха Артура, и слезы показались у нее на глазах, — должно быть, и приведшее к его смерти.

Она встала, отперла драгоценную шкатулку, стоявшую у нее на столике, и протянула Артуру пакет, где с соблюдением всех формальностей, на гербовой бумаге было написано завещание Рокфеллера.

Артур и Лепсиус, приблизив друг к другу головы, прочли его почти одновременно. Это был странный документ, составленный в патетическом тоне. В нем говорилось, что Европе грозит опасность мировой революции. Поэтому он, Еремия Рокфеллер, в случае своей смерти завещает все свое состояние от первого до последнего доллара на борьбу с нею и с очагом ее заразы, Советской Россией, назначая исполнителем своей воли Комитет международных фашистов. Далее следовала подпись Рокфеллера и двух свидетелей. Лепсиус одним глазом охватил содержание документа и невольно воскликнул:

— А где же Крафт? Это надо первым делом показать Крафту.

— Он умер.

— Умер?

— Несчастный случай с автомобилем, — вставила мачеха Артура.

Лепсиус прикусил нижнюю губу. Кое-что, готовое сорваться у него с языка, было мудро подхвачено за хвостик и водворено обратно, в глубину молчаливой докторской памяти.

— Да, — сказал он, — вы разорены, Артур, и вы тоже, мистрисс Рокфеллер.

— Нам не следует думать об этом, — вздохнула вдова. Артур резко повернулся и протянул ей руку:

— Я счастлив, что вы так говорите. Да, мы не должны думать. Клянусь всем, что у меня есть святого, я отомщу убийцам!

Он порозовел, глаза его засверкали. Лепсиус несколько мгновений смотрел на него, потом взял шляпу.

— От всего сердца, мистер Артур, желаю вам успеха, — произнес он медленно.

Он поцеловал руку вдове и двинулся к выходу, храня на лице все такое же наивно-скорбное выражение.

Но на лестнице лицо его мгновенно изменилось. По трем ступенькам к носу взбежал фонарщик, заглянул ему под стекла очков и сунул туда зажженную спичку. Глаза Лепсиуса положительно горели, как уличный газ, когда он пробормотал себе под нос:

— Или я дурак и слепец, или это не подпись Рокфеллера.

Он вышел на улицу, где в нескольких шагах дожидался автомобиль, но тут ему пришлось остановиться. Чья-то черная, худая рука схватила его за палку. Старушечий голос произнес:

— Масса Лепсиус, масса Лепсиус!

— Это ты, Полли? Что тебе надо?

— Вы большой хозяин, масса Лепсиус? Вас станут много слушать?

— А в чем дело?

— Черная Полли говорит вам: прикажите открыть гроб мастера Еремии, прикажите его открыть!

— Что взбрело тебе в голову, Полли?

Но негритянки уже не было. Лепсиус посмотрел по сторонам, подождал некоторое время, а потом быстро сел в автомобиль, приказав шоферу ехать в «Патрициану». Он ни о чем не думал в пути. У доктора Лепсиуса правило: никогда не думать ни о чем в краткие минуты передышки.

Глава четвертая

ОТЕЛЬ «ПАТРИЦИАНА»

Надо вам сказать, что хозяин «Патрицианы», богатый армянин из Диарбекира, по имени Сетто, имеет только одну слабость: он не пьет, не курит, не изменяет жене, но он бессилен перед своей страстью к ремонту. Должно быть, отдаленные предки Сетто были каменщиками. Каждую весну, при отливе иностранцев из своего отеля, Сетто начинает все ремонтировать, снизу и доверху. Он перелицовывает мебель, штукатурит, красит, меняет дверные фанеры, лудит, скребет, чистит, мажет, разрисовывает. Это равносильно лихорадке в 40°. Что хотите делайте с ним, а он непременно затеет ремонт на всю улицу, заставляя чихать нью-йоркских собак.

Многие скажут, что это звучит плебейски и не согласуется с названием гостиницы. Они правы. Но диарбекирец тут ни при чем: он не хотел иметь гостиницы, не хотел назвать ее «Патрицианой» и не хотел предназначать ее для знатного люда. Это вышло роковым образом. Когда Сетто с женой и детьми и большим запасом столярных инструментов, а также армянских вышивок, эмигрировал из Диарбекира в Америку, пароход наскочил на пловучую мину, и множество пассажиров потонуло. Среди несчастных, барахтавшихся в воде, был владетельный князь Монако. Он уже собрался потонуть, как вдруг, подняв глаза, увидел над собой целую эскадрилью больших желтых круглых тыкв. Окиплыли, а за ними, как ни в чем не бывало, поджав ноги, плыло все семейство диарбекирца, перебрасываясь мирными замечаниями насчет погоды.

— Спасите меня! — крикнул им князь.

Сетто пристально посмотрел на жену. Та кивнула головой и произнесла по-армянски:

— Спаси человека однажды, а бог спасет тебя дважды.

— Это хороший процент, — ответил Сетто и кинул князю пару великолепных пустых тыкв. Князь ухватился за них

и безмятежно поплыл, благословляя судьбу. Так они носились три дня, подкрепляясь глотками рома и месивом из муки «Нестле», хранившимся в жестянке на груди у диарбекирца. Вот в эти-то часы морского существования князь и обещал своему спасителю построить для него чудесную гостиницу в Нью-Йорке, с одним непременно условием: чтоб она принимала только коронованных особ и дворян и была названа в честь этого благородного сословия «Патрицианой». Диарбекирец согласился. Их подобрали на четвертые сутки, и каково было удивление Сетто, когда его морской попутчик сдержал свое обещание. Таким-то образом Сетто из Диарбекира стал хозяином «Патрицианы».

Он свято выполнял условие. Ни один Рокфеллер, ни один Морган, ни даже сам Николай Рябушинский не смели у него остановиться. Зато любой беглый принц или же грузинский князь, все состояние которого заключалось в одних серебряных позументах, не говоря уже о чисто-опереточном дворянстве из негритосов, эскимосов, тюркосов, атосов и портосов, имело к нему неограниченный доступ. Несчастный диарбекирец выручал очень мало со своей гостиницы. Он зарабатывал на стороне торговыми оборотами. Часто случалось, что знатные постояльцы просили у него взаймы. Он терпел и сносил это безропотно. Только однажды жена услышала от него слово гнева: войдя к ней в комнату, он внезапно снял со стены икону, изображавшую святую Шушаник, и повернул ее лицом к стене.

— Что ты делаешь, нечестивый! — воскликнула жена.

— Пусть они там наверху поучатся сведению баланса и двойной бухгалтерии, — ответил Сетто, — я ждал от бога сто на пятьдесят, а он вместо этого заставляет меня спасать знатных иностранцев уже не единожды, а восемьдесяттысячерижды.

Так вот, с наступлением весны этот самый Сетто задумал опять на досуге отдаться своей страсти и приступил к ремонту. «Рабочий союз для производства починок по городу Нью-Йорку» получил от него срочный заказ и тотчас же выслал ему армию квалифицированных маляров, кровель-

щиков, штукатуров, обойщиков, водопроводчиков, канализаторов и трубочистов.

Только-только приступили они к работе, как автомобиль доставил в «Патрициану», к истинному бешенству Сетто, двух знатных господ: принца Гогенлоэ и виконта де Монморанси.

Как на зло, комнаты, предназначавшиеся для них, были в ремонте.

— Ничего, хозяин, — сказал молодой слесарь, приводивший в порядок замки в 2 А-Б, — не трудите себе головы. Пусть их въезжают, а я при них уж докопчу. Тут работы самое большее на часок.

И покуда знатные господа сидели за табльдотом, слесарь, как обещал, со всеми своими инструментами, направился в апартаменты бельэтажа, носившие затейливую нумерацию 2 А-Б и состоявшие из анфилады больших парадных комнат со всеми решительно удобствами, вплоть до самостоятельной междугородской телефонной станции и почтового отделения.

Захлопнув за собой дверь, слесарь Виллингс поставил корзинку с инструментами на пол и, к моему собственному удивлению, вместо того, чтоб начать ремонт, сделал прыжок. Потом он остановился и прислушался, — ни звука. Тогда Виллингс сделал еще один пируэт, нажимая пятками на какую-то невидимую нам точку, и тотчас же квадратный кусок паркета под ним зашевелился, поднялся и стал ребром поперек комнаты, открыв черную дыру вниз.

— Менд-месс! — шопотом сказал слесарь, наклонившись к дыре.

— Месс-менд! — тотчас же послышалось оттуда, и в отверстии показалась голова водопроводчика Ван-Гопа.

— Это ты, Виллингс? Я тут чиню трубы. А ты что делаешь?

— Исправляю замки. Скажи, пожалуйста, Ван-Гоп, у тебя там внизу на всех вещах есть клеймо Мик-Мага?

— Почти на всех, Виллингс. Только обойная фабрика из Биндорфа подкузьмила. Ребята на ней еще не записались в союз, у них вещи не согласованы с нашими. Обидно это,

тут ведь за обоями дверь с клеймом прямехонько в верхний номер русского попрошайки, а обои не слушаются.

— Надо бы нажать на Биндорф. Упереди Тингсмастера. Да смотри, Ван-Гоп, не выходи из трубы до завтра. Должно быть, будут интересные передачи.

После этого Виллингс закрыл паркет и, весело посвистывая, принялся осматривать замки. Он делал это в высшей степени странным образом. Так, он брал лупу и внимательно глядел через нее на шейки замков, на петли ключей, на дверные, комодные, шкафные скобки и всякий раз одобрительно кивал головой. Заглянув с ним вместе, я вижу в лупу только две микроскопические буквы, стоящие одна внутри другой, мелкие, как инфузии:

И больше ничего.

Кончив осмотр, Виллингс крепко запер ключом одну из дверей, подошел к ней и, не вынимая ключа, провел ногтем по какой-то невидимой полоске. Дверь тотчас же тихо открылась, хотя ключ попрежнему торчал в замке.

— Менд-месс! — позвал кто-то громко из стены.

— Месс-менд, — поспешно ответил Виллингс. Стена раздвинулась, и с куском штофной материи в руках в комнату вошел обойщик.

— Виллингс, дай немедленно знать по всей линии. Тут что-то готовится. Только что с экспрессом из Сан-Франциско приехал лорд Хардстон. Я думаю, нам пора кончить починку, тут все до последнего в порядке.

— Ван-Гоп говорил насчет обоев...

— Да, это лишает нас возможности слышать, что делается у русского и в смежном с ним номере. Ну, да не беда. Поставь, брат, часовых и выбирайся отсюда поскорей.

Оба немедленно вошли в стену и бесшумно очутились в комнате телефонистки, мисс Тоттер. С ней они обменялись

все тем же таинственным приветствием, а потом вышли из боковой двери и попали прямехонько на шумную улицу.

Тем временем принц Гогенлоэ и виконт де Монморанси благополучно кончили длинный обед, запили его чем следует, закурили и, тихо переговариваясь, шли к себе, в общие апартаменты 2 А-Б.

Глава пятая

СОВЕЩАНИЕ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО

В этой главе имеет выступить человек, к которому я не питаю симпатии, чтобы не сказать больше. Как честный автор, предупреждаю об этом читателя. Может случиться, он на самом деле лучше, чем изображен у меня, но я вовсе не обязан быть объективным, тем более, что его родственники меня об этом не просили.

Принц Гогенлоэ вошел к себе в комнату и подождал, покуда виконт, с трудом опустившись в кресло, жестом отпустил лакея. Затем он прошелся раза два и остановился перед ним:

— Итак, виконт, мы выиграли два козыря. Один из крупнейших капиталов в мире волею завещателя переходит к нам в руки, и величайший заводчик Америки, Кресслинг, становится членом нашего союза. Этим нельзя пренебрегать.

— Не забудьте, принц, что союз с буржуазией всегда опасен, — улыбаясь ответил Монморанси, — рано или поздно она потребует компенсации.

— И мы дадим ее. Мы дадим молодому Рокфеллеру титул барона, а Кресслингу дворянский герб и частицу «фон». Я полагаю, этого достаточно. И мы не будем иметь никаких расходов, кроме разве накладных.

В дверь постучали. Лакей принес на подносе карточку русского вельможи, князя Феофана Ивановича Оболенкина. Князь жил уже третий год в Нью-Йорке, занимая комнату № 40 во втором этаже, и все счета, получаемые им, посылал главе русского правительства в Париже, содержащему своих придворных и дипломатических представителей. Злые языки, впрочем, уверяли, что в Берлине, Риме, Мадриде и Лондоне также имеются правящие династии русского престола и что дипломатический корпус имеет тен-

денцию к постоянному приросту населения, но это уже относится к области статистики, а не беллетристики.

Гогенлоэ посмотрел на карточку и утвердительно кивнул лакею. Через несколько минут дверь снова отворилась и на этот раз в комнату влез боком крошечный старикашка с моноклем в глазу, красным носом и дрожащими ножками, сильно подагрическими, в суставах.

— Мое почтение, принц; добрый вечер, виконт. Поздравляю с приездом. Очень, очень рад. Газеты, знаете ли, стали какими-то неразборчивыми. Перепутали день тезоименитства его величества, самодержца всея Тульской губернии, Маврикия Иоанновича, со спасением на суше и на водах генерала Врангеля, и я из-за этого должен был опоздать к вам: с самого утра принимаю депутации.

— Как? — рассеянно переспросил Гогенлоэ, — Маурикий? А, да, да, Тульская губерния. Это претендент группы народных сепаратистов, известной под именем «Россия и самовар». Знаю, знаю, садитесь, князь, вы ничуть не опоздали. Мы ожидаем еще кой-кого!

— Кстати, — проямлил виконт, — милейший Оболонкин, ваш сосед перед отъездом не дал вам никаких поручений?

— Вы говорите о синьоре Грегорио Чиче? Нет, он только сообщил, что непременно появится в нужную минуту. — С этими словами Феофан Иванович потянулся к столику, где у принца лежали гаванские сигары.

— Станный человек этот Чиче, — понизив голос, заговорил виконт, — уезжает и возвращается, как волшебник, ни разу не пропустив важной минуты. Никому не отдает отчета, вертит комитетом и каждым из нас как хочет, мы знаем только одно, — что без него ничего не выйдет.

— Он великий организатор, — заметил принц, — не забудьте его происхождения, ведь он из Корсики.

— Да-с, крепкий человек. Насчет дамского пола, можете быть уверены, — я слежу — крепость необычайная и полнейший нейтралитет, — вмешался князь, — не то, что банкир Вестингауз. Этот в ваше отсутствие... вы прямо-таки не отгадаете!

— Чем отличился Вестингауз? — лениво спросил виконт. Но Феофану Ивановичу не суждено было высказаться. Дверь снова раскрылась, впустив на этот раз в комнату доктора Лепсиуса.

Здесь читатель, во избежание обременительных церемоний, сам может вставить «здравствуйте», «как поживаете» и прочие фразы, служащие обычным словарем между цивилизованными людьми. Я пропускаю все это и начну с того, как доктор Лепсиус, согласно своей профессии, стал орудовать инструментами.

Каждый доктор должен иметь: трубочку, рецептную книжку, часы, щипчики для нажима на язык и — желательно — электрический фонарик с головным обручем. Все это у Лепсиуса имелось. Все это он извлек и приступил к делу.

— Давненько я вас не слушал, ваше высочество, — бормотал Лепсиус, — пульс хорош, так, так. Цвет лица мне не нравится, шея тоже. А скажите, пожалуйста, как обстоит с теми симптомами, которые удручали вас в прошлом году?

— Вы говорите о позвоночнике? Да, они не утихают, доктор. Я бы хотел, чтобы вы ими занялись.

— Позвоночник, чорт его побери! — вмешался де Монморанси. — Вот уж с месяц, как меня изводит эта беспричинная хромота, почему-то вызывающая боль в позвоночнике. Посмотрите и меня, Лепсиус.

Глазки доктора под круглыми очками запрыгали, как фосфорические огоньки. Все три ступеньки, ведущие к носу, сжались взволнованным комочком. Он вскочил, впопыхах рассыпав инструменты:

— Я должен осмотреть вас. Необходимо раздеться. Выйдете в соседнюю комнату.

— Вот таков он всегда, — со вздохом сказал принц, когда виконт и Лепсиус скрылись за дверью, — чуть дело коснется позвоночника или, точнее, седалищного нерва, наш доктор на себя непохож, — волнуется, мечется, раздевает больного и прелюбопытно его осматривает. Когда нет причин для осмотра, он их выдумывает из головы. Я видел трех знатных бельгийцев, которых он ухитрился осмотреть ни с того, ни с сего, под предлогом какой-то болезни...

Между тем в соседней комнате виконт де Монморанси лениво предоставил доктору Лепсиусу изучать его обнаженную спину. Толстяк был совершенно вне себя. Он пыхтел, прыгал, как кролик вокруг больного, бормотал что-то полатыни и, наконец, весь замер в созерцании.

Куда он смотрит? Он смотрит на позвоночник молодого француза, изящно пересекающий его белое с голубыми жилками тело. Все как будто в порядке, но предательская лупа в дрожащей руке Лепсиуса указывает на маленькое, с булавочную головку пятнышко, ощущаемое как небольшая выпуклость.

— Вот оно, вот оно, — забывшись, шепчет Лепсиус с выражением восторга и ужаса на лице. И внезапно задает виконту нелепый вопрос, не удивляющий француза только потому, что его лень сильнее, чем все остальные способности.

— Вы очень знатного происхождения, виконт?

— В моем гербе есть лилия Бурбонов и петух Плантагенетов, доктор, — вяло отвечает француз.

— Прекрасно, прекрасно, одевайтесь, мы вам пропишем великолепные капли.

Между тем к принцу опять постучали. То был высокий, седой англичанин, пропитанный крепчайшим запахом табака.

— Лорд Хардстон?

— Он самый.

Сердечные рукопожатия. Опять «здравствуйте», «какживаете» и пр., и пр. Но лорд Хардстон не расположен тратить время. Он оглядывается вокруг, смотрит на часы и отрывисто говорит:

— Я только что видел Чиче. Он приказывает нам немедленно открыть заседание под его председательством.

— Позвольте, но Чиче нет здесь.

— Это все равно, его председательство незримо. Дорогой принц, отпустите, пожалуйста, этого толстяка, он, кажется, доктор?

— Доктор Лепсиус.

— А, так это знаменитый Лепсиус! Рад познакомиться. Однако время не терпит. Объявляю заседание открытым от имени председателя. Прошу всех посторонних удалиться!

Лепсиус никогда не мог дожидаться гонорара от постояльцев «Патрицианы». Тем не менее он уходил от них в состоянии, похожем на экстаз. Так и сейчас, прижимая к себе палку, он выскочил из № 2 А-Б с восторженным лицом и, не переставая бормотать про себя «так оно и есть», спустился к ожидавшему его авто.

Сетто-диарбекирец укоризненно посмотрел ему вслед.

— Тщеславный человек, — сказал он своей жене, — только и подавай ему людей знатного происхождения. Ему владыка папуасов интереснее, чем купец-армянин. А я бы всех этих знатных обоего пола, да еще их лакеев в придачу, с удовольствием променял на хороший салат из помидоров...

— С луком, — вздохнув, ответила его супруга.

Глава шестая

СТРАННОСТИ СОДЕРЖАНКИ БАНКИРА ВЕСТИНГАУЗА

Если бы Феофану Ивановичу не помешали высказаться о банкире Вестингаузе, он сказал бы следующее:

— Вестингауз, хи-хи-хи, завел себе содержанку... Да не простую, а можете себе представить — в маске. Да, вот именно, в маске. Женщина эфемерная, элегантная, с походкой сильфиды, а появляется не иначе, как в маске. Я убежден, что она спекулирует на мужском любопытстве. Будь я лет на пять, на шесть помоложе...

Князь Феофан не врал. События, отмеченные нью-йоркской прессой, таковы:

24 февраля в театре «Конкордия» на опере «Сулейман» публика видит внезапно в одной из фешенебельных лож красиво сложенную женщину в маске. Как ни в чем не бывало эта женщина глядит на сцену парой глаз, сверкающих в миндальном разрезе шелковой маски, не смущается от устремленных на нее со всех сторон биноклей и лорнетов, кутает обнаженные плечи в роскошный мех, читает афишку, словом — ведет себя непринужденно. Нью-йоркцы поражены. Незнакомку никто не может признать. Ходят слухи о том, что это знатная иностранка, чье лицо обезображено оспой. Тогда любопытство сменяется состраданием, и на некоторое время инцидент забыт.

2 марта на катанье возле Вашингтон-Авеню женщина в маске появляется снова, на этот раз не одна. С ней в коляске сидит банкир Вестингауз, старый развратник, известный на всю Америку своими выездами и любовницами. Вестингауз — холостяк. У него нет родственников. Ни одна приличная женщина не согласится проехать в его коляске. Вывод ясен: таинственная маска дитя того мира, откуда вышли Виолетта и Манон Леско, это — демимонденка.

В Нью-Йорке нет того культа кокоток, который харак-

терен для Парижа. Но женщина, сумевшая приковать к себе внимание своей странностью, удостоивается некоторого уважения. Таинственную маску пытались сфотографировать, поймать врасплох; ей писали влюбленные письма, посылали цветы и подарки, — все напрасно. Она оказалась недоступной ни для кого. Банкир Вестингауз, с улыбкой принимавший поздравления друзей, пожимал плечами на все распросы:

— Дети мои, это перл создания! Уверяю вас, я бы женился на ней, если б только она согласилась... Но показать вам ее, — нет. Никому, никогда, до самой моей смерти!

Можете себе представить, как любопытствовала нью-йоркская молодежь! Представители торговых династий корчили гримасы от зависти. Один из них, только что кончивший Гарвардский колледж, упитанный сибарит Поммбербок, вздумал даже победить Вестингауза: он взял маленькую Флору из кордебалета, нарядил ее в маску и прошелся с ней по Пятой Авеню, но был позорно освистан сторонниками маски, а Флора целую неделю не смела появиться на улице. В конце концов из маски сделали нечто вроде тотализатора, держали на нее пари, клялись ею, гадали по цвету ее костюмов о погоде, удаче, выигрыше и пр., и пр.

Не менее были заинтересованы и девушки. Каждая из них в глубине души хотела походить на маску. Портнихи получали заказ: сделайте по фасону маски.

Но ни одна не питала такого влюбленного восторга, такого преклонения перед маской, как дочь сенатора Нотэбита, шалуня Грэс. Грэс сидит в настоящую минуту в своей музыкальной комнате, с учительницей, мисс Ортон, и делает тщетные попытки отбарабанить четырнадцатую сонату Бетховена. Ей двадцать лет, она кудрява как мальчишка, веснушчата, с немного большим, но милым ртом, подвижна как ящерица. Ее нельзя назвать хорошенькой. Но с нею вы тотчас же чувствуете себя в положении человека, ни с того ни с сего вызванного на китайский бокс. Грэс делает фальшивый аккорд, мисс Ортон нервно вскрикивает, Грэс поворачивается к ней, кидается ей на шею и восклицает:

— Мисс Ортон, дорогая, это выше моих сил! Сегодня я видела маску перед цветочным магазином. Если б только вы знали, какая у нее ножка! Я сделала глупость, схватила ее за платье и объяснилась ей в любви.

— Что же было потом? — улыбаясь спросила учительница, гладко причесанная, можно сказать — зализанная, кривобокая молодая дама в скромном и чрезвычайно неуклюжем платье. Голос ее, впрочем, был очень музыкален и походил на мурлыканье флейты.

— Ах, мисс Ортон! В том-то и дело, что этот мерзкий старикашка, банкир Вестингауз, свалился откуда-то с неба и ехидно заявил мне: «Мисс Нотэбит, честь имею проводить вас в магазин». И прежде чем я успела опомниться, он сунул меня в магазин, а маска порхнула в коляску и исчезла.

— Да, Грэс, это было очень неосмотрительно с вашей стороны. Не забывайте, что вы дочь сенатора.

— Очень мне нужно помнить об этом, мисс Ортон. Я объявляю категорически: я влюблена в маску. Я чувствую, что этот проклятый Вестингауз мучит ее. Я намерена ее спасти... Раз-два, раз-два, — бессмертное трио четырнадцатой сонаты разлетелось на куски под ее энергичными пальцами.

— Боже мой, — вздохнула мисс Ортон, — вы не понимаете Бетховена.

Неизвестно, что ответила бы ей Грэс, если б в эту минуту дверь не распахнулась настежь и чей-то странный, басистый по-мужски, голос не произнес:

— Милая Грэс, наконец-то!

Мисс Ортон сильно вздрогнула, должно быть — от неожиданности. В музыкальную вошла очень смуглая, изящно одетая девушка с большими пунцовыми губами, рыже-волосая, в мехах, несмотря на майский день. Это была мисс Клэр Бессон, дочь второй супруги Рокфеллера и закадычная подруга Грэс по школьной скамье.

— Клэр! Ты, наконец, тут! — Грэс рассыпала ноты, вскочила и повисла у нее на шее. — Одну минуточку, мисс Ортон, простите, пожалуйста. Я dokonчу урок, только дай-

те нам поздороваться.

Мисс Ортон и не думала протестовать. С терпением бедного человека она сложила руки на коленях, села в теневой угол и молчаливо сидела с полчаса, покуда девушки болтали, забыв об ее присутствии. Они болтали, как подбавляет двум юным бездельницам привилегированного класса, о том, о сем, о варшавской опере, о концертах Рахманинова, о молодом Артуре Рокфеллере, о маске, еще о молодом Рокфеллере, еще о маске. Выяснилось: об Артуре предпочтительно говорила Клэр, о маске предпочтительно говорила Грэс.

— Этот твой Артур — порядочная мямля, — вырвалось у дочери сенатора к концу разговора, — по крайней мере, скажи, видел ли он хоть разочек мою маску.

— Мистер Рокфеллер не интересуется коготками, — сухо ответила Клэр, — у него все мысли поглощены местью. Ведь ты знаешь, его отца убили большевики, это теперь окончательно доказано. Он собирается поднять против них всю Европу.

— Фи, как глупо. Клэр, знаешь что: мне очень хочется, чтоб ты посмотрела на маску, мне интересно узнать твое мнение. Она — шик, изящество, прелесть, ну, я сказать тебе не могу, что она такое. А главное, она мне кажется ужасно несчастной.

— Грэс, повторяю тебе, что ни я, ни Артур, мы не интересуемся подобными женщинами.

— Ты говоришь таким тоном, будто вы помолвлены.

Клэр вспыхнула, Грэс надулась. Разговор был прерван.

Мисс Ортон тихонько встала со своего места, незаметно надела шляпку, спустив на лицо вуаль, простилась с обеими девушками и прихрамывая вышла из музыкальной.

Клэр с удивлением проводила ее глазами:

— Грэс, я не могу понять, почему ты берешь уроки у этой безобразной, хромоногой, неуклюжей старой девы, похожей скорее на прачку, чем на музыкантшу. Ведь ты могла бы найти себе превосходного учителя!

Грэс вскочила с места и плотно притворила дверь; она вспыхнула от гнева:

— Стыдись! — шепнула она подруге. — Мисс Ортон еще не успела спуститься с лестницы, она, наверное, все слышала. И совсем она не урод, а...

Тут Грэс остановилась и сообразила, что она ни разу, н и р а з у не задумалась о наружности мисс Ортон. Тряхнув кудрями, девушка принялась вспоминать свою учительницу, ее лицо, глаза, улыбку, руки: правда, глаз она не поднимала и безобразила их очками, руки носила в перчатках от ревматизма, волосы гладко зализывала в сетку, улыбалась раз в месяц, но все-таки, все-таки, если вспомнить... Лицо Грэс озарилось положительно торжеством. Она взглянула на подругу победоносно и закончила неожиданно для себя самой:

— А все-таки я тебе скажу — мисс Ортон красавица.

ДЖИМ ДОЛЛАР

МЕСС МЕНД

ВЫП

ТАЙНА ЗНАКА

2

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
МОСКВА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
1924**

Глава седьмая

УЧИТЕЛЬНИЦА МУЗЫКИ И НОТАРИУС

Бедная мисс Ортон слышала все, что сказала Клэр. По-видимому, это не слишком огорчило ее. Она только застегнула на груди вязаную кофточку и стала еще сильнее прихрамывать. Дойдя до Седьмой авеню, она села в автобус, ехала с полчаса и слезла как раз напротив темного старого дома в стиле прошлого столетия, одного из немногих обломков старины, сохранившихся в Нью-Йорке.

Прошло несколько минут, прежде чем ей отворили. Мальчик в куртке с позументами спросил ее хриплым голосом (лицо его было красно от слез):

— Кого вам надо?

— Мне нужно видеть нотариуса Крафта. Вот моя карточка.

Мальчик с изумлением глядел на девушку, в то время как рука его машинально приняла карточку.

— Дома нотариус? — повторила она еще раз.

К мальчику подошел старый негр, черное лицо которого также распухло от плача. Он дрожащей рукой отстранил его и произнес:

— Мисс извинит нас. Мисс не может видеть нотариуса. Крафт умер, попал под автомобиль.

— Умер? Боже мой, боже мой!

Мисс Ортон казалась совершенно потрясенной. Она побелела так, что негр сочувственно поддерживал ее и, доведя до плетеного кресла, предложил ей сесть.

— А как же теперь его бумаги? Кто-нибудь заменяет нотариуса?

— Там, наверху, в кабинете покойника вам дадут справку, — мрачно ответил ей негр, и его круглые глаза сверкнули, как у дикого зверя. — Не успел масса умереть, как уже сюда пришли хозяйничать, завладели всеми его бумагами, взломали шкафы, а потом запечатали красными пе-

чатами. Да, уж заменить-то его заменили, без всякой совести, мисс может быть покойна на этот счет.

Девушка выслушала его и молча двинулась по лестнице. Но на полпути она остановилась и повернула голову к негру.

— Скажите мне, — шепнула она как можно тише, — как имя того, кто заменяет мистера Крафта.

Негр посмотрел на нее снизу вверх, все так же мрачно сверкая глазами, и ответил негромко:

— Это сущий дьявол, мисс. Беда всем и каждому, кто станет иметь с ним дело. А имени его сказать вам никак не могу. Знаю только, что помощники величают его синьором Грегорио.

Мисс Ортон поднялась по лестнице, на этот раз уже не оборачиваясь, и вошла в общую канцелярию.

Здесь сидели бывшие помощники Крафта, его молодой секретарь Друк и четверо маленьких черномазых людей, усиленно заглядывавших им за плечи. Все они были, по видимому, заняты разбором бумаг, оставшихся после Крафта.

Мисс Ортон обвела их глазами. Потом, повинувшись тому верному инстинкту, который бывает у очень чутких людей, попавших в беду, она двинулась прямо к Друку.

Это был молодой человек со смышленным, широким лицом, пухлыми щеками и ямочкой на подбородке. Близко знавшие Друка сказали бы, что он притворяется глупее и легкомысленнее, чем он есть на самом деле. В данную минуту Друк изобразил такое простодушие, такое беспамятство, такую придурковатость, что четверо черномазых молодчиков переглядываются друг с другом, пожимая плечами, и один уже тихонько выругал его идиотом.

Вот к этому-то дурачку и направилась мисс Ортон. Подойдя, она подняла вуаль, сняла с глаз очки и посмотрела ему прямо в глаза. Друк оцепенел на месте, как загнипнотизированный. Тогда мисс Ортон снова надела очки, спустила вуалетку и тихо произнесла:

— Я пришла сюда с большой просьбой. Умер Рокфеллер, чье завещание должно находиться у нотариуса Краф-

та. Я пришла узнать содержание этого завещания.

— Как ваше имя? — спросил Друк безмятежно, подмигивая ей очень выразительно па черномазых.

— Мисс Ортон.

— Мисс... как? Буртон, Мортон... Ага, Ортон. — Он написал что-то на бумаге и протянул ее девушке. — Вот, будьте добры, попросите у курьера перед той дверью, чтоб он пропустил вас прямехонько к синьору Грегорио, назначенному уполномоченным по принятию архива нотариуса Крафта. — Говоря так, он снова выразительно подмигнул ей, на этот раз на бумажку.

Мисс Ортон прочла бумажку. В ту же минуту один из черномазых подошел к ней вплотную, стараясь заглянуть ей в руки. Ему это не удалось, и он сердито промолвил:

— Эй, Друк, что вы такое написали мисс?

— Мое собственное имя, — вмешалась мисс Ортон спокойным и тихим голосом, складывая и пряча бумажку в сумочку, — вероятно для передачи курьеру. Спасибо, мистер Друк, если вас так зовут, — обратилась она к секретарю, снова принявшему придурковатый вид, — только в этой записке нет надобности, у меня ведь есть своя карточка.

Она вынула из сумочки карточку и передала ее черномазому.

Тот, сердито ворча и поблескивая кофейными глазками, взял карточку и лично прошел за темную дубовую дверь.

Через несколько минут он вышел. Выражение лица его резко изменилось. Сияя любезностью и отвесив два-три поклона, он пригласил мисс Ортон к синьору Грегорио, все время пятясь перед ней к двери, подобно опереточному лакею. Как только она вышла и дубовая дверь захлопнулась, он сорвал с вешалки зеленую кепку, сделал какой-то жест своим товарищам и опрометью сбежал вниз. Тотчас же один из черномазых, тот, кто сидел в непосредственной близости с телефоном, взял трубку, тихо проговорил неразборчивый номер и, когда его соединили, шопотом сообщил какой-то Нетти, что «ей придется купить новую шляпку».

Мы не знаем, понравились ли все эти манипуляции белобрысому Друку, так как на лице его было безмятежное

спокойствие, а судя по овечьему выражению глаз, он вряд ли особенно толково рассортировывал находящиеся перед ним рукописи.

Тем временем мисс Ортон переступила порог большой комнаты с тяжелой кожаной мебелью и цветными готическими окнами, где когда-то нотариус Крафт принимал своих посетителей. Она вошла, сильно прихрамывая и болезненно сутулясь. И в ту же секунду, хотя ни в человеке, находящемся в комнате, ни в самой комнате не было ничего особенного, вещей инстинкт прошел холодком по ее позвоночнику и зашевелил волосы на голове от ужаса.

Сидевший перед столом человек в черном встал, отодвинув кресло, и поклонился ей. Он держал в руках ее карточку.

— Вы мисс Ортон? Присядьте, пожалуйста, — это был самый банальный голос в мире.

Она села, и ей понадобилось несколько мгновений, чтобы оправиться. В это время незнакомец пристально оглядел ее с головы до ног и снова спросил:

— Итак, мисс Ортон, вы одна из клиенток покойного Крафта. Чем могу вам служить?

— Я не клиентка нотариуса Крафта. Я пришла просить вас об одной исключительной любезности. Мне известно, что Еремия Рокфеллер перед отъездом в Европу оставил завещание. Теперь он умер. Не можете ли вы познакомить меня с его завещанием?

— Нет ничего легче, мисс Ортон. К сожалению, я должен сообщить вам, что завещание, о котором вы говорите, не найдено в бумагах Крафта, да оно к тому же и уничтожено последующим завещанием покойного, составленным в Варшаве. Вот вам его точная копия.

Он протянул мисс Ортон бумагу, и девушка прочла документ, уже известный читателю. Прочтя его дважды, она встала и вернула бумагу незнакомцу.

— Благодарю вас. Вы не помните, не упоминается ли имя Ортон в каких-нибудь бумагах Крафта?

— Этих бумаг очень много. Но, сколько помню, я не встречал вашего имени.

Говоря так, он еще раз пристально оглядел девушку. Сквозь очки и вуалетку мисс Ортон тоже взглянула на него и, тотчас же содрогнувшись, опустила глаза. Между тем перед ней был только безукоризненно одетый мужчина со смуглым лицом, черными усами и бескровными желтыми губами.

Мисс Ортон снова вышла в канцелярию, прихрамывая сильнее обыкновенного, и, простившись кивком головы со стряпчими, спустилась на улицу. Здесь она некоторое время медлила, высматривая, нет ли где доброго старого негра, впустившего ее в дом. Потом побрела к остановке омнибуса и, укрывшись в тень большого металлического зонтика, за спиной дремлющего толстяка, прочла еще раз записочку, врученную ей Друк. Там стояло:

«Бруклин-стрит, 8, Друк, в 4 часа».

— Повидимому, этот Друк что-то знает. Но кто и по какому праву хозяйничает в архиве Крафта? — Она твердо решила пойти по указанному ей адресу, а чтобы заполнить оставшееся время, направилась на набережную. Миновав дватри квартала, она вышла к сияющей ленте Гудзона, в этом месте почти пустынной. Не было видно ни пароходов, ни моторных лодок. Внизу, под гранитами набережной, шла спешная майская починка водопроводных труб. На развешенной мостовой отдыхали два веселых блузника, с аппетитом уписывавших колбасу.

Мисс Ортон шла вдоль берега, совсем не замечая того, что вслед за нею плетется неотступный спутник. Это был тщедушный, небольшой мужчина, с ходившими под блузой лопатками, со слегка опухшими сочленениями рук. Глаза у него были впалые, тоскующие, унылые, как у горького пьяницы, на время принужденного быть трезвым. Под носом стояли редкие, жесткие кошачьи усы, на шее болтался кадык. Он шел, поглядывая туда и сюда, как вдруг, в полной тишине, за безлюдным поворотом, он вынул что-то из-за пазухи, бесшумно подскочил к мисс Ортон и взмахнул рукой. Мгновение — и несчастная девушка с ножом между лопатками, без крика, без стоны, свалилась с набережной в Гудзон. С минуту человек подождал. Все было пустынно по-

прежнему. Тогда он повернулся и исчез в переулке.

Блузники, dokonчившие колбасу, вернулись к работе.

— Виллингс, — сказал один из них, — мне это не нравится. Тут проходила хрошая девушка, а сейчас от нее и следа нет, точно в воду канула.

— Я тоже слышал всплеск воды. Спустись-ка, Нэд, пониже, да стукни Лори, — он заливает трубы под самой набережной.

— Ладно! — ответил тот и спрыгнул в отверстие.

Глава восьмая

ЗАСТЕННЫЙ МИР

Я оставил лорда Хардстона в ту минуту, когда он объявил заседание открытым под председательством незримо-го синьора Чиче. Все сели за стол. Лакей подвел хромящего виконта к креслу возле Гогенлоэ, помог ему сесть и вышел. Русский князь выкатил из глаза монокль и протер его носовым платком. Над ними, в каминной трубе, молодой человек с яркочерным носом, черными щеками и лбом тоже уселся покомфортабельнее, то есть упер ноги выше головы в выступ трубы, а голову свесил вниз, прижав ухо к незаметной щели.

— Господа фашисты! Время не терпит, — начал лорд Хардстон энергично.

— Скажите пожалуйста, какая любезность, — шепнул про себя Том-трубочист, сплевывая вниз, — откуда он знает, что у меня каждая минуточка на счету?

— Поэтому, — продолжал Хардстон, — я предлагаю вам воспользоваться ключом синьора Чиче, любезно мне отданным, и перенести заседание в его комнату.

— Позвольте, какое имеет это отношение...

Но дальше Том-трубочист слушать не стал. Быстрее обзвьяны он взметнулся по трубе, влез в какую-то заслонку, вынырнул из нес, повис над пустой ванной, раскачался, скакнул через нее в уборную и тут попал прямехонько в горничную Дженни, убиравшую купальные принадлежности.

— Ай, — вскрикнула Дженни, — ай! Кто вы такой?

— Я чорт, красавица. Ей-богу, чорт.

— Как бы ни так, станут черти божиться, — недоверчиво произнесла Дженни, думая про себя: «Вот уж мистрисс Тиндик лопнет от зависти, если узнает, что я видела настоящего чорта».

Но время ее раздумья было для Тома спасительным. Он тихонько попятился к двери, отворил ее и исчез.

Дженни разинула рот.

— Верь после этого пастору Русселю, — пробормотала она в душевном смятении, не сводя глаз с двери. — С чего это он уверяет, будто чудеса есть промысл божий. Черти-то, оказывается, тоже этим промышляют. Гляди-кось, голубчики мои, прошел через запертую дверь, а она и опять заперта с моей стороны.

В это время Том, пролетев стрелой по коридору, вошел в шкаф, сделал два-три перехода по стене и очутился перед дверью синьора Чиче. Но он опоздал. Заседание уже началось — перед самым его носом. И благодаря несознательности ребят с обойной фабрики в Биндорфе, он не мог в нее проникнуть. Том чуть не заплакал со злости, что, разумеется, очень повредило бы профессиональному цвету его лица. Поблизости был камин. Он грустно вошел в него и провалился в трубу. Внизу, под страшным жаром кухонной плиты, в сетке всевозможных труб и цилиндров, Том нажал кнопку и шепнул:

— Менд-месс.

— Месс-менд, — тотчас же послышалось в ответ.

Цилиндр раздвинулся, обнаружив мирно сидящего Ван-Гопа с каучуковыми трубками на ушах.

— Почему ты ушел со сторожевого поста, Том?

— А потому, что, чорт их побери, они перебрались в комнату этого итальянца!

— В комнату без номера?

— Вот именно, Ван-Гоп. Я совершенно сдурел. Я метался по стенам, въехал на голову одной красотке, даже обчистился малость от переделки, а придумать ничего не могу.

— Да, этим ты, Том, никогда особенно и не отличался. Удивляюсь, почему это ребята посадили именно тебя. Ну да ладно, молчи и слушай. *Allo*, мисс Тоттер!

Сквозь одну из каучуковых раковин послышалось:

— Я слушаю, это вы, Ван-Гоп?

— Я. Соедините меня с Миком.

— Сейчас не могу, требуют из конторы. Обождите.

Ван-Гоп и Том принялись молча ждать. Через две минуты раздался голос мисс Тоттер:

— Ван-Гоп, слушайте. Я вас соединила с Миком.

Откуда-то, из отчаянной дали глухо донеслось:

— В чем дело?

— Тингсмастер, помоги, — заговорил в трубку Ван-Гоп, — совещание перебросили в комнату без номера. Том и я бессильны. А должно быть, они шушукуются не без важного дела.

— Умеете орудовать зеркальным аппаратом? — донеслось по складам. Тингсмастер старался говорить внятно.

Ван-Гоп взглянул на Тома, Том взглянул на Ван-Гопа.

— Как будто не умеем, Мик, — сконфуженно ответил Ван-Гоп.

— Иду сам, — раздалось из трубки.

Как только водопроводчик повесил свой каучуковый телефон на место, трубочист толкнул его легонько в бок не без ехидства:

— Видать, Ван-Гоп, что и ты не особенно отличаешься этим самым,

— Чем такое?

— Смекалкой.

И прежде чем Ван-Гоп смог дать ему подзатыльник, Том уже взлетел на самый верх цилиндра и превесело задрывал оттуда пятками.

Между тем широкоплечий, русобородый силач в рабочей блузе, перепоясанный ремешком, положил на место рубанок у станка в ярко освещенной мастерской деревообделочного завода, счистил с себя стружки, оглянулся вокруг и внезапно исчез в стену. Он мчался со всех ног по темным, шириною не более аршина, проходам, двигаясь вбок и то и дело отряхиваясь от земли и водяных капель. Спустя десять минут проходы расширились, ноги его нащупали ступеньки, взбежали по ним, и вот из щели на свет появилась русая голова Тингсмастера с веселыми голубыми глазами из-под прямых пушистых бровей. Он огляделся вокруг: это была телеграфная вышка, самый высокий пункт фабричного городка Миддлтоуна. Отсюда, с высоты нескольких сот метров, уходила в Нью-Йорк сеть стальных проводов, несших не только депеши. Часть служила для гигантских элеваторов, часть перебрасывала отсюда квадраты мид-

дльтоунского сена в манеж Роллея, находившийся неподалеку от «Патрицианы». Как раз в эту минуту двое рослых рабочих подвешивали цепь от спрессованного квадрата к стальной петле на проводе.

— Менд-месс, — шопотом сказал им блузник.

— Месс-менд, — ответили ему оба. — Хотите прокатиться, Мик? Садитесь, садитесь.

Через секунду, лежа на тюке сена и плотно прижав руки к бокам, Тингсмастер неся со скоростью стрелы в Нью-Йорк. Внизу под ним по телефонным проволокам неслись незримые людские тайны; их принимал на бумагу меланхолический Тони Уайт, телеграфист. Еще ниже, по земле, катил знаменитый экспресс северо-американского Ллойда; но он должен был пробежать расстояние между Миддльтоуном и Нью-Йорком в полтора часа, а Мик Тингсмастер сделал его в семь минут и три четверти. Тони Уайт не успел еще принять и первую телеграмму, как наш путешественник, спрыгнув на крышу манежа, никем не замеченный, исчез в одно из отверстий между железными обшивками. Спустя три минуты он добрался до цилиндра, где Ван-Гоп, в бессильной ярости на Тома, бомбардировал его пятки кусочками сжеванной газетной бумаги.

Мик Тингсмастер поглядел на обоих с укоризной.

— Я вижу, ребята, вы тут развлекаетесь. А те наверху, можете мне поверить на слово, времени не теряют. Марш наверх!

Он засветил карманный фонарик, и все трое помчались по трубам. Но Тингсмастер внезапно остановился, приложил ухо к металлической облицовке, прислушался, издал невнятное восклицание, потом вернулся на несколько шагов. Здесь он снова остановился, вынул складной метр, бумагу и карандаш и стал что-то вымерять. Повидимому, результаты измерения не очень-то его утешили, так как Ван-Гоп и Том услышали юмористическое посвистывание, что служило у Мика знаком крайней досады. К их удивлению он вынул и молоток, которым постучал в разных местах коридора. Затем, не говоря ни слова, продолжал путь, но уже не с прежней поспешностью. Войдя в стеклянный шкаф,

откуда можно было видеть дверь нenumерованной комнаты, он обернулся к товарищам:

— Ребята, слушайте я запомните: кроме наших проходов, в эту комнату ведет еще один. Он сделан не нашим союзом. Он тут, должно быть, с первого дня этой самой гостиницы. И только что кто-то прошел этим проходом — скорей, чем мы с вами.

Том и Ван-Гоп недоверчиво переглянулись. Они не очень-то верили всяким бумажным вычислениям. Но прежде чем они смогли ответить, дверь комнаты медленно открылась и выпустила в коридор всю известную нам компанию из четырех лиц. Русский князь тут же простился с попутчиками и ушел в соседнюю комнату. А Гогенлоэ и Хардстон, подерживая сильно хромавшего виконта, спустились вниз.

— Теперь мы можем войти, — шепнул Тингсмастер. — Тот, кто пришел тайным ходом, уже отправился обратно, я слышу царапанье за фанерой.

Они осторожно вышли из шкафа, приоткрыли дверь и бесшумно, один за другим, вошли в комнату без номера.

Глава девятая

ЗЕРКАЛА-ПОМОЩНИКИ

Это был самый обыкновенный «номер» гостиницы, хотя и оставленный почему-то без номера. Он был убран несравненно менее роскошно, нежели апартаменты Гогенлоэ. Но и здесь, как и там, шли вдоль стен зеркала, установленные у подножий тропическими растениями. Их было три — по одному у каждой стены.

Тингсмастер подошел к одному из них, вынул лупу и указал своим товарищам на два микроскопических «м» в уголку:

— Эти зеркала — дело рук наших ребят с фото-химического и техника Сорроу. Смотрите-ка в оба глаза и учитесь, как с ними обращаться.

Раз — Мик сдвинул зеркало вокруг своей оси, остановив его под прямым углом; два — Мик взял из-под стекла, прямехонько с цинковой пластинки, тончайшую пачку пленок; три — надвинул откуда-то сбоку новую пачку — и опустил зеркало на место. Потом они вышли из комнаты, заперли ее, и Тингсмастер прошел через стену к мисс Тоттер.

Пачка пленок была опущена в банку с розовой жидкостью. Затем извлечена оттуда. Затем вставлена в маленький аппарат с фонариком на носу, похожий на пушку. Электричество потушили, нос аппарата засветился, на стене образовалось круглое пятно.

— Учитесь, друзья, — сказал Тингсмастер, — не все еще в наших руках. Бывают случаи, когда мы бессильны противникнуть к врагу. Нам не удалось нынче услышать, о чем они там между собой сговаривались, но зато мы можем увидеть их. Зеркальный аппарат Сорроу устроен так, что при повороте выключателя три зеркала передают все, вокруг совершающееся, в поле фотографической камеры. Тотчас же начинается бесшумная съемка — и вот извольте посмотреть.

Он завертел ручкой машины, и на освещенном экране появилось изображение только что покинутой ими комна-

ты. Она не была пуста. В ней двигались, рассаживаясь вокруг стола, четверо мужчин.

Том и Ван-Гоп радостно вскрикнули. Они признали их. Но теперь они могли рассматривать всех четверых невозбранно. Я привожу в сокращении поток их выкриков:

— Жирный какой — это немецкий принц! Чего это он сердится? Руки-то, руки, так и норовит ими дубасить по столу! А маленький, вроде как вошь, видите, вьюном вьется, носиком туда-сюда, это русский. Немец как будто не хочет, русский пристаёт. Вмешался француз, ну и красавец же этот молодчик, любая баба в него втемяшится, только ему, должно быть, лень даже ресницами хлопать, так и норовит держать свои ставни открытыми. Эй ты, французишка, чего ты губами жуешь? Ага, поддерживает, братцы, русского, поддерживает против немца. А тот, солидный, уперся. Не хочет, колбаса! Они ему свое, а он, знай, откачивается. Куда это он руки сует? В карманы! Ага, мол-де выкладывает, что денег мало. Это еще кто, братцы? Англичанин! Этот тоже за немца, видно слов тратить не любит, трубку сосет, а бровью повел, дескать не согласен... Ай, Мик, это еще кто, отцы родные, кто такой?! Гляди, гляди, братцы, прямехонько из-под пола!

На экране действительно происходит замешательство. В разгар спора вдруг открывается люк, и оттуда медленно поднимается, как в балетной феерии, длинная черная фигура. Хотя она и остается на экране, наши зрители почему-то не могут ее рассмотреть, точно в глаз соринки попали.

— Чорт, чего это оно пестрит, разобрать не могу, — пожаловался Том, изо всех сил теребя глаза.

Один Тингсмастер неотступно смотрел на экран. Черная фигура вынула из портфеля какой-то лист и прочитала его вслух, после чего все присутствующие выразили негодование, изумление, торжество. Потом черная фигура подняла руку, что-то сказала, и все четверо наклонили в ответ головы... Мгновенье — человек провалился обратно в люк. Четверо идут к дверям... Темнота... Опять свет. И на этот раз Том с восторгом закричал:

— Гляди, гляди, это мы сами!

Пленки кончились. Тингсмастер вынул их и сложил в стенной несгораемый шкаф. Потом он задумчиво сказал Тому и Ван-Гопу:

— Видно, там что-то замышляется. Недоброе это дело, не будь я Мик Тингсмастер. Идите-ка, ребята, по трубам, да сговорите себе смену, авось выудите что-нибудь из номера 2 А-Б.

— А ты куда, Мик?

— Мне надо назад, на завод. У нас срочная вечерняя работа, братцы. Хозяин отделявает свою виллу, и тут тоже надо постараться, понимаете.

С этими словами Тингсмастер простился, вошел в стену — и был таков. Мисс Тоттер мечтательно посмотрела ему вслед. Том и Ван-Гоп со вздохом разбрелись по своим сторожевым будкам. Но напрасны были все их старания, напрасно потрачена целая долгая ночь, — ни Гогенлоэ, ни Монморанси больше не разговаривали, и тайна их совещания осталась на этот раз нераскрытой.

Между тем Тингсмастер вышел на улицу, преспокойно обошел ее и с подъезда, как ни в чем не бывало, проник снова в «Патрициану». Он, заложив руки в карманы и пошвыстывая, идет в контору. Здесь он останавливается и мирно снимает шляпу.

Сетто-диарбекирец, подсчитывавший недельный дефицит, в изумлении поднял голову.

— Здорово, хозяин.

— Здравствуй, Микаэль, чего тебе надо?

— Не будет ли какого ремонта?

— Господь благослови вас, Микаэль, за такие слова, — вмешалась жена Сетто, разделявшая неукротимую страсть своего мужа к ремонту, — так вы нам в прошлое лето все чисто и недорого справили!

— А теперь еще лучше справлю.

— Никак нельзя, Микаэль, — грустно ответил Сетто, — наехало ко мне знати, чтоб им лопнуть, — сперва расплатиться по счету, а потом лопнуть! Какой уж тут ремонт.

— Жаль, жаль, а я было хотел у вас все заново наверху переделать, особенно в комнате без номера.

— Этой-то комнаты, Микаэль, я по уговору не смею касаться. Ты ведь знаешь, гостиницу мне построил князь Монако, чтоб ему по второй раз ни на суше, ни на воде не встречать второго такого дурака-армянина. Так вот он и поставил условие: не трогать этой комнаты ни летом, ни зимой. Я и так согрешил, украсил ее по твоему совету зеркалами.

— Да кто вам дом-то построил, хозяин, ведь не сам же Монако?

— Итальянского архитектора выписали, Микаэль. Да и рабочих набрали одной масти с архитектором.

— Вот оно как. Жаль, хозяин. Всего доброго.

И на этот раз Тингсмастер поспешил в Миддльтоун.

Глава десятая

ДРОВЯНАЯ БАРКА

На металлургическом заводе Рокфеллера в Светоне забастовка. Ни одного штрейкбрехера, бастуют все, вплоть до чахоточного ямайца Карло. А чтоб не голодать, послушались совета Мика и разбредлись кто-куда работать сдельно.

Молодому Лоренсу Лену досталась заливка дырявых труб, глубоко под набережной, возле самого Гудзона. Волны так и хлещут к ногам Лори, угнездившегося на двух металлических стержнях и работающего с бензиновым паяльником в руках. С раннего утра, в неудобной позе, Лори штопает и штопает трубы, не свистя и не напевая, чтоб не потерять равновесия и не бухнуться в воду. Наконец, сильно устав, он воткнул свои принадлежности глубоко в дыру между плитами, расправил насколько возможно кости и вынул из-за пазухи кусок хлеба. Но не тут-то было. Не успел он поднести его ко рту, как что-то пролетело сверху мимо него, перевернулось в воздухе и тяжело ухнуло в Гудзон.

«Странно, — подумал Лори, — уж не самоубийца ли? Ведь всякий другой крикнул бы или забарахтался, а от этого одни круги пошли».

Он пристально поглядел в воду, ничего подозрительного не заметил и стал есть.

Однако его снова прервали. Слева, из темного туннели, откуда он добрался до своего места, раздался шум, и до его слуха долетело знакомое:

— Менд-месс.

— Месс-менд, — поспешно ответил Лори, ухватившись за свои кольца и акробатически спрыгнув в туннель. — Кто тут? В чем дело?

Из туннеля вынырнули замазанные глиной головы Виллингса и его приятеля Нэда.

— Слушай-ка, Лори, тут мимо тебя не падал в воду человек?

— Упал тяжелый предмет, а какой — я не видел. Крику никакого не слышал.

— Лори, кажись, ото была хромая девушка. Мы видели, как она шла, а потом исчезла нивесь куда.

— Странно, — ответил Лори, — обождите меня, ребята, ведь я отлично ныряю. Уцепитесь за мои кольца и глядите, не вытащу ли я чего. Если долго не покажусь, бросайтесь мне на выручку.

— Ладно, — ответили блузники, — только куда ты ее денешь, если вытащишь?

Лори задумчиво оглядел Гудзон. Он был пустынен в этом месте, за исключением небольшой заводи, где стояла старая барка, груженная дровами. В этот час на ней не было ни единой живой души.

— А вон на ту барку, — беспечно ответил он, скинул с себя железные клешни и цепочку, при помощи которых висел на своем рискованном выступе, взмахнул руками и, описав дугу, полетел вниз головой в Гудзон.

Виллингс и Нэд между тем уцепились, кряхтя и брыкаясь, за железные кольца, уперлись коленями в стержни и стали смотреть туда, где расходились теперь широкие круги.

— Ловкий паренек, — сказал Виллингс, — он у нас в союзе не более, как с неделю. Так и смотрит Тингсмастеру в рот.

— Это немудрено, — ответил Нэд, — умней нашего Мика не было, нет, да пожалуй и не будет.

— Чего это он не выплывает? Я сосчитаю до ста, а ты гляди... Ну, что, показался?

— Нет.

Виллингс опять сосчитал до ста. Но Лори все не показывался. Тогда они решили броситься вслед за ним, раскочились на кольцах и неуклюже ухнули туда, где исчез Лори. Через несколько секунд оба всплыли, фыркая, и в ту же минуту увидели Лори. Он плыл в нескольких саженях от них, таща за собой какой-то тяжелый предмет, и кричал им во весь голос. Ветер относил, однако, его слова в сторону, и они ничего не могли разобрать. Посоветовавшись, оба ре-

шили плыть вслед за Лори. Спустя некоторое время, тяжело дыша и отплеываясь, оба блузника доплыли до барки, где Лори поджидал их, не в силах поднять собственными силами свою тяжелую находку.

Это была женщина в темном платье и вязаной кофте, видимо потерявшая сознание. Лицо ее было плотно окутано вуалью, слипшейся в синий непроницаемый комок. Одна нога казалась длиннее другой.

— Ну так и есть, хромая девушка, — вскричал Виллингс, — кто ж это толкнул бедняжку в воду. Жива она, Лори?

— А вот посмотрим, — ответил тот.

Все трое втащили ее на барку и здесь, согласно правилу спасения утопленников, перевернули ее лицом вниз. В ту же минуту они громко вскрикнули: у несчастной девушки торчал между лопатками нож.

— Убийство, — глухо пробормотал Виллингс, — чорт побери, Лори, это скверная штука! Оставь девушку, как она есть, а Над пусть сбегает за полицией и врачом.

— Погоди, — ответил Лори, — это что-то непонятное. Видели вы когда-нибудь, братцы, чтоб нож проткнул человека без единой капельки крови? Здесь ее нет и в помине, платье чистехонько, и вода была без кровинки.

Он подошел к девушке, дотронулся до ножа, а потом, став на колени, принялся щупать ей спину. Улыбка раздвинула ему рот чуть ли не до ушей. Резким движением он сорвал с девушки кофту, вместе с куском спины и торчавшим в ней ножом. Блузники ахнули.

— Должно быть, это профессиональная нищая, — сказал Лори, — бедняга носила искусственный горб для пущей важности. Внесем ее под навес и приведем в чувство.

Они внесли девушку в глубину барки, где была устроена под куском брезента убогая ночлежка, положили ее на солому и принялись стягивать с нее липкую вуаль. Это оказалось нелегким делом. Когда же Лори, орудуя перочинным ножом, сорвал с лица девушки синий пластырь, оказалось, что краска с вуали порядочно-таки высинила лицо. Виллингс, невольно улыбаясь, принес в пригоршне воды. Лори снял с девушки круглые темные очки и принялся об-

мывать лежавшую перед ним утопленницу. Каково же было удивление всех троих, когда, смыв синюю краску, они увидели перед собой лицо дивной, безупречной красоты.

— Эге! — сказал Лори, срывая безобразную сетку, и по плечам девушки рассыпались мокрые каштановые локоны. — Такой нечего было нищенствовать. Чем просить полцента фальшивым горбом, она могла бы загребать сотни долларов своим личиком.

— Да ведь бедняжка была хромая! — жалостливо произнес Нэд.

— Хромая? — протянул Лори. — А вот посмотрим, какая она хромая.

Он нагнулся к ногам и не без удивления оглядел огромные толстые ноги девушки. Надо сознаться, они были пребезобразны, и одна нога чуть ли не на два вершка длиннее другой.

— Гм, Лори, красотка-то, как видно, разочаровала тебя? — спросил Виллингс.

Но Лори бросился стягивать с девушки высокие, грубые башмаки. Они вымокли, и затея была не из легких. Когда же она удалась, Лори с торжеством сунул в нос насмешнику сапожище с искусственной пяткой, отлитой из чугуна, и радостно объявил:

— Я теперь понимаю, почему она не всплыла, а прямохонько пошла ко дну. С этакой гирей ей бы ни в жизнь не всплыть, не подцепи я ее за платье на самом дне.

Виллингс и Нэд на этот раз промолчали. Сильно заинтересованные, они стянули с девушки, вместе с чулками, целую кучу ваты и тряпок, обнажив две белые, как мрамор, миниатюрные ножки. Перед ними лежала теперь, едва прикрытая остатками мокрой одежды, совершеннейшая красавица.

— Н-да, — сказал Виллингс задумчиво, — тут есть тайна, братцы. Дадим знать Мику.

— Но прежде дадим ей самой виски, — ответил Лори, открыв девушке рот и влив в ее стиснутые зубы живительной влаги.

Прошло несколько мгновений, в продолжение которых

все трое невольно любовались красавицей. Наконец, она вздохнула и открыла синие, как фиалки, глаза.

В ту же секунду смертельная бледность разлилась по ее лицу и шее. В глазах сверкнул дикий ужас. Она вскрикнула, вскочила и бросилась в глубину барки,

— Успокойтесь, мисс! — закричал ей вдогонку Лори. — Право, успокойтесь. Мы честные ребята, рабочие здешних мест. Мы вас выволокли со дна Гудзона. А ежели мы сняли с вас горб и пятку, так не беда. Будьте спокойны, в секреты ваши мы не вмешиваемся.

Несчастливая повернулась и снова подошла к ним, оглядев каждого из них внимательным взглядом,

— Я хочу верить вашим словам, — сказала она медленно, — вы спасли меня, и это хорошо. Но вы можете подвергнуть меня в тысячу раз худшей участи, чем гниение на дне Гудзона, если выдадите меня кому бы то ни было.

Лори переглянулся с товарищами:

— Беру в свидетели Мика, что не выдадим вас, мисс. Ни я, ни они, — торжественно произнес он. — Сильнее этого слова у нас нет. А если вам нужна помощь, то мы можем оказать вам такую, о какой вам и во сне не мерещилось.

— Хорошо, — ответила девушка. — Пусть же кто-нибудь из вас даст мне свою одежду, уничтожив остатки моей собственной, а остальные отведут меня куда-нибудь в сокровенное место и спрячут, потому что в целом Нью-Йорке у меня нет сейчас безопасного приюта.

Прежде чем она договорила свою просьбу, Лори скрылся за брезент и бросил оттуда свои сапоги, штаны и куртку. В это время Виллингс и Нэд собрали в комок ее одежду, привязали ее к тяжелым башмакам и бросили в воду.

— Ребята, отведите мисс к Миддльтоун, прямо на квартиру к Мику, да смотрите, чтоб ни единого волоска с ее головы...

— Ладно, молчи уж. Сиди тут голышом, пока мы не пришьем кого-нибудь.

— И еще одна просьба, — вмешалась девушка, превратившаяся в красивого мальчика-подростка с каштановыми локонами по плечам, — когда вы получите одежду и выбе-

ретесь с барки, не откажите сходить к мистеру Друку на Бруклин-стрит, 8. Сообщите ему, что приходите от мисс Ортон и просите передать вам все, что он намеревался передать мне. Поняли?

— Исполню в точности, — ответил Лори из-за брезента и долго смотрел в дырочку, как его товарищи вели с барки по головокружительным мосткам на берег прелестного мальчика.

Глава одиннадцатая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛОРИ ГОЛЫШОМ

— Да, — сказал себе Лори, — ее зовут мисс Ортон. Эдакая красота. Но, скажи на милость, что я буду здесь делать голышом, покуда ребята не пришлют мне какую-нибудь штанину!

Он вышел из-под брезента и меланхолически принялся разгуливать по барке, как первый человек отдаленнейших веков нашей планеты. Но тут нога его запнулась за что-то, и он упал.

— Кажись, это горб. Так и есть, они забыли скинуть его с барки.

Он мечтательно поднял фальшивый горб мисс Ортон и даже понюхал его, отдавшись приятному воспоминанию, как вдруг глаза его упали на торчавший нож.

В ту же минуту Лори вытащил его из горба и стал изучать со всех сторон. Как ни был он молод, а знал две вещи: во-первых, что перед ним «вещественное доказательство», во-вторых, что всякую тайну можно раскрыть, если уцепиться за одно из ее звеньев.

Нож был не американский. Он не был английским. Странное клеймо изумило его: что-то вроде коронки и под нею только четыре буквы «Roma». Лори не знал, что это написано по-итальянски. Нож был остер как бритва, а покраю он казался окрашенным. Лори поднял его на свет, осмотрел внимательно, а потом, повинуясь тайному голосу, всунул назад в тот же кусок горба и все это вместе связал в узел, оторвав край своей рубахи.

Потом он опять принялся за прогулку, чтоб согреться. Приближались сумерки, становилось холодно. Барка была скучнейшим местом. Кроме соломенной настилки, под брезентом ничего не было, а вокруг этого убежища ровными стенами возвышались дрова.

Лори здорово озяб. Он уже начал приходить в отчаяние, думая, что его забыли, и со злости принялся перекла-

дывать полена, чтоб устроить себе более теплое убежище на ночь. Разобрав два ряда полен, он принялся за третий, как вдруг перед ним открылось совершенно пустое темное пространство. Невольно вскрикнув, Лори оглянулся вокруг. Все было пустынно попрежнему. Тогда он храбро вошел в проход. Некоторое время было темно и сыро, но шагов через десять он нащупал дверку, открыл ее и ахнул. Перед ним была маленькая круглая комната с куполом наверху, освещенная закатом. Вдоль стен шли диваны, посередине же комнаты стоял дамский туалетный стол, уставленный множеством баночек для грима; вокруг валялись в беспорядке всевозможные одежды, начиная с рабочей блузы и кончая великолепным фраком; одежды были мужские, на средний рост.

— Вот так случай прикрыть наготу, — усмехнулся Лори, — но, прежде чем приступить к делу, вернулся назад, на барку, и огляделся. Глаза у Лори были зоркие. В закатном свете он различил далеко на берегу одинокую темную фигуру. Тотчас же быстрее белки сложил попрежнему дрова, уничтожил все следы своего присутствия на барке, схватил в зубы узел с ножом и кинулся в воду. Обогнув барку, он залег в самой ее тени, внимательно вглядываясь в подходящего человека. Он мог быть своим, с одеждой для Лори, но мог быть и хозяином барки, а Лори отлично понимал теперь, что встретиться с ним было бы далеко не пустым делом.

Фигура медленно приближалась; она остановилась на самом берегу и долго оглядывала Гудзон. Потом прошла раза два по набережной, посматривая туда и сюда, и, наконец, крадучись спустилась к мосткам. Это был чужой. Лори не мог понять, почему он почувствовал внезапный, мальчишеский ужас и, не раздумывая долго, нырнул под воду.

Плыть под водой было для Лори пустым делом. Но тут ему еще приходилось локтем прижимать к себе узел и работать не свободной рукой, что затруднило ему плавание вдвое. Тем не менее, сжимая свои легкие, не дыша, не всплывая, Лори двигался вперед, по темнозеленой морской дорожке, покуда не истощил весь запас набранного воздуха. Тогда он

всплыл наверх и отдышался. Барка была далеко, и на ней никого не было видно. Перед Лори темнели гранитные массивы, он оказался неподалеку от места своей работы.

Спустя несколько минут он добрался до железных колец, подпрыгнул, как рыба, уцепился за них и нырнул в туннель. Здесь он был спасен окончательно. Оставалось спасти и того, кому было поручено нести на барку одежду.

Со всех ног, крепко держа свой узел, Лори бросился бежать по туннелю. Здесь было сыро, мокро, почти темно. Невидимые скважины едва пропускали свет. Шагов через тысячу Лори добрался до лесенки, откуда неслись шум и вой — там проходил метрополитен. Ему предстояло теперь показаться перед людьми голышом.

Как быть? Лори сел и стал раздумывать. Ага. Умные люди не растеряются ни от чего. Он стащил рубашку, всунул ноги в рукава и крепко завязал ее у пояса. Штаны были готовы. Потом он поднялся по лесенке, собрал рукой деготь, стекавший на ступени, и вымазал себя им с ног до головы. Теперь он был исправным черным человеком с узелком в руках. Ему ничего не стоило добраться до станции подземной железной дороги, найти стену с заветным значком «м. м.», раздвинуть ее и опять через железную стену попасть в никому неизвестное купе, не подлежащее проездной оплате, между уборной и топкой, построенной ребятами с Чикагского вагоностроительного. На Бруклин-стрит он слез, прошел опять через ступу, минуя турникеты, и на улице остановился в задумчивости.

Что теперь делать? Надо дать знать Виллингсу в Миддлтоун насчет барки. Но, должно быть, они уже послали туда кого-нибудь. Лори надеялся, что не дурака. Увидит чужого на барке, повернется и уйдет. А вдруг? При воспоминании о фигуре человека, крадучись взбравшегося на мостки, его снова пробрала дрожь.

Подняв машинально глаза, он увидел, что стоит перед большим старым домом номер 8. Тотчас же он вспомнил поручение мисс Ортон и, подойдя к массивным дверям, стал читать металлические дощечки, во множестве покрывавшие двери. Тут были самые мудреные имена. Тут жили

исключительно стряпчие. Эго был муравейник стряпчих. Лори с великим трудом отыскал скромную надпись:

**РОБЕРТ ДРУК,
стряпчий**

и через секунду уже взбирался по длинной, казенного вида лестнице, пахнувшей сыром, кошками и мусорною корзиной.

Чистенькая старушка с выпуклыми глазами, в настоящую минуту сильно заплаканными, отворила ему дверь. Тотчас же, не говоря ни слова, она взяла со стола добрую краюху хлеба и сунула ее Лори, приняв его за нищего.

— Я с удовольствием съем это, мам, за ваше здоровье, — сказал Лори, — но только мне нужен не хлеб, а сам мистер Друк.

— Боба нет, — дрожащим голосом сказала мистрисс Друк, и слезы посыпались у нее по щекам.

— Как нет? Когда же он будет?

— Ничего не знаю, — продолжала плакать старушка, — скушайте хлебец и, если хотите, я вам дам пуддинга, но только вы не увидите моего голубчика, нет, не увидите его.

— Да что же с ним случилось? Не бойтесь, мам, выкладывайте на-чистоту, я друг-приятель вашего Боба, хоть и должен по некоторый причинам ходить в таком виде.

— О боже мой, мистер, не знаю, как звать, дело-то очень непонятное. Ровнешенько, как всегда, в четыре часа приходит Боб со службы такой ласковый да веселый, я, говорит, мама, жду одну дамочку, так если придет, ведите ее прямо ко мне, — покушал и прилег у себя. Я на кухне мою посуду, вдруг четверо таких странных людей с пуговицами и спрашивают Боба. Я говорю: вы от дамочки? А они поддакнули. Провела я их к Бобу, а через минуту вышли они все вместе, и Боб с ними, и бегом, бегом вниз по лестнице; Боб даже и не простился со мной. Гляжу в окно — вижу, катит от нас черный автомобиль, и нет его. Жду час, жду два — нет Боба. А вот недавно, ох... голубчик мой... Приходит полиция, запечатали Бобину комнату, у меня все переры-

ли, говорят, будто мой Боб обокрал нотариуса Крафта и бежал с деньгами...

Старушка опять разрыдалась.

Лори постоял в полном недоумении, потом вежливо поклонился старушке и вышел. Он не знал ни Друка, ни нотариуса Крафта. Он подумал не без горечи:

«Неужто и мисс Ортон замешалась в эдакое дело!»

Глава двенадцатая

ИСПОВЕДЬ МИСС ОРТОН

Между тем красавицу доставили в Миддльтоун. Стенело. Фабричный грязный поселок, раскинутый высоко в горах, кончал свой день. Высыпали гурьбой намученные рабочие со сталелитейного завода Кресслинга. Разошлись последние рудокопы с угольных копей Кресслинга. Побежали рабочие и работницы с деревообделочной фабрики Кресслинга. Все, что жило, ело и пило в городе Миддльтоуне, принадлежало Джеку Кресслингу.

А вот и он сам: Джек Кресслинг катит верхом на серой английской кобыле в горы, туда, где сияет тысячью огней его необыкновенная вилла, построенная со сказочной роскошью и названная им «Эфемеридой». Кресслингу сорок лет, у него мужественное лицо, которое часто кажется жестоким, и суровые серые глаза. Джек Кресслинг не имеет ни жены, ни детей. Он величайший заводчик Америки. Про него ходят тайные слухи, что это человек с наклонностями маркиза де Сада.

Рабочие Джека Кресслинга живут хуже собак. Не потому, что им мало платят, нет, наоборот, потому что им платят много. Джек Кресслинг изобрел свою систему эксплуатации. Он — дает. Но он дает не даром. Кому угодно, сколько угодно, только работайте, работайте, работайте еще час, еще час, еще час... И задыхаясь от возможности заработка, спеша, как сумасшедшие, люди Миддльтоуна не знают ни сна, ни отдыха; они работают, работают, работают десять, двенадцать, двадцать, двадцать четыре часа в сутки. Джек Кресслинг триллиардер, они — состоятельные люди. Но если вы захотите навестить их на тридцать пятом году от рождения их, идите не в Миддльтоун, а пониже, к Миддльтоунскому кладбищу, там они лежат все рядом, и над каждым из них Джек Кресслинг не поспешил поставить памятник.

Впрочем, так было пять лет тому назад. Теперь это не так. С тех пор, как на деревообделочном поднял голову белокурый гигант Микаэль Тингсмастер, — люди работают, и работают, но уже не умирают, а между усами их, как кролик в норе, сидит себе комочком улыбка. Мик Тингсмастер знает, что делает. Можете положиться на него смело, ребята, не будь я Джим Доллар.

Мик живет в сером домике возле завода со старой стряпухой. У Мика тоже нет ни жены, ни детей. Огромная собака Бьюти, залаяв, подошла к дверям, обнюхала Виллингса и тотчас же протянула каждому из прибывших пушистую лапу.

В комнатке Мика было тепло и уютно. Виллингс посадил дрожавшую от холода девушку в кресло возле камина и побежал за Тингсмастером. Нэд остался с ней, тщетно ворочая языком в поисках какой-нибудь порядочной темы для разговора. Но, кроме анекдота о том, как жена Тома облила своего мужа помоями, Нэд ровнешенько ничего не мог припомнить. Рассказать же его он не решился, сообразив, что мисс в достаточной степени надоело свое собственное пребывание в мокром месте.

На его счастье дверь открылась, и белокурый гигант с трубочкой во рту появился на пороге. Он пристально посмотрел на девушку, вынул изо рта трубку, подошел к мисс Ортон и протянул ей свою широкую руку. Мик Тингсмастер мало кому протягивал руку.

Мисс Ортон вложила в нее свои ледяные пальчики и вдруг вздрогнула от сотрясшего ее рыдания. Она сжала теплую ладонь Мика, опустила головку на грудь и заплакала так, как могут плакать лишь очень гордые, очень сдержанные и очень несчастные люди.

Микаэль Тингсмастер дал ей выплакаться, указал Виллингсу и Нэду бровями на дверь и подбавил угля в камин. Потом, когда она затихла, он сказал:

— Мисси, вы у честных людей. Я вас ни о чем не спрашиваю, но если вам нужна помощь, выложите всю правду.

Мисс Ортон схватила его руку обеими руками:

— Я вам скажу всю правду, и вы будете первым чело-

веком, кто ее услышит от меня. Но знайте, мой друг, за вашу доброту вы жестоко поплатитесь. Я несчастное существо, у меня есть страшные враги, и самый лютый враг — это я сама.

— Полно, дитя, — мягко проговорил Тингсмастер, — вайте-ка все, как оно есть, на-чистоту.

Мисс Ортон несколько мгновений глядела на огонь. Глаза ее приняли горькое и дикое выражение, складка ненависти исказила рот. Потом она медленно заговорила, все не сводя глаз с огня:

— Меня зовут Вивиан Ортон. Я дочь капитана Ортон. Он умер десять лет назад, оставив меня и мою мать без всяких средств. Я училась и была еще подростком. Моя мать, чтоб дать мне окончить школу, поступила машинисткой в контору Рокфеллера... Я забыла сказать, что мы жили в Светоне. Мать моя была в то время в полном расцвете своей красоты. Я кончила школу и узнала, что она любила Рокфеллера.

— Старика или молодого? — прервал Тингсмастер,

— Еремью Рокфеллера. Они сблизились. Он обещал на ней жениться. Мать моя была беременна. Мы обе жили очень скромно, в маленьком светонском домике, с одной прислугой. Рокфеллер приезжал к нам всегда поздно вечером, прятался от людей, не показывался с нами на улице. Он казался очень угрюмым и под разными предлогами оттягивал свадьбу. Я почему-то боялась его и ненавидела. Но для мамы он был не миллионер Рокфеллер, а близкий человек, отец будущего ребенка. Она была душою моложе и чище меня, она не думала ни о чем, кроме любимых людей, и когда я остерегала ее, она плакала. Ей казалось ужасным, что я расту недоверчивым человеком. Не могу вам сказать, какие это были томительные полгода, что мы провели вместе в Светоне, в ожидании дня свадьбы. Внезапно Рокфеллер перестал у нас бывать. Время от времени он посылал нам деньги, лакомства и цветы. Наконец, незадолго до маминых родов, он прислал целую корзину вкусных вещей и радостное письмо, где назначил день свадьбы — ровно через неделю. Мы с мамой устроили праздник. Она убрала стол,

украсила его цветами, устала дорогими яствами и села в кресло. Я под села к ней, но у меня почему-то было тяжело на душе, и я ни до чего не могла дотронуться. Мама взяла из вазы красивую грушу, очистила ее и вздохнула:

«— Как мне больно, Вивиан, что, кроме нашей Кэт, мы никого не можем позвать к себе и угостить».

Она откусила кусочек груши и вдруг рванулась с места.

Я успела разглядеть страшную судорогу, пробежавшую у нее по лицу. Она даже не вскрикнула. Я бросилась к ней. Она умерла. Я кинулась в кухню, — Кэт исчезла. Тогда я схватила другую грушу и, едва сознавая, что делаю, сунула ее в карман, а потом опустилась возле мамы, сотрясаемая страшнейшим ознобом. Это не была скорбь, это не был ужас. В ту минуту я чувствовала только одно: ненависть! Ненависть переполняла меня и вызывала сердцебиение, я едва не лишалась сознания, я клялась себе каждой каплей крови убить Рокфеллера, отомстить ему за маму и за нерожденное дитя. В эту минуту в комнату без стука и без спроса вошел незнакомый человек в очках. Он объявил, что он полицейский врач и что за ним прибежала наша Кэт. Я поняла, что окружена врагами и должна молчать, чтоб спасти себе жизнь. Он спросил, отчего умерла мама. Я ответила, что от припадка. Он спросил, бывали ли такие припадки раньше. Я ответила: бывали. Он немедленно написал что-то на бумажке и маму похоронили на другой день. Я ни до чего не дотронулась, Кэт не вернулась. Через несколько дней мне удалось найти врача, который произвел анализ полусгнившей груши. Он сказал, что она наполнена страшнейшим ядом, убивающим тотчас же, как только он проникнет в человека. Он дал мне по моей просьбе письменный анализ этой груши. Спустя некоторое время я заметила, что за мной следят. Тогда я притворилась совершенно безвредной, я вела себя тихо, наивно, непритязательно. Меня оставили в покое. Чтоб замести следы, я перебралась в Нью-Йорк...

Здесь мисс Ортон запнулась. Тингсмастер положил ей руку на голову и успокоительно сказал:

— Говорите, дитя мое.

— Смыслом всей моей жизни стало одно — отомстить; жизнью всего моего сердца стало одно — ненависть. Я следила за Рокфеллером, пока у меня хватило средств. Потом деньги иссякли, я стала давать уроки музыки, обезобразив себя до неузнаваемости. Мне удалось получить доступ в хорошие дома и узнать кое-что о семействе Рокфеллера. Так, я узнала, что он женился на мистрисс Элизабет Вессон через несколько месяцев после смерти моей матери. Но отомстить ему в моем положении полунницей учительницы музыки было невозможно. В доме, где я давала уроки, часто бывал богатый банкир Вестингауз. Мне показалось, что он подходящий человек, и я продала себя банкиру Вестингаузу, чтоб иметь деньги.

Мисс Ортон произнесла это бестрепетным голосом. По широкому лицу Тингсмастера прошли грусть и сострадание. Девушка продолжала:

— Чтобы иметь козырь в руках, знать всех, а самой оставаться ни для кого неведомой, я сочинила игру с маской. Я — та знаменитая «маска», которая интригует весь Нью-Йорк. И вот, очутившись уже у цели, заплатив за это жизнью, совестью, самою собой, я вдруг узнаю, что Рокфеллер уже убит. Он ушел от моей мести. Я спешу к его нотариусу Крафту, знавшему мою покойную мать, но тот погиб, а вместо него в конторе... вместо него в конторе...

— Странно,— прервала она себя, хватаясь за лоб рукой, — у меня чудная память, я всегда все помню, а вот сейчас не могу припомнить, кто был в конторе вместо Крафта... Я даже не помню, о чем я с ним говорила. Но помню завещание Рокфеллера: он все свои богатства оставил не семье, а комитету фашистов для борьбы с Советской Россией,

— Мисс Ортон! — вскричал Тингсмастер. — То, что вы говорите, важное дело. Вы не путаете, не ошиблись?

— Нет, не ошиблась. Это я прочитала своими глазами, Но я ушла из конторы, а молодой человек Друк дал мне свой адрес, чтоб я пошла к нему в четыре часа. Мне показалось, он знает какую-то тайну, но только чего-то или кого-то боится... Друк, Бруклин-стрит, 8. Я вышла к Гудзону, чтоб убить время до четырех, и больше ничего не помню.

Страшная бледность покрыла ей щеки. Она опустила голову на грудь и шепнула:

— Мне очень плохо, мне странно, что я стала как будто забывчива.

Тингсмастер внимательно посмотрел на нее и принес ей воды с виски. Когда она выпила и пришла в себя, он спросил ее:

— Дорогая мисс, скажите мне, чего бы вам теперь хотелось?

— Отомстить Рокфеллеру, — медленно ответила девушка, — ему нельзя, он умер, — значит, отомстить Артуру Рокфеллеру, его сыну.

Наступило молчание. Тингсмастер помешал уголь в камине, прошелся несколько раз по комнате, потом остановился и взглянул на бледную девушку.

— Слушайте меня, мисс Ортон. Вы попали к людям, цель жизни которых — борьба с Рокфеллером, и не с одним, а со всеми Рокфеллерами в мире. Но, дорогая моя мисс, мы боремся не оттого, что ненавидим отдельных людей, и мы не хотим кровожадной борьбы. Мы боремся потому, что тысячи наших братьев и мы сами погибаем, не видя настоящей жизни. Мы боремся потому, что дети бедняков задыхаются в подвалах, лишенных солнца и воздуха, потому, что наши юноши посылаются убивать таких же несчастных, как они сами, во время войны, загоняются в рудники и на фабрики во время мира. Мы боремся не для того, чтоб отомстить. Мы хотим установить справедливость на земле и светлую жизнь для каждого человека, от первого до последнего. Понимаете вы меня?

— Тингсмастер! — воскликнула девушка, вскочив с места. — Вы удивительный человек, вы прекрасны. Я хотела бы чувствовать то, что вы говорите. Я знаю, вами движет любовь, а я не могу, не могу любить! Но вы не смеете отказать мне в поддержке, вы должны взять меня в свой союз и поручить мне дело ненависти. Я убью Рокфеллера! Я убью всех, кого надо!

— Мы не хотим убивать, — ответил Мик, — мы не воюем, не убиваем, не мстим. Мы добились того, что все ве-

щи, выделяемые руками рабочих, нас слушаются, — но мы от этого ни на один цент не богаче. Мы всюду проникаем, мы открываем кладовые банка, но ни один из нас еще не похитил ни одного доллара. И руки наши не обогреты ни единой кровинкой врага.

— Тингсмастер, вы не смеете мне отказать. Ну, хорошо... Пусть! Я буду действовать одна. Я все равно вернусь в Нью-Йорк и убью Рокфеллера.

Мисс Ортон встала, забыв, что на ней рабочий костюм Лори. Мик взял ее за плечо и усадил снова в кресло.

— Вы останетесь у нас, покуда не поправитесь, — сказал он просто, — а там мы увидим. Виллингс, Нэд!

В комнату так быстро вбежали оба приятеля, что не было необходимости спрашивать их, дошло ли до их ушей все говорившееся в комнате. С ними вместе вбежал и вымазанный деттем Лори.

— Тингсмастер, — воскликнул он, едва переводя дух, — вот нож, которым ее пырнули. Я был у аптекаря, он говорит, что нож отравлен страшнейшим ядом. А вы, мисс Ортон, лучше бы не хлопотали о Друке. Он удрал. Говорят, он обокрал Крафта и удрал с его деньгами.

— Тише ты, Лори, — остановил его Тингсмастер. — Положи нож на стол и не пугай бедную мисси. Я прошу кого-нибудь из вас, ребята, раздобыть ей женское платье.

— Кстати, Мик, — продолжал Лори выкладывать свои новости, — дровяная барка на Гудзоне оказалась с потайной комнатой. А ее хозяин... ее хозяин... чорт побери, я не помню, что такое с ним было... Надеюсь, ребята не имели с ним столкновения, когда носили туда одежду?

— Да что ты, Лори! — ответил Виллингс. — Отто-булочник ходил туда и, сколько ни рыскал, не нашел и следа барки. Она сгинула, точно во сне нам приснилась. Мы ломали голову, что это за навождение и куда ты делся.

— Сгинула, — повторил Лори, и по спине его пробежал холодок непонятного ужаса.

ДЖИМ ДОЛЛАР
МЕСС МЕНД

ВЫП **ВЫЗОВ БРОШЕН** **3**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924

Глава тринадцатая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДРУКА В КОСТЮМЕ

Как только кончились занятия в конторе Крафта, мистер Друк широко зевнул, изобразил на лице блаженное утомление, поглядел в зеркальце, пригладил голову и, добродушно простившись со всеми черномазыми, отправился, помахивая тросточкой, во-свояси.

Мистер Друк был парень хоть куда. Он отлично знал, что люди не имеют глаз на спине. Но, с другой стороны, ему было известно, что часовые и ювелирные магазины имеют двойные зеркала, заменяющие вам любой глаз, куда бы его ни приставили. В то же время мистер Друк собирался, видимо, завести себе новые запонки, так как восхищению его перед витринами ювелира Леонса положительно не было пределов. Широко раскрыв рот и пожирая глазами пару алмазных запонок, мистер Друк стоял до тех пор, покуда не разглядел человека, неотступно за ним следовавшего. Тогда он вошел в магазин, купил запонки, разговорился с ювелиром о том, о сем, вышел с черного хода на другую улицу и по трамваю добрался к себе на Бруклин-стрит. Дело в том, что мистер Друк начитался Габорио и Конан-Дойля. Мистеру Друку давно уже хотелось быть замешанным в какое-нибудь чудовищное преступление в качестве сыщика. И вот надежды его как будто начинали сбываться.

Придя домой и наскоро пообедав, он заперся у себя, поднял коврик возле постели, а потом паркетную плитку, вынул оттуда конверт, на котором бисерным почерком мистера Друка было написано:

«Т а й н а Е р е м и и Р о к ф е л л е р а»

вытащил из него несколько листов, приписал к ним еще страничку, а потом спрятал все это на старое место. Сделав это, Друк придвинул к себе еще один лист и написал ге-

неральному прокурору штата Иллинойс следующее забавное письмо:

Господин прокурор,

опасаясь за свою жизнь, прошу вас быть начеку. Я держу в руках нити загадочного происшествия. Если меня убьют или я исчезну, прошу вас немедленно вынуть конверт из тайника в моей комнате на Бруклин-стрит, 8, двенадцатый паркетный кусок от левого окна, прочитать его и начать судебное расследование. Пишу именно вам, а не кому другому, так как вы отличаетесь любовью к уголовным тайнам.

Стряпчий Роберт Друк.

Написав и запечатав письмо, он взглянул на часы и подошел к окну. Был теплый день, мистрисс Друк держала окна в его комнате открытыми. Отсюда был виден кусок улицы, и мистер Друк разглядел черный автомобиль, остановившийся у подъезда. Сердце его приятно сжалось, когда взору его представились четверо черномазых, один за другим выскочивших из автомобиля.

— Начинается, — шепнул он про себя с восторгом, — четверо против одного!

Он положил запечатанный конверт, адресованный генеральному прокурору Иллинойса, на подоконник, прикрыл его шторой, а сам лег на кушетку, притворяясь спящим. «Интересно знать, — думал он, — с чего они начнут? Уж не предложат ли мне миллион долларов за участие в деле?»

Но встреча с черномазыми оказалась гораздо прозаичнее, чем мечты мистера Друка. Они вошли к нему в комнату, плотно заперли двери, и один из них шопотом сказал Друку:

— Слушайте-ка. Синьор Грегорио не намерен лишать вас доброго имени, он хочет кончить дело тихо. Вы обокрали кассу Крафта. Сейчас же верните деньги, или мы обратимся к полиции.

Друк вскочил с кушетки, разинув рот. Круглое лицо его приняло глупое, оскорбленное выражение, уши покраснели, как у мальчишки, — и на этот раз мистер Друк ни чуточку не притворился.

— Как вы смеете, — заорал он свирепо. — Вы сошли с ума!

— Не кричите, Друк, чтоб не взвинчивать вашу матушку. Докажите, если это не вы; ключ от кассы был у вас. Она отперта и очищена до последнего цента.

— Да ведь я ушел! — изумленно воскликнул Друк.

— Извольте-ка пойти и посмотреть, кто это мог сделать без вас.

Друк лихорадочно схватил шапку и побежал вниз, даже не простившись со своей матерью. Он был вне себя. Он забыл Конан-Дойля и генерального прокурора. Он дрожал от оскорбления, как только могут дрожать честные молодые люди двадцати двух лет с таким круглым лицом и голубыми глазами, как у мистера Друка.

Черномазые сели в автомобиль и Друк вместе с ними. Шофер тронул рычаг, автомобиль помчался стрелой. Черномазые рассказывали друг другу о различных случаях покраж, произведенных секретарями. Они возмущались и негодовали. Они намекали на излишек доверия, оказанный кое-кому. Друк краснел и пыхтел, он готов был оттузить всех четырех. Как вдруг, выглянув в окно, он увидел странную вещь: они мчались по пустынному береговому шоссе, они выезжали из Нью-Йорка, они летели совсем не туда, куда следовало.

— Эй! — воскликнул он, и в ту же минуту оглушительный удар свалил его с ног. Через секунду Друк сидел смирно с кляпом во рту и крепко связанными руками. А еще через полчаса автомобиль подъехал к мрачной черной решетке на пустынной дороге. За решеткой расстился парк, где бродили невидимые с улицы тихие люди в белых халатах, Несколько рослых мужчин в белых фартуках и с красным крестом на рукаве вытащили барахтавшегося мистера Друка из автомобиля, подняли его и внесли в огромное мрачное здание с многочисленными коридорами и нумерован-

ными дверями.

— Опасно-буйный, — сказал кто-то металлическим голосом, — посадить его в номер сто тридцать два.

И мистер Друк был посажен в номер сто тридцать два, где он должен был исчезнуть, по всей вероятности, навсегда. Черномазые простились со служителями, ворота снова захлопнулись, автомобиль покатил назад.

Я мог бы уже закончить эту неприятную главу, если б в дело не вмешалась самая обыкновенная ворона.

Эта ворона жила в сквере католической церкви на Бруклин-стрит. По обычаю своих предков, она должна была свить себе гнездо. Это серьезное дело обставлено в Нью-Йорке большими трудностями, ибо ворон в городе во много раз больше, чем деревьев, и они уже давно поднимали вопрос о недостатке строительного материала.

Итак, наша ворона задумчиво летала по крышам, выглядывая себе прутики, веточки, дощечки и тому подобные вещи, как вдруг глаза ее усмотрели красивый белый пакет на одном из подоконников. Она каркнула, огляделась во все стороны, быстро схватила пакет и унесла его на самое высокое дерево в сквере, где он и превратился в прочное доньшко очень комфортабельного гнезда. Генеральный прокурор Иллинойса, таким образом, не получил возможности проникнуть в новую уголовную тайну, но зато этой же возможности лишились и многие другие люди, вплоть до полиции, ровно ничего не нашедшей в комнате «беглого Друка».

Глава четырнадцатая

СОВЕЩАНИЕ НА ВИЛЛЕ «ЭФЕМЕРИДА»

— Мистрисс Тиндик, — сказала горничная Дженни сухопарой особе в очках и с поджатыми губами, — мистрисс Тиндик, что это вы день и ночь хвастаетесь сиамскими близнецами, как будто сами их родили?

Дерзость Дженни вызвала в кухне одобрительное хихиканье.

— Девица Дженни, — ответила мистрисс Тиндик ледяным тоном, — выражайтесь поосторожней. Я не думаю хвастаться. Я констатирую факт, что сиамские близнецы доводятся мне двоюродной группой и что ни у кого из людей, кроме меня, не может быть двоюродной группы. Двоюродных сестер и братьев сколько угодно, но «группы» — ни у кого, никогда.

— А вам-то какой толк от этого?

— Девица Дженни, я не говорю о «толке». Я кон-ста-тирую факт. Я не виновата, что люди завидуют своему ближнему.

— Вот уж ни чуточки! — вспыхнула Дженни. — Плевать мне на вашу группу, когда я видела самого чорта!

В кухне отеля «Патрициана» воцарилось гробовое молчание. Дженни была известна как самая правдивая девушка в Нью-Йорке. Но увидеть чорта — это уж слишком.

— Верьте, не верьте, а я видела самого чорта, — повторила Дженни со слезой в голосе, — я прибирала в ванной, а он въехал мне прямо с потолка на затылок, потом попятился и исчез через стену.

Мистрисс Тиндик торжествующе оглядела все кухонное общество: было очевидно, что Дженни лжет.

Несчастливая девушка вспыхнула как кумач. Слезы выступили у нее на глазах:

— Провалиться мне на месте, если не так. И чорт был весь черный, голый, без хвоста, с черным носом и белыми зубами.

— Эх, Дженни, — вздохнул курьер, пожилой мужчина, мечтавший о законном браке, — а ведь я на тебе чуть было...

Но тут с быстротой молнии, прямо через потолок, свалился на плечо мистрисс Тиндик голый, черный чорт без хвоста, подпрыгнул, как кошка, и исчез в камине. Мистрисс Тиндик издала пронзительный вопль и упала в обморок. А неосторожный Том, проклиная свою неловкость, со всех ног мчался по трубе на соседнюю крышу, а оттуда спустился на Бродвей-стрит, прямехонько к зданию телеграфа.

Прохожие кидались прочь от стремительного трубочиста, локтями прочищавшего или, правильнее сказать, прочернявшего себе дорогу. Наконец, — он наверху, в будочке главного телеграфиста, и останавливается, чтобы отдышаться.

Меланхолический Тони Уайт с белокурым локоном на лбу и черным дамским бантом вместо галстука, взглянув в окошко, узнал Тома, придвинул к себе чистый бланк и тотчас же поставил в уголке две буквы «м. м.».

— Ну, — поощрил он Тома.

— Телефон испортился, Тони, а нам Мик нужен дозарезу, — объяснил Том тяжело дыша, — подавай в первую очередь.

— Да ну, диктуй. — И Тони написал под диктовку трубочиста:

Миддльтоун, Мику.

Публика собирается сегодня семь часов вечера вилле Эфмериде Кресслинга важное совещание будут все.

Том продиктовал это шопотом и удрал как молния. Тони Уайт справился, скоро ли починят Миддльтоунский телефон, разрушенный ночной бурей, и узнав, что через час, сам сел к телеграфному аппарату. «М.м.» — выстукал он в первую голову. Буквы побежали по линии, и все телеграфисты и телеграфистки тотчас же вскакивали, бросая работу,

и срочно передавали телеграмму. Сделав свое дело, Тони свернул бланк в трубочку и сжег его, а потом появился с другой стороны будочки, где его поджидала длиннейшая очередь ругавшихся нью-йоркцев.

Через четверть часа бойкий телеграфист города Миддл-тоупа, разнося депеши, зашел для чего-то и на деревообделочную фабрику. Увидев, что рабочие одни и никого из начальства нет, он сунул в руку Тингсмастера белую бумажку, прикурил и поспешил дальше. Мик прочитал и сжег бумажку. Потом дал кое-какие распоряжения в гуттаперчевую трубку, не отходя от станка, и продолжал изо всех сил работать, посвистывая песенку.

А между тем наступал теплый майский вечер. После ночной грозы Миддлтоун освежился и распушился. По главному шоссе в горы то и дело ездили сторожевые мотоциклетки, — это Джек Кресслинг поджидал к себе гостей. Высоко в горах, чуть стемнело, засияло сказочное море света, похожее на полчище гигантов-светляков или на горсть брильянтов, величиной с пушечное ядро. Это сияла знаменитая вилла «Эфемериды», построенная по специальному проекту Эдиссона, вся из железных кружев, тончайшей деревянной резьбы и хрусталя, насыщенного электрическим светом.

Джек Кресслинг был человек с фантазией. Он создал себе «царство света», как говорила почтительная газетка, издававшаяся на его средства. Он нашел способ обходиться без людей. В его сияющей вилле все подавалось и принималось бесчисленными электрическими двигателями, а лучезарные комнаты населялись любимыми друзьями Кресслинга — обезьяной Фру-фру, английской кобылой Эсмеральдой и двумя молодыми крокодилами, которых он привез из Египта и держал в золотом бассейне. Этого общества Кресслингу было вполне достаточно. По его мнению, люди были слишком нечистоплотны, и он не находил в двуногой твари ровно ничего забавного. Джек Кресслинг презирал человечество.

Как только на электрических часах «Эфемериды» раздались мощные звуки седьмой симфонии Бетховена, Крес-

слинг встал с кресла и нажал кнопку. Надо сказать, что часы у него отбивались девятью симфониями Бетховена, а роль десятой, одиннадцатой и двенадцатой выполняли, к величайшему удивлению посетителей, мяукание кошки, кукование кукушки и крик филина. Когда его спрашивали, он отвечал без улыбки: музыка не должна вмешиваться в час любви, в час смерти и в час познания.

— Семь часов, — сказал себе Кресслинг, — пора. — С этими словами он сел в кресло и поджал ноги. В ту же минуту кресло вознеслось с ним вместе через хрустальные потолки и переплеты в верхний этаж, где была роскошная зала с богато убраным столом посередине. Кресслинг лениво прошелся по коврам, нажимая кое-где кнопки, — и в залу заструились ароматы, посыпались цвета, проплыли хрустальные бочонки с замороженным шампанским. Снизу и сверху, на платиновых полочках, сдвинулись и разместились по столу всевозможные яства.

Не успел Кресслинг нажать последнюю кнопку, как оконное зеркало показало ему несколько медленно подъезжавших по главной аллее автомобилей. Он быстро передвинул стенные клавиши, и воздушный лифт вознес в валу одного за другим его знатных посетителей.

Тут были принц Гогенлоэ, виконт, лорд Хардстон, несколько испанцев, болгарский посланник, швейцарский генеральный консул, румынский князь, русский князь, португальский дворянин. Тут были бельгийцы, австрийцы, латыши, поляки, эстонцы, финны из самого высшего общества. С ними прибыли и коммерсанты. Знаменитый немецкий Стиннес, его приятель Крупп, банкир Вестингауз, английский купец Ротшильд и молодой Артур Рокфеллер. Как всегда, не доставало одного только синьора Чиче.

— Усаживайтесь, господа, — сказал Кресслинг обычным своим, не особенно любезным голосом, — я прошу извинить моих крокодилов, которые не могли вас дожидаться и откушали раньше.

Болгарский и румынский гости не без удивления переглянулись; им показалось, что это чисто-балканская, но отнюдь не американская шутка. Остальные, знакомые со стран-

ностями Джека Кресслинга, не обратили на его слова ровно никакого внимания.

На вилле «Эфемериды» нельзя тотчас же заняться делом. Требовалось посмотреть и покушать. Когда, наконец, ужин пришел к концу, Джек Кресслинг встал и сказал своим суховатым голосом:

— Мы собрались здесь, господа, чтоб выяснить наше обоюдное положение. Я чужд всякой сентиментальности, и гибель нашего мира меня мало трогает. Но я люблю борьбу. Я не могу допустить, чтоб мой раб и поденщик оказался сильнее меня. Поэтому я протягиваю руку фашистской организации. Я вступаю в нее членом. Я отдаю в ее распоряжение половину моего состояния. Но прежде я должен знать, каковы ближайшие намерения нашей организации.

Принц Гогенлоэ встал с места и, обменявшись взглядом с лордом Хардстоном, ответил Кресслингу:

— Я уполномочен синьором Чиче довести до вашего сведения, господа, следующий план. По данным синьора Чиче, советская власть в России опасно укрепляется, и пропаганда ее в наших странах становится угрожающей. Необходимо свергнуть эту власть, но не снаружи, а изнутри, путем заговора. План тайного заговора у нас уже готов. Привести его в исполнение берется мистер Артур Рокфеллер. В ближайшем будущем мистер Рокфеллер отбывает в Петроград с паспортом американского коммуниста.

Кресслинг взглянул на Рокфеллера.

— Артур, вы действительно беретесь за это!

— Клянусь прахом моего отца, — с горячностью воскликнул молодой человек.

— Великолепно. Это мне нравится. Но что же остается на нашу долю?

— Синьор Чиче выработал обширную программу, — вмешался лорд Хардсгон, — не бойтесь, никто из нас не останется без дела.

Настроение присутствующих стало весьма горячим. Кресслинг, против обыкновения, пил и чокался со своими гостями и на прощанье показал им двух крокодилов, мирно

дремавших на дне бассейна.

Совещание кончено, шампанское выпито, хрустальные часы Кресслинга прокричали филином. Гости один за другим отбыли в мрак теплой майской ночи. Один Кресслинг, страдая от вечной бессонницы, обречен долгие часы ходить взад и вперед по сияющим залам «Эфемериды».

Между тем в темном чулане маленького домика, где жил Тингсмастер, экран показывал, а фонограф рассказывал все, что произошло в «Эфемериде». Ребята смотрели и слушали, стиснув кулаки, и между ними, в скромном платье работницы, находилась Вивиан Ортон.

Глава пятнадцатая

ВАСИЛОВ И ЕГО ЖЕНА

Всякий честный коммунист на первое место ставит долг, а на второе жену. Всякая жена норовит поставить на первое место себя, а на второе все остальное.

У товарища Василова, члена нью-йоркской компартии, создалась именно такая семейная конъюнктура. Вернувшись с ночного заседания партии, он разбудил жену и сказал:

— Катя Ивановна, мы едем в Россию.

— Очень рада, — ответила та спросонок, — «Амелия» отходит послезавтра. Поедем вместе с мистрисс Дебошир.

— Мы с тобой едем на «Торпед», — возразил товарищ Василлов, — таковы полученные мною инструкции.

— Неужели вы думаете, что получая какие-то там инкрустации, можете не считаться с чувствами своей жены?!

— Инструкции, дорогая, — терпеливо повторил Василлов. Он сделал глупость только раз в жизни, когда женился, и теперь нес все ее последствия.

— Инкрустации, — повторила жена.

— Инструкции!

— Инкрустации!

— Инструкции!

— А! Если вы хуже всякого будильника и не дадите мне выспаться, так я заявляю вам: я еду на «Амелии» — и конечно!

— Как хочешь, — устало ответил Василлов, горько вздохнул и принялся раздеваться.

На следующее утро Катя Ивановна встала чуть свет, насмешливо взглянула на спящего мужа и в самой нарядной шляпке выскочила на улицу. У ворот стоял посыльный. Он гладил себе бороду. Борода имела почтенный вид.

— Посыльный, — произнесла Катя Ивановна, — вы не знаете, где находятся пароходы, справочные кассы, и куда надо сесть, чтоб поехать в Россию?

— Пустое дело, м-ам, — ответил, густо закашлявшись, посыльный, — идите себе домой и садитесь, куда хотите. А я с вашего позволения выхлопочу вам билет и занесу на дом. Так и запомните, посыльный номер 7.

— Неужели вы это сделаете? Но видите ли, в чем дело, у меня вышли контры с моим мужем. Я хочу поехать на пароходе «Амелия» вместе с мистрисс Дебошир. Вы можете взять мне билет на «Амелию»?

— Легче, чем плюнуть, м-ам.

— Ну, так возьмите. Вот вам деньги. Вот вам документы. И знаете, что? Занесите мне билет не домой, а прямо к мистрисс Дебошир, Ровен-Квер, 10.

— Завтра утречком, м-ам, все получите в полном порядке.

Катя Ивановна, в восторге от своего плана, вынула блокнот, карандаш и конверт и энергически повернула посыльного спиной к себе.

— Номер 7, я на вас облобочусь на минуту... Вот так. Мне хочется написать письмо мужу.

Она вывела кривыми буквами на спине посыльного:

— «Василов! Ты нуждаешься в уроке и потому вот тебе мои собственные инкрустации: я еду на «Амелии» с мистрисс Дебошир. Домой больше не вернусь. Уложи все мои вещи, лиловое платье и ноты для пения. Надеюсь, ты тоже поедешь на «Амелии», в противном случае мы встретимся на пристани в Кронштадте. Твоя жена

Катя Ивановна».

— Вот, — сказала она, — несите это письмо наверх, прямо по адресу. Бросьте ему письмо на кровать и бегом обратно. На все его вопросы — гробовое молчание. Поняли?

— Как не понять, м-ам, — ухмыльнулся посыльный. Он поглядел, как веселая дама, распустив над головой зонтик, помчалась по направлению к Ровен-Кверу, а сам пробежал глазами доставшееся ему письмо. Потом он взглянул на

адрес, покачал головой и отправился с письмом наверх. Добудившись Василева, он сунул ему письмо в руку и, не отвечая на вопросы, сбежал вниз.

До сих пор посыльный Джонс, старый посыльный этого района, действовал как ему было приказано. Очутившись на улице, он проявил неожиданную самостоятельность, а именно: он дошел до водосточной ямы, оглянулся вокруг и исчез в яме с быстротой крысы. Темный, мокрый проход вывел его сперва на каменную лестницу, потом на станцию подземной дороги. Джонс выбрал минуту и вскочил в узкую щель между железными обшивками вагона: он был в купе между уборной и топкой, не подлежащем оплате.

Честный Джонс сделал несколько пересадок, снова углубился в подземный ход, вымок, выпачкался, растрепал свою бороду, но добрался-таки до жаркого местечка под самой кухней «Патрицианы», где сидел в цилиндре и с гуттаперчевыми трубками на ушах водопроводчик Ван-Гоп.

— Менд-месс, — запыхавшись, проговорил посыльный.

— Месс-менд, — ответил Ван-Гоп, — это ты, Джонс? Ну что новенького?

— Жена Василова поручила мне купить ей билет на «Амелию». Она, видишь ли, желает ехать самостоятельно. Завтра утром я должен доставить ей билет и документы по адресу ее подруги.

— Ладно, Джонс, делай свое дело. Я все передам Мику. Да, смотри, Джонс, не случилось бы чего с Васильевым. Поставь своих ребят по всем углам, охраняйте его пуще глаза, покуда не попадет на пароходные мостки. Клади сюда бумаги.

Посыльный Джонс, послунив карандаш, набросал подробное донесение всего, что случилось с ним утром, прибавил на память копию письма Кати Ивановны, сложил все это возле Ван-Гопа и быстро выскочил из цилиндра, через стену, прямо за угол «Патрицианы», где помещалась касса пароходного, железнодорожного и авиосообщения.

Товарищ Васильев, между тем, не без досады прочитал записку своей жены. Он знал, что легче найти квадратуру круга, чем совпасть с намерениями своей супруги, а потому

махнул рукой и занялся укладкой. Василов был стройный и ловкий человек с бритым лицом, успевшим значительно американизироваться за пятнадцатилетнее пребывание в Америке. Кроме партийной деятельности, он был отличным инженером и ехал теперь на родину с мандатом в кармане и горячим желанием работать на русских заводах и фабриках. Сложив кой-как в чемодан многочисленные тряпки, лиловое платье и ноты Кати Ивановны, он разместил по карманам свои собственные бумаги, сунул туда же полученное только что послание, взял шляпу и отправился покупать себе билет второго класса на пароход «Торпеду», отбывавший через три дня в Европу.

Глава шестнадцатая

ПРИЯТНОЕ ЗНАКОМСТВО

Опустелый подъезд, где разговаривали Джонс и Катя Ивановна, был таковым лишь на первый взгляд. Не успели оба они разойтись в разные стороны, как из-за вешалки вынырнул невысокий, смуглый человек в костюме с блестящими пуговицами. Он зашел в будку автоматического телефона, назвал неразборчивый номер и когда его соединили, шопотом сообщил какой-то Нетти, что «ей придется купить себе новую шляпку». Только всего и было сказано и ровнешенько ничего больше. Неизвестно, в какой связи было это с дальнейшими событиями, но только Катя Ивановна, не дойдя еще до жилища мистрисс Дебошир, почувствовала внезапное желание отдохнуть.

Она оглянулась вокруг и увидела, что неподалеку, в маленьком и пустынном сквере, стоит одинокая скамейка. Дойдя до нее, Катя Ивановна хрустнула пальчиками, откинула голову и зевнула несколько раз с непонятым утомлением. Солнца на небе не было, глаза ее никогда не боле-ли, но, тем не менее, ей казалось, что перед ней прыгает что-то вроде красного солнечного пятнышка.

— Странно, — сказала себе упрямая дама, — в высшей степени странно. Я хочу спать, хотя я не имею намерения спать. Это мне не нравится.

Через сквер проходил, между тем, какой-то среднего роста человек, щегольски одетый, задумчивый, можно даже сказать — грустный. Руки его, со слегка опухшими сочленениями, висели безжизненно, глаза были впалые, унылые, тоскующие, как у горького пьяницы, на время принужденного быть трезвым. Под носом стояли редкие, кошачьи усы.

Он опустил на скамейку возле нее, глубоко вздохнул и закрыл лицо руками.

Кати Ивановна почувствовала странное сердцебиение.

Незнакомец вздохнул еще раз и прошептал:

— Я не переживу этого. Я не в силах жить. Дайте мне

умереть!

— У всех есть горе, — ласково заметила мистрисс Василова, придвинувшись к незнакомцу, — сегодня одно, сэр, а завтра другое. Бывает и так, что оба горя сразу. Надо закалять характер.

— Я не в силах, — глухо донеслось со стороны незнакомца.

— Соберитесь с силами, сэр, и вы перенесете.

— Дайте мне вашу руку, м-ам, нежную руку женщины. Влейте в меня бальзам.

Катя Ивановна немедленно сняла фильдекосовую перчатку и протянула свою энергичную руку незнакомцу. Тотчас же электрический ток прошел по всему ее телу, причинив ей головокружение, впрочем очень приятное. Привыкнув к самоанализу, она подумала с изумлением:

«Я, кажется, влюбляюсь. Это странно. Я влюбляюсь, хотя я не имею намерения влюбиться».

Между тем незнакомец вливал в себя целыми бочками бальзам при посредстве протянутой ему руки. Он прижимался к ней носом, губами и щеками, гладил, водил по глазам, совал себе за пазуху, покалывал жесткими усиками.

— Женщина! — воскликнул он вдруг проникновенно. — Будь ангелом! Будь сестрой милосердия. Пожертвуй мне час, два часа, отгони от меня демона самоубийства.

Как это так случилось, но Катя Ивановна не смогла бы отказать ему решительно ни в чем. Она подумала, что отлично попадет к мистрисс Дебошир и в четыре часа дня, встала со скамейки, приняла предложенную руку, а другой рукой вознесла свой зонтик над страдающим незнакомцем.

— В минуту скорби, — поучала она его твердым, хотя и ласковым голосом, — самое важное, дорогой сэр, это орнаментировка на общество. Когда вы орнаментируетесь, сэр, на общество, вы убеждаетесь, что кроме вас есть другие люди, большое количество других людей, со своими собственными горестями и радостями. Это успокаивает и расширяет горизонт.

— Вы правы, — глухо прошептал незнакомец, — идемте прямо туда, где есть общество. Сядем на пароход и пое-

дем в Борневильский лес.

Мистрисс Василова никогда не была в Борневильском лесу и не знала, есть ли там общество. Тем не менее ей очень польстило, что слова ее производят на несчастного человека решительное впечатление.

Они сели на пароход и мирно проехали две остановки, миновав Нью-Йорк и отплыв довольно-таки далеко в сторону Светона. Во время пути Катя Ивановна вела беседу на общеобразовательные темы, как то: кто живет в воде и на суше, бывают ли у рыбы крылья, а у птиц плавники, кто избрал паровое отопление и почему дома с паровым отоплением не двигаются, а пароходы двигаются. Два-три раза ей пришлось остановить незнакомца в его намерении броситься через борт и кончить жизнь самоубийством.

Наконец, на третьей остановке, они сошли с парохода на землю. Место было довольно пустынное. Здесь начались Рокфеллеровские рудники, поросшие тощим кустарником, скалы и небольшой лес, мрачный и неприятный, так как он был из осины и можжевельника.

Мистрисс Василова вздрогнула:

— Куда вы ведете меня? — прошептала она с тревогой, когда незнакомец потащил ее прямо в этот лес, носивший гордое наименование «Борневильского». — Что вы хотите от меня, дорогой сэръ? Здесь нет общества, здесь нет даже людей.

Но приятный попутчик Кати Ивановны преобразился. Тусклые глаза его оживились, худое тело напряжилось, мускулы сделались стальными. Он пристально глядел на нее и тащил за собой в лес, не отвечая на вопросы. Странная слабость овладела мистрисс Василовой. Руки и ноги ее налились тяжестью, во рту было горько, в голове стоял непонятный туман. Она уже не помнила ничего, кроме необходимости дойти до леса и, кой-как дотащившись до первой осины, поникла всем телом на кочку.

— Мне худо, — прошептала она тихо, — я не имею намерения, но меня тошнит.

Незнакомец вынул коробочку с круглыми голубоватыми шариками и протянул ее Кате Ивановне. Почти маши-

нально взяла она шарик и положила его себе в рот. В ту же секунду страшная судорога прошла по ее телу с пяток до головы, и несчастная свалилась вниз головой в овраг. Человек прыгнул туда вслед за ней, убедился, что она мертва, натаскал хворосту, валежника, осиновых прутьев и закрыл ими тело своей жертвы.

Потом он оглянулся вокруг, зашел за дерево и исчез. Все было пустынно кругом попрежнему. Шелестели осины. На Гудзоне неподвижно стояла одинокая дровяная барка.

Глава семнадцатая

ЛЕПСИУС ВИДИТ РУКУ

— Тоби! — крикнул доктор Лепсиус, войдя к себе в комнату. — Куда он делся, сонная рыба, пингвин, мерзкий мулат, мумия, гангренозная опухоль! Тоби! Тоби!

Молчаливый мулат с припухшими веками вынырнул сбоку и остановился перед доктором с видом полнейшего равнодушия.

— Тоби. Бери ключ, идем к его величеству, Бугасу Тридцать Первому. А если ты будешь спать, раскрыв рот какдохлая рыба, я наложу туда пороху и взорву тебя со всеми твоими потрохами!

Доктор Лепсиус весь день был в плохом настроении. Его экономка, мисс Смоуль, объявила, что выписала из Германии новый ушной аппарат и теперь, благодарение небу, будет слышать, как все остальные люди. Мисс Смоуль намекнула даже доктору Лепсиусу, что теперь у нее не будет недостатка в женихах.

Если б к колокольне церкви сорока мучеников прибавили мотор в тысячу лошадиных сил, нервное потрясение доктора наверное не было бы ужаснее, нежели от картины его экономки, говорящей, слышащей и замужней зараз. И это именно в такое время, когда открытие доктора Лепсиуса превратилось из ослепительной догадки в странную очевидность, когда недостает только скомбинировать факты и расширить примеры.

Резкими шагами спустился Лепсиус во второй этаж, прошел вслед за Тоби пустынный дворик, уже известный читателю, и остановился перед запертым на замок гаражем. На этот раз Тоби благополучно отпер замок, приоткрыл дверку и, пропустив вперед доктора, осторожно вошел вслед за ним, заперев дверь изнутри.

Они находились в большом, просторном сарае, охватившем их своей парниковой атмосферой. Пол был усыпан здесь густым слоем песка, потолок сиял сотней электрических

лампочек, вдоль стен стояли кадучки с араукариями и гигантскими, во всю вышину комнаты, пальмами. Посреди не сарая возвышалась трапеция с качелями и кольцами для гимнастики.

— Бугас, Бугас! — позвал доктор, помахивая бутылочкой, вынутой из кармана.

Тотчас же из глубины сарая раздалось злобное кряхтение, кто-то приподнялся с соломы, и навстречу доктору и Тоби пошел человек среднего роста. Это был индеец. Красный цвет кожи, кольцо в носу, голое тело, разукрашенное татуировкой и прямые черты лица не оставляли в этом ни малейшего сомнения.

Дойдя до Лепсиуса, он гордо потрянул головой, увенчанной перьями, схватил бутылку, ловко вышиб пробку и во мгновение ока осушил ее содержимое. Затем, повернувшись к ним спиной, он принялся отплясывать, трястись и содрогаться всеми своими членами.

Доктор Лепсиус не отрывал глаз от его движений. В первую минуту они казались самыми обыкновенными. Но потом внимательный наблюдатель мог бы заметить две странности: спина стройного индейца временами горбилась не у лопаток, а внизу, у самого конца позвоночника, делая его похожим на ошестинившуюся кошку. И в эти минуты обе руки индейца невольно свисали вниз, почти касаясь пола.

Доктор Лепсиус вынул вторую бутылочку и кинул ее Тоби, указав ему на верхушку трапеции. Молчаливый Тоби с бутылкой во рту взобрался по столбу до самого верха, сел верхом на перекладину и принялся играть бутылкой. Покуда он взбирался, индеец следил за ним злобными, красными глазами. Но на верхушке трапеции Тоби, казалось, перестал его интересоваться. Он опустил голову и стоял неподвижно.

— Бугас, Бугас! — позвал его Тоби.

Напрасно. Бугас не поднимал головы кверху.

— Бугас! Подними голову, получишь бутылку, — ласковым голосом убеждал доктор Лепсиус. Но все было тщетно. Индеец заупрямился. Он не поднимал глаз. Он не вскидывал головы.

...Тоби сбросил бутылку в руки доктора и оттуда она

перешла к индейцу. Пока Бугас жадно хлюпал губами, доктор подкрался ему за спину, выхватил лупу и принялся с необыкновенным вниманием изучать его позвоночник, начиная с шеи и кончая седалищным нервом. Потом он похлопал его по плечу, кивнул Тоби и вышел из сарая.

Лицо доктора Лепсиуса прояснилось. Три ступеньки, ведущие ему под нос, плотно сомкнулись, образовав удобный трап.

— Тоби, — сказал он у себя в комнате, — если ты будешь спать и таращить во сне глаза, я женю тебя на мисс Смоуль. А если ты опять побежишь через улицу к кондитеру и заведешь с ним разные разговоры, я продам тебя военному министерству на пушечное мясо. Дай мне пиджак, портфель, палку.

Быстро одевшись, Лепсиус вышел, сел в поджидавший его автомобиль и приказал шоферу ехать к доктору Бентровато, имевшему образцовую клинику и рентгеновский кабинет.

Он делал это не совсем охотно. Он боялся, что его открытие выкрадут у него из-под самого носа. Ворча сквозь зубы, Лепсиус поднялся по лестнице и попал в руки двух молодых девиц, с карандашами и блокнотами.

— Сорок, — промолвила одна девица.

— Сюда, — подтвердила другая, подставляя ему ящик, битком набитый деньгами.

— Дорогие мои, — мягко ответил Лепсиус, — я беру больше.

И отстранив их рукой, он прошел прямо в кабинет к своему коллеге.

У Бентровато шел прием. Множество людей дожидалось его, развлекая себя всевозможными занятиями, приспособленными к услугам пациентов в комнатах для ожидания. Тут были книги на всех языках, домино, шахматы, вышивание и вязанье для дам, игрушки для детей, прохладительные напитки.

В кабинете было полутемно. За китайской ширмой перед экраном стоял человек, подвергнутый действию рентгеновых лучей. Лепсиус не мог разглядеть его внутренних органов и видел лишь тень от небольшой и продолговатой

головы да руку, небрежно закинутую за спинку стула и выпавшую из-за ширмы.

Лепсиус сел равнодушно в кресло, дожидаясь конца сеанса. Он рассеянно смотрел туда и сюда, испытывая неодолимый приступ зевоты. Как вдруг совершенно случайно глаза его задержались на вышеупомянутой руке.

— Что такое... Где, чорт восьми! Где видел доктор Лепсиус эту руку, худую, слабую, с припухшими сочленениями?

Но сколько он ни напрягал память, ответа не приходило. Пальцы лежали все так же безжизненно, потом внезапно скрылись, будто схватились за что-то, скользнули и исчезли.

Бентровато выпустил своего пациента из боковых дверей кабинета.

— Здравствуйте, здравствуйте, Лепсиус. Чем могу?

— Здравствуйте, Бентровато, кто это у вас был?

— Вы хотите проверить, соблюдаю ли я профессиональные тайны?

Лепсиус с досадой покосился на коллегу.

— Я заехал к вам, достопочтенный друг, с просьбой проинвестировать рентгенизацию одного дегенеративного субъекта. Чем скорее, тем лучше.

— Хорошо, в первый же свободный час. Постойте-ка, запишем: «28 августа будущего года в 4 ½ часа дня».

Бентровато занес это к себе в блокнот и копию записи с улыбочкой протянул своему коллеге.

Широкое лицо Лепсиуса не выразило ничего, кроме благодарности. Но на лестнице он сжал кулаки, побагровел и со свирепой миной подскочил к швейцару.

— Кто тут сейчас прошел, а?

Швейцар флегматически повел плечами:

— Многие проходили...

«Фруктовщик Бэр»,

«Профессор Хизертон»,

«Штурман Ковальковский».

Лепсиус сел в автомобиль, тщательно похоронив у себя в памяти три услышанных имени.

Глава восемнадцатая

ОТПЛЫТИЕ «АМЕЛИИ»

Кто не знает об Эдиссоне? Слава его ходит по всему земному шару.

А кто знает техника Сорроу? Никто.

Техник Сорроу — пожилой, маленький человек с небольшой бородкой, тонкими губами и привычкой ходить, заложив руки за спину. Он почти никогда не сидит. Он ходит работая, ходит говоря с вами, ходит кушая и даже ходит сидя. Последнее возможно лишь потому, что техник Сорроу изобрел себе подвижную сиделку, род ходячего стула.

Техник Сорроу еще мальчишкой был другом-приятелем Эдиссона. Однажды они разговорились за рабочим станком.

— Эх, — сказал Эдиссон, — уж я выдумаю такую штуку, что все люди ахнут. Короли будут здороваться со мной за руку, самые почтенные профессора придут у меня учиться.

— А потом что? — спросил Сорроу.

— А потом буду жить и изобретать. Жить буду в собственном дворце, а изобретать чудеса за чудесами.

Сорроу смолчал на эти речи. Сказать по правде, они ему не понравились.

«Что же это такое? — подумал он про себя. — Не по-товарищески рассуждает Эдиссон. Сам рабочий, а думает о королях. Посмотрим, куда он загнет».

Эдиссон загнул как раз туда, куда собирался. Телефоны, граммофоны, фонографы, трамваи, бесчисленное множество чудес попало в руки богачей и королей, умножая их удобства и украшая их жизнь,

— Вот что может сделать простой рабочий! — сказал Эдиссон на приеме у одного короля, здороваясь с ним за руку.

Бывшие товарищи Эдиссона гордились им. Рабочие частенько пили за его здоровье, пропивая свой недельный заработок. Техник Сорроу молча глядел на все это и качал го-

ловой.

— Завистник, — говорили ему на заводе.

Но техник Сорроу продолжал молчать и покачивать головой. В ту пору он был помощником мастера Шульца на сталелитейном заводе Кресслинга. Он чинил машины, подлечивал винтики, смазывал, спрыскивал, разбирал и собирал негодные машинные части, словом — был на заводе мелкой сошкой. Никогда никакой сверхурочный заработок его не соблазнял. Джэк Кресслинг был бессилен над техником Сорроу. Предложи он ему миллион за лишний час, а Сорроу снимет синий фартук, помоеет руки под краном, заложит руки за спину и уйдет себе, посвистывая, домой. А что он делал у себя дома — об этом не знал никто, даже его квартирная хозяйка.

Когда Микаэль Тингсмастер произнес свою первую речь, положившую начало новой миддлтоунской эре, техник Сорроу постучался к нему после работы, вошел, запер дверь и заговорил:

— Тингсмастер, ты именно тот человек, которого я жду тридцать лет. Сунь мне руку в карман.

Мик Тингсмастер сунул ему руку в карман, вытащил оттуда сверток бумаг и вопросительно поглядел на техника Сорроу.

— Ходи рядом со мной и слушай, — сказал шопотом Сорроу. Они ходили таким образом весь вечер, всю ночь и все утро, вплоть до рабочего гудка. А спустя некоторое время побежали из всех фабрик, из всех заводов, с копей, с рудников, с доков, с верфей, с мельниц, с элеваторов, из депо, из гаражей, из ремонтных мастерских веселые значки «м. м.» на веселых вещах, обученных всем секретам техника Сорроу.

Вот этот самый безвестный техник Сорроу, по причинам, не обсуждавшимся ни на каких собраниях, и без всякого мандата в кармане, скромно и тихо взял расчет у Джэка Кресслинга и сел монтером машинного отделения на пароход «Амелия», зафрахтованный компанией Гувера. За два часа до отплытия он уже был на пристани, наблюдая за нагрузкой парохода.

Ирландец Мак-Кинлей, капитан парохода, посасывал свою трубку, разгуливая на борту. Подъемники сбрасывали на пароход одно за другим: бочки с салом, прессованные тюки с маисом и сахаром, ящики с консервированным молоком, мешки с маисовой мукой, — все это предназначалось для тонких кишек голодающего русского народа с целью приобщения его к вершине американской цивилизации — суррогату. Рабочие, грузившие пароход, весело подмигивали Сорроу, и он подмаргивал им в свою очередь.

Как вдруг посыльный Джонс, красный, запыхавшийся, растрепанный, опрометью влетел на пристань, огляделся туда и сюда, подбежал к технику Сорроу и задышавшись шепнул ему:

— Жены Василова нет ровнешенько нигде. Не видел ли ты ее в числе пассажиров?

Сорроу отрицательно покачал головой.

— Что мне теперь делать? — взвыл Джонс. — Эта вздорная дамочка, верно, спит вторые сутки. Но где ее искать! У подруги она не была, домой не вернулась, а я, видишь ли, не смею расспрашивать ее мужа, не знает ли он, куда сбегала от него его собственная жена. Что мне делать с билетом, с документами, куда девать сдачу. Кто мне заплатит коммиссионные?

— Посоветуйся с Миком, — флегматически ответил Сорроу, продолжая шагать по пристани, — да торопись, до отплытия осталось всего час пятьдесят восемь с половиной минут.

Джонс подпрыгнул как ужаленный, метнулся между фонарными столбами туда и сюда, провалился сквозь землю и через десять минут мчался на деревянном стуле по проволоче с крыши манежа Роллен — вверх и вверх, к вышке Миддльтоуна. Путешествие было рискованное, провода свистели вокруг него, тюки сена могли налететь на него сверху, если ребята не успеют попридержать их, электрическая энергия могла прекратиться, но честный посыльный Джонс не имел другого способа попасть в Миддльтоун вовремя, и он рискнул на него.

— Ты говоришь, ее никто и нигде не видел? — спросил Тингсмастер, выслушав сбивчивую речь Джонса.

— Именно так, Мик.

— Это значит, что несчастную убрали с пути. Это значит, что Василова тоже ждет западня. Они уберут и Василова, послав вместо него заговорщика Рокфеллера.

— Василлов поедет на «Торпед», Мик, времени у тебя много, а куда мне девать билет, документы, сдачу? Кто мне заплатит коммиссионные? — был честный Джонс. — «Амелия» стоит под парами, говорю я тебе!

Тингсмастер недолго раздумывал.

— Так подожди же, — крикнул он решительно, — мисс Ортон, дитя мое, скорей, бегите-ка сюда!

На пороге появилась мисс Ортон.

— Слушайте. Вот вам документы и билет. Вы едете через час на пароходе «Амелия», как жена коммуниста Василова, в Кронштадт. Ваш муж едет туда же на «Торпед». Вы по капризу сели на «Амелию». Вы встретите его на кронштадтской пристани. Вы шепнете ему, что посланы рабочими вместо его жены, чтоб охранять его жизнь от покушений и раскрыть заговор фашистской организации... Поняли?

— Да, — ответила мисс Ортон. — Спасибо, Микаэль Тингсмастер. Вы будете рады, что поручили это дело мне.

— Пойдите-ка. Может случиться, что Василова уберут и вместо него подешлют Артура Рокфеллера...

— А-а! — вырвалось у девушки сквозь стиснутые зубы.

— Тогда мстите, мисс Ортон. Но сумеете мстить. Вы будете женой заговорщика, вы притворитесь, что не угадали подмены. Вы день и ночь будете сторожить его и раскрывать шаг за шагом, нить за нитью гнусный заговор, покуда все нити не будут в ваших руках. Тогда откройте все советской власти. Поняли?

— Да! — воскликнула девушка. — Еще раз спасибо.

— Ты немедленно доставишь ее на «Амелию», — обратился Тингсмастер к посыльному Джонсу, — поручи ее Сорроу, и пусть Сорроу снабдит ее всем необходимым. Во время пути пусть Сорроу каждый час принимает радио с «Тор-

педы». Мы пошлем монтера Биска охранять жизнь Василова. Понял? Иди.

— Мик, — простонал бедный Джонс, почесав у себя в бороде, — а кто же заплатит мне комиссионные? Кому передать сдачу?

— Бери себе сдачу вместо комиссионных, — крикнул Тингсмастер, схватив за руку обоих, Джонса и девушку, и увлекая их к телеграфной вышке.

Через полчаса стройная молодая дама под темной вуалью заняла каюту первого класса на пароходе «Амелия», а техник Сорроу принял от Джонса подробнейшие указания Тингсмастера.

Трап поднят. Дым повалил из трубы. Палуба, реи, бесчисленные окошки кают полны высунувшихся голов, шапок, носовых платков. Все это машет, свистит, визжит, кивает — и в ответ машет, свистит, визжит, кивает залитая толпой пристань. Пароход «Амелия» делает красивый поворот и, задымив, отправляется в далекий рейс.

Глава девятнадцатая

РИСКОВАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Редко кто мог бы сказать, что видел Микаэля Тингс-мастера в таком гневе, в каком он находился сейчас. Мик ударил кулаком по столу:

— Убивать женщин, подлецы! Если б я только мог напасть на следы этого человека!

— Менд-месс, — раздалось из стены.

— Месс-менд, — ответил он поспешно, и в комнату с ловкостью обезьяны прыгнул трубочист Том.

— Мик, — начал он свою речь запинаясь.

— Ну?

— Мик, хоть в обществе и поговаривают, будто я чорт, но, не в обиду тебе будь сказано, Мик, я сам начинаю побаиваться чорта. Видишь ли, мы с Ван-Гопом, как ты приказал, день и ночь сторожили «Патрициану». Только сидим мы в стене, а под нами, тоже в стене, кто-то знай себе сторожит нас. И ей-ей, Мик, если я чорт только по фальшивому наговору, то под нами в стене ходит что ни на есть настоящий чорт, в этом я тебе прозакладываю собственную голову.

— Значит, вы продолжаете слышать шаги в подземном ходе?

— Называй это подземным ходом, если тебе нравится, а мы с Ван-Гопом называем это бесовской тропой!

Тингсмастер поглядел на широкую черную рожицу Тома, хотел было сказать ему слова два, но махнул рукой и решительными шагами подошел к двери. Раскрыв ее, он крикнул в темноту:

— Бьюти, Бьюти!

Тотчас же в комнату ворвалась огромная белая собака с золотистыми пятнами. Она прыгала вокруг Тингсмастера, била хвостом, припадала на передние лапы, дружески рыча, потом вскакивала на задние и обнимала своего хозяина с самой пылкой нежностью. Наконец, утомившись, опа

лизнула его в нос, свернулась на полу и положила морду на его пыльный сапог.

— Бьюти, — ласково сказал Мик, нагнувшись к своему другу. Белый хвост энергично забарабанил в ответ. — Бьюти, мне требуется от тебя важная штука. Опасная штука, понимаешь?

Хвост дал ритмически понять, что Бьюти готова на все.

— Я не могу послать туда человека, Бьюти, потому что это сильно смахивало бы на убийство. Ты же сумеешь выкрутиться. Но гляди, Бьюти, гляди, дружище, тот, за кем мы с тобой охотимся, — величайший враг твоего хозяина.

— Rrrrrr! — раздалось снизу.

— И величайший враг человечества. Будь осторожен, песик.

— Rrrрхав! Хав! — пролаял Бьюти свирепо и положил лапу на колени Тингсмастера.

— Мик, — умоляюще произнес Том, — что это ты задумал? Что может собачка против чорта!

Но Тингсмастер не любил лишних разговоров. Он оглядел зубы, уши и лапы Бьюти, надел ей на грудь тонкий, как батист, металлический панцырь и привязал к ошейнику веревку с нанизанными на ней кусочками мяса.

— Смотри, Бьюти, по кусочку в день, не больше того, — сказал он умной собаке, следившей за каждым его движением.

Оглянувшись вокруг, он сунул себе в карман электрический фонарь и кое-какую мелочь, кивнул головой Тому и двинулся в путь.

Между тем на кухне отеля «Патрициана» шло торжественное совещание служебного персонала с администрацией. За первых представлял мистрисс Тиндик, вторую возглавлял Сетто из Диарбекира.

— Я скажу коротко, — начала мистрисс Тиндик, поджимая губы, — со дня смерти мистера Тиндик, моего мужа, ни одна мужская рука, не говоря о мужских ногах, не касалась моих плеч. Я введена в убыток. Я положительно настаиваю на возмещении убытков, причиненных мне прикосновением мужских ног к моим плечам на территории

вашей гостиницы, мистер Сетто.

— Правильно! — хором поддержала ее вся кухня. — На-счет убытков — это она в самую точку. Мы тоже в убытке, хозяин. Если этак, не разбирая времени, каждый божий день станут на вас сыпаться черти с потолка, вы можете преждевременно потерять свою рабочую силу.

Мистрисс Тиндик с неудовольствием обернулась к своей аудитории:

— Не будем путать наших законных претензий, — сказала она твердо. — Я, как известно даже мировому судье, могу рассчитывать на особую поддержку общества, ибо общество принимает во внимание роковую игру природы. Я должна стоять за честь своего имени. Я имею положительное намерение оградить свое имя от посягательств джентльменов неизвестного происхождения на территории вашей гостиницы, мистер Сетто.

Сетто из Диарбекира вынул изо рта чубук, оглядел всех присутствующих и спокойно произнес:

— Правильно. Вы в убытке, я в убытке. Как утверждает эта умная женщина, мистрисс Тиндик, на самой что ни на есть территории моей гостиницы поселился бесплатный элемент. Разберем дело. Жена, иди сюда, разбери дело. Я нанимаю швейцара, я нанимаю курьера, я нанимаю сторожа, я нанимаю камердинера, я нанимаю официанта, я нанимаю девушку. Верно я говорю, жена?

— Истинную правду, Сетто.

— И я нанимаю, слушайте меня крепко, мистрисс Тиндик, я нанимаю даму, надзирающую за швейцаром, курьером, сторожем, камердинером, официантом и девушкой. И что же получается? Вы не можете досмотреть жильца, поселившегося в стенах моей гостиницы и противозаконно попирающего мою территорию. За что, спрашивается, вы получаете жалованье, мистрисс Тиндик, а?

Такой оборот дела очень не понравился служебному персоналу.

— Но мои плечи, мистер Сетто! — возмущенно воскликнула мистрисс Тиндик.

— Э, дорогая моя мистрисс Тиндик, — продолжал неу-

молимый Сетто, — если б даже вы были девушкой, мистрисс Тиндик, так и то, с вашего позволения, дело-то надо было бы начинать не с плеч, а совсем с другого конца.

Мистрисс Тиндик вскрикнула как ужаленная и закрыла лицо обеими руками. В кухне раздался хохот. А Сетто из Дитарбекира, подхватив свою жену под руку, как ни в чем не бывало отправился во-свояси.

Пока этот знаменательный разговор происходил в кухне, наверху, перед комнатой без номера, бесшумно выскочив из стеклянного шкафа, появился Мик со своей собакой, Том-грубочист и водопроводчик Ван-Гоп.

Мик нажал невидимую кнопку, и дверь вместе с замком и запором тихо отошла от стены. В комнате никого не было. Вообще это жилище синьора Чиче производило странное впечатление необитаемого места. Постель казалась нетронутой, стулья — не сдвинутыми, занавеси на окнах — никогда не поднимавшимися. Мик покачал головой и направился прямо к тому месту, где должен был находиться люк.

— Ни один квадрат этого пола не снабжен нашим клеймом, — шепнул он своим спутникам, — сдается мне, братцы, что мы в логове самого крупного зверя. Все остальные пляшут под его дудку.

Он опустился на колени, вынул лупу и долго изучал поверхность пола. Потом вскочил и побежал к стене. Здесь был вбит крохотный гвоздь, на котором криво висел стенной календарь. Тингсмастер сдвинул календарь в сторону и указал Тому и Виллингсу на едва заметную выпуклость под обоями. Надавив на нее, он вернулся к полу и снова пристально оглядел его в лупу. Между двумя кусками паркета появилась теперь едва заметная щель. Тингсмастер вынул тонкую полосу стали и принялся ею орудовать. Щель расширилась, паркет шевельнулся, затрепетал и медленно встал ребром. Внизу чернела дыра.

— Бьюти! — подозвал собаку Тингсмастер.

— Ребята, взгляните-ка, что с ней!.. — воскликнул Том.

Собака тряслась всеми членами, зевала так, будто ей раздвигали челюсти щипцами для расширения сапог, и шерсть у нее на спине стояла дыбом.

— Я говорил тебе, Мик, я тебе говорил, — в ужасе бормотал Том, — не связывайся с чортом! Зачем губишь собаку!

Но Тингсмастер тоже казался удивленным, тем более, что на пего самого напала непреодолимая потребность зевать. Он стал, однакоже, смотреть вовсе не на собаку, а на окно, на ставни, на драпировку. Он пододвинул стул, вскочил на него и стал шарить по кисейной занавеси, складками спускавшейся вниз. Найдя что-то, он сорвал это и спрыгнул на пол. В комнате раздался лишь треск от оборвавшейся нитки, и в ту же минуту собака перестала трястись. Она подняла умную морду к хозяину и забила хвостом.

Тингсмастер подошел к Тому и Ван-Гопу и раскрыл ладонь. На ней лежало круглое стеклышко странного цвета, того молочно-мутного цвета с примесью теплого багрянца, какой можно увидеть в глазах новорожденного теленка.

— Фабионит, — сказал Мик, тотчас же опять зажав камень, — техник Сорроу может рассказать вам про него интересные вещи, ребята. Это искусственный камень, изготовленный химиком Фабио-Дуцци года полтора назад, на одном из заводов Франции. Я не могу понять, откуда и зачем он очутился здесь. Эта штука может усыпить целую армию, если направить на нее световые лучи.

Он спрятал стеклышко в карман и опять подошел к дыре.

— Бьюти, собачка, поди-ка сюда!

Бьюти подошла к хозяину, не выражая на этот раз никакого страха. Но дух, шедший из подземного хода, действовал на нее, повидимому, возбуждающе. Шерсть Бьюти шевелилась на спине, а ноздри беспрерывно втягивали воздух. Тингсмастер взял ее морду обеими руками и пристально посмотрел в умные собачьи глаза.

— Бьюти, — сказал он медленно, — иди туда в дыру. Не давайся никому в руки. Проследи, куда идет дыра и где другой выход. Возвращайся назад в Миддлтоун и покажи нам всем, откуда ты выбралась, — поняла?

Бьюти повизгивала, тыкаясь носом в хозяина.

— Иди. Раз — два — три!

Бьюти еще раз взглянула на трех людей, стоявших над люком, вильнула хвостом и во мгновение ока бесшумно исчезла в дыре. Минут десять все трое ждали ее, прислушиваясь к каждому шороху. Но все было тихо. Собака не возвращалась.

Тогда Тингсмастер закрыл трап. Снова повесил календарь, как он висел раньше. Каждую вещь поставил на прежнее место и вместе с товарищами вышел из комнаты.

Глава двадцатая

ХАРВЕЙСКИЕ ДОКИ

В трех милях от Нью-Йорка, по пути к Светону, высятся знаменитые Харвейские доки. Пароход «Торпеда», отправленный сюда на починку, готов к отплытию. Он вычищен внутри и снаружи, заштопан, облицован, перекрашен и весело косится на вас тысячью выпуклых круглых окошек кают-компаний, похожих на лягушечьи глаза.

Матросы, которым уже надоело шмыгать по городу и уже нечего было пропивать, собрались дружной семьей в машинном отделении. Табачный дым заволакивал все как банный пар. Матросы рассказывали друг другу страшные истории и коротали досуг, оставшийся им до отплытия «Торпеды».

— Ну, ребята, — сказал новый механик, рекомендованный «Торпед» союзом докеров, веселый шотландец Биск, — «Торпеда» хоть сейчас снимайся, — так мы ее заштопали. Братья Дуглас и Борлей могут быть довольны.

— Был бы доволен капитан, — мрачно ответил старый матрос Ксаверий, до сих пор молчавший, — а уж братья Дуглас и Борлей не пикнут.

— Помалкивай! — крикнул ему бледный как смерть матрос, с глазами, обведенными черными кругами. Это был Дан, еще недавно веселый смельчак, друг и собутыльник несчастного Дипа, а сейчас истощенный, хилый, как тень, человек, боявшийся заглянуть себе за спину.

— Что с тобой случилось, баба ты! — сердито огрызнулся Ксаверий. — Коли я говорю громко, значит можно говорить громко. Я не дурак, отдаю себе отчет. Ты, товарищ, здесь трети сутки, — снова обратился он к Биску, — а пробудешь еще три, так проклянешь день и час, что занес тебя на нашу «Торпеду».

— Ну, я не из робких! — засмеялся Биск. — Нашему брату тоже приходится испытывать всякую всячину. А кто же капитан «Торпеды», разве не Джексон из Гаммерфорта?

— Джексон уж год как ушел. Это был капитан в самый

раз. Про Джексона, парень, тебе никто даже спьяну не скажет худого слова. А теперь у нас...

— Молчи! — опять перебил его Дан, трясясь как в лихорадке.

На этот раз старый Ксаверий как будто послушался Дана. Во всяком случае он закрыл рот и не пожелал продолжать речи.

— Как зовут нового капитана? — спросил Биск, оглядывая матросов. Лица их были пасмурны. Кто-то ответил нехотя:

— Капитан Грегуар.

— Что он, француз, что ли?

— Француз ли, чорт ли, — вмешался опять Ксаверий, — а только он рыжий. А такой масти нечего соваться на море. Если ты рыжий, так и служи в банке, а на море тебе делать нечего, коли не хочешь накликать беду на всю команду. Не было еще случая, чтоб океан спокойно снес рыжего человека.

Разговор оборвался. Матросы забились каждый в свой угол, и неизвестно, от сумерек или от табачного дыма, но лица их стали серыми. Биск выбрался из отделения на лестницу, сделал шагов сто, оглянулся туда и сюда, быстро провел пальцем по железной обшивке и юркнул в образовавшуюся щель. Обшивка тотчас же задвинулась, а Биск очутился в крохотной, но очень уютной комнатке, с вентилятором на потолке и электрической лампочкой сбоку, — сделанной ребятами с кораблестроительного и не подлежащей оплате. На столе перед Биском лежала тетрадь, в стол была вделана походная чернильница, перо висело на длинной цепочке. Биск открыл первую страницу тетради —

Д о н е с е н и я Б и с к а о п у т и с л е д о в а н и я «Т о р п е д ы»

и написал на первом месте:

«Личность капитана Грегуара, судя по рассказам матросов, очень подозрительна. Пассажиров записалось всего 980

человек. Из них в Россию никто не едет, кроме одного Василова. Он записался на каюту II класса № 117, находящуюся между трапом и каютами служебного персонала. Я осмотрел ее и ничего подозрительного не нашел. На всякий случай осмотрел и смежные каюты. Повидимому, железо на обшивку всего служебного отделения взято не с наших металлургических, ни на одном листе нет нашего клейма. Проникнуть к капитану не удалось. Среди пассажиров, отправляющихся в Европу, подозрительны: банкир Вестингауз — на Гамбург; сенатор Нотэбит с дочерью — на Штеттин. По слухам, Вестингауз едет развлечься после исчезновения своей любовницы, а сенатор Нотэбит исполняет каприз своей дочери, с некоторого времени преследующей, без всякой видимой причины, банкира Вестингауза. Совершенно непонятно отсутствие на пароходе Артура Рокфеллера, который должен был по плану фашистов инкогнито отправиться в Советскую Россию. Среди пассажиров нет ни одного, кто мог бы оказаться переодетым Рокфеллером».

Написав все это, Биск вырвал страничку, запечатал ее в конверт, тихо выбрался из каюты и через минуту был уже в комнате почтового отделения, где восседала наша старая знакомая, мисс Тоттер. Она была помещена сюда прямо-хонько из «Патрицианы», по рекомендации знатных жильцов Сетто-диарбекирца.

— Мисс Тоттер, — сказал Биск, — вот вам первое письмо для Мика. Я надеюсь, их еще будет с добрую дюжину и надеюсь также, что мы с вами благополучно доберемся до Кронштадта.

Мисс Тоттер ничего не ответила, взяла письмо и подошла к одной из многочисленных темных клеток, висевших в комнате. Микроскопическими буквами «м. м.» была отмечена дверца.

— Это голуби Мика, — шепнула мисс Тоттер и меланхолически вздохнула. Потом она достала одного из почтовых голубей, вложила письмо в его сумочку на груди, раскрыла верхнее окошко и выпустила птицу на волю.

Биск свистнул, как человек, выполнивший свой долг, заложил руки в карманы и кратчайшим путем отправился на палубу, то есть раздвинул обшивку и углубился в узкий межстенный ход. Он шел в темноте не более двух минут, как вдруг замер как вкопанный. Из стены, близехонько от него, донесся свистящий звук. Спустя мгновение звук превратился в царапание, и кто-то прошел в стене мимо Биска так близко, так слышно, что механик невольно отодвинулся, хотя проходивший был отделен от него железным листом. В то же время над ним что-то хлопнуло с тихим треском, словно закрылся невидимый люк.

Но шотландец Биск не даром считал себя не из робкого десятка. Он выждал несколько минут, раздвинул обшивку и вышел на трап, не заходя к себе в каюту.

— Придется делать дополнение к письму. Довольно-таки скоро! — сказал он себе философски.

В это время мимо него пробежали матросы с криком:

— Сниматься, сниматься. Приказ от капитана снимать «Торпеду» на Нью-Йоркский рейд. Завтра утром отплытие.

Биск остановил пробежавшего юношу и спросил его:

— Когда отдано приказание? Разве капитан на «Торпед»?

— Капитана никто из нас не видит, — шепнул ему на ухо матросик, — а приказание отдается через штурмана.

И голубоглазый матросик опрометью бросился дальше.

Глава двадцать первая

ОТПЛЫТИЕ «ТОРПЕДЫ»

Хороший денек для отплытия парохода, нечего сказать! С утра полил дождь. Вода в Гудзоне поднялась на несколько вершков. Ночным ураганом вдребезги разбило все частновладельческие лодки, стоявшие у пристани.

И наконец, утренние газеты отметили понижение цен на американскую пшеницу, одновременно упомянув еще о трех событиях: в овраге, возле Борневильского леса, найден совершенно обезображенный труп неизвестной женщины; секретарь покойного нотариуса Крафта бежал бесследно, обворовав кассу; гроб с телом Еремии Рокфеллера, назначенный ко вскрытию по ходатайству кормилицы покойного и его дальних родственников, прибывших из Европы, был внезапно украден из родовой часовни Рокфеллеров неизвестными злоумышленниками и, несмотря на все поиски, не разыскан...

Доктор Лепсиус, прочитавший все это, бессильно уронил газету на колени и откинулся в полном изнеможении на спинку кресла. Он почувствовал прилив ненависти к человечеству. Он недоумевал, какие силы заставляют его жить и работать на пользу этого самого человечества...

Но спустя мгновение природный оптимизм доктора Лепсиуса взял верх, и он повернул страницу газеты, надеясь отдохнуть душой на театральных, брачных, спортивных, биржевых и тому подобных увеселительных бюллетенях.

Как вдруг взор его упал на несколько строк, напечатанных курсивом. Вне себя от злобы Лепсиус прочитал следующее:

«Вчера, в семь часов вечера, в церкви сорока мучеников состоялось бракосочетание девицы мисс Смоуль с мистером Натаниэлем Эпидермой, мажордомом нашего знаменитого рентгенолога Бентровато. Со стороны новобрачной присут-

ствовали родственники, гг. Смоулль из Миддльтоуна, со стороны жениха — сам доктор Бентровато, одновременно прочитавший собравшейся вокруг него густой толпе молодежи лекцию о рентгенизации младенца во чреве матери с целью определения его пола».

Лепсиус вскочил, судорожно скомкав газету. Глаза его палились кровью. Он махнул рукой, сорвал с вешалки шляпу и кубарем скатился вниз с лестницы.

Доктор Лепсиус положительно задыхался. Не будь он доктором, он побежал бы сейчас к доктору, чтоб пустить себе кровь или, по крайней мере, получить какой-нибудь рецепт, написанный по-латыни, что, как известно, имеет свою хорошую сторону, наглядно доказывая серьезность затраченных вами денег.

Но и этого утешения он не мог себе доставить. И поэтому Лепсиус бежал со всех ног по улице, бежал от проклятого вероломства своей экономки, бежал куда глаза глядят, пока не выбежал прямехонько к Гудзону.

Дождь шел как из ведра. Газетчики и чистильщики сапог попрятались. Редкие пешеходы принадлежали к разряду людей, ходивших босиком. Туман клубился по улицам Нью-Йорка, стоял над Гудзоном, заволакивал всю набережную до такой степени, что Харвейский маяк опоясывал лентами прожектора весь кусок залива, а набережная расцвечилась электричеством в двенадцать часов дня.

Лепсиус промок до нитки и не без удивления заметил, что вышел к рейду, где, залитая тысячью огней, стояла «Торпеда», уже готовая к принятию пассажиров. Трап, однако же, еще не был спущен. Толпа, стоявшая под дождем, выражала все признаки страшного нетерпения.

— Они боятся демонстраций, — сказал кто-то возле Лепсиуса ворчливым голосом, — как будто в наше время делают демонстрации!

— Еще как делают, — ответил другой, — ведь коммунисты посылают своего представителя в Совдепию. Смотри, его вышли провожать, ей-ей, не хуже, чем президента.

Тут только Лепсиус заметил необычайное стечение народа и огляделся внимательней.

Вся огромная площадь вокруг него была залита людьми в фуражках и рабочих куртках. Они пришли сюда прямо с фабрик, не успев переодеться. Лица их горели воодушевлением, руки протягивались со всех сторон к товарищу Василиву, стоявшему среди них в дорожном костюме.

— Передай им, Василив, что мы не дремлем! — кричал кто-то, размахивая картузом. — Мы не прозеваем своего часа!

— Кланяйся Ленину! — кричал другой.

Толпа напирала со всех сторон, не давая подойти к Василиву решительно никому с той половины набережной, где собралась публика буржуазная. Лепсиус увидел там Вестингауза, с элегантным саквояжем в руках и моноклем в глазу. Неподалеку от него кудрявая Грэс, теребя своего отца, оглядывалась во все стороны, ища кого-то глазами. Их сопровождали девицы, дамы и кавалеры, в смокингах, с 5-й Аvenues, тщетно пытаясь спрятаться от дождя под парусиновым навесом. Но кучка нарядных нью-йоркцев, отбывающих в Европу проветриться, совершенно терялась среди тысячной толпы рабочих, рокотавшей глухо, как море. Полисмен, робко пробираясь к ней, делал вид, что распоряжается движением, тогда как рабочие перебрасывали его с одного места на другое как мячик.

Лепсиус выбрался из толпы к самому боку «Торпеды», где из кают-компаний высовывались головы мичманов и матросов.

— Ковальковский! — крикнул кто-то. — Пора спускать трап, отдайте распоряжение!

Розовый, как херувим, толстый-претолстый мичман, с губами-шлепанцами, побежал отдавать приказание. Лепсиус оглядел его с ног до головы критическим оком, вынул записную книжку, где стояли три фамилии:

1. Фруктовщик Бэр
2. Профессор Хизертон
3. Мичман Ковальковский

и вычеркнул последнюю из списка.

Между тем, забравшись на якорную цепь «Торпеды», шептались два человека. Один из них был трубочист Том, другой — механик Биск.

— Мик передает тебе, что отсутствие Рокфеллера гораздо подозрительней, чем его присутствие. Мик боится за жизнь Василов. Смотри, Биск, охраняй его собственной шкурой, не щадя себя самого.

— Знаю, — ответил Биск, — а что, собака вернулась?

— Нет, Мик в большом горе. Собака исчезла, должно быть — ее пырнули ножом. Ну, прощай, Биск, посылай вести.

— Прощай, Том, будьте покойны.

Том спрыгнул вниз, на швартовый, повис, раскачался, сделал пируэт и исчез в воде.

Трап спущен; приветствия, пожелания, проводы. Несколько пар острых глаз, принадлежащих людям одной профессии, но, повидимому, служащих разным хозяевам, так как они не знают друг друга, — оглядывали, словно обшаривали, каждого пассажира, поднимавшегося на трап, где проверяли билеты и документы.

— Один.

— Другой.

— Третий.

— Четвертый.

— Пятый.

Нет Рокфеллера, нет ничего похожего на Рокфеллера. Знатная публика прошла, на трап поднимается коммунист Василов. Он бледен от волнения. Буржуазная часть публики награждает его свистом.

Но свист тотчас же поглощается ревом, тысячеголосым ревом толпы, подбрасывающей вверх шапки, платки, кэпи.

— Урра! Василов! Урра, Советская Россия! Езжай, товарищ, кланяйся ребятам, пусть держатся крепко! Да здравствует Ленин!

Рев стал громовым, и к нему присоединился, как бы поддерживая рабочие глотки, могучий свист паровой сирены, треск поднимаемого трапа, звяканье цепей, свист ветра, скрип досок и снастей, — «Торпеда» медленно тронулась в

путь.

Пароход уже отошел в глубину залива, туман уже скрыл тысячи огней, заливших его палубу и кают-компанию, а громовые крики и приветы Ленину все продолжали потрясать набережную, причиняя кое-кому и в Нью-Йорке и на пароходе небезосновательное сердцебиение.

Глава двадцать вторая

ДНЕВНИК БИСКА

19 мая в полдень мы снялись. Я был занят в машинном отделении и часа три не мог выбраться на палубу. День спокойный, событий нет, если не считать странного рассказа некоего матроса Дана, порядочного труса и эпилептика. Он рассказал, будто слышал несколько раз из-под нар, где спят матросы, протяжный нечеловеческий вой. Мы все ходили туда, чтобы его успокоить, но ничего не слышали. Дан ведет себя странно. Сегодня с ним был припадок, он выл, колотился головой о землю, и изо рта его шла пена. Я подумал, что его собственный вой очень мало похож на человеческий.

Получив полуторачасовой отпуск, я бросился на палубу под предлогом проверки электрических проводов. Все в порядке. Палуба напоминает приемную президента в Белом доме, — всюду тропические растения в кадках, ковры, статуи. Пассажиры слушали в 5 часов маленький концерт и пили чай на палубе. Василев не поднимался из каюты. Я спустился в наш проход, открыл глазок и заглянул к нему. Меня удивило, что он делает: он сидел посреди каюты на корточках, держал револьвер в руках и глядел на дверь. Лицо его мне показалось растерянным и напуганным. Я бросил ему в комнату записку:

«У вас есть здесь защитник. Сообщите, чего вы боитесь, и оставьте записку у себя на столе. Будьте наружно спокойней, проводите все время с другими пассажирами».

Он поднял записку, прочитал и вместо ответа сказал шопотом:

— Я прошу того, кто мне бросил записку, зайти в каюту.

Тогда я вынырнул из-под обшивки в коридор и постучал к нему. Он открыл, держа револьвер в руках, осмотрел меня и потом впустил. Я назвал себя и сказал, что еду с ним до самого Кронштадта, чтоб охранять его жизнь. Он улыбнулся и показал мне клочок бумаги, на котором грубыми

буквами и совершенно безграмотно было написано:

«Вы умрете, как только переступите порог своей каюты».

Василов пристально смотрел на меня, пока я читал бумажку, а потом произнес:

— Вы видите, что я окружен слишком уж большими заботами. Один советует мне быть с пассажирами, другой — не выходить из каюты. Чей совет я должен принять во внимание? Откуда я знаю, кто мне враг, а кто друг.

Прежде чем ответить, я еще раз прочел бумажку. Это был грязный лист, вырванный из корабельной кухонной книги. Тот, кто писал, оставил на нем следы жирного большого пальца. Трудно было предположить, что записка исходит из вражеского лагеря.

— Слушайте! — вскричал я, составив план действий. — Возьмите эту записку, идите с ней к штурману и скажите, что вы чувствуете себя встревоженным и хотите быть помещенным или в общую каюту второго класса или в общую палату корабельного лазарета. Это самое умное, что мы можем придумать.

Василов покачал головой.

— Мне все же неприятно выйти за порог этой каюты.

— Бойтесь оставаться в ней! — продолжал я под наитием своих мыслей. — А чтоб вы были спокойны за свою жизнь,— вот.

С этими словами я распахнул дверь, вышел на трап и спокойно произнес, обращаясь к нему, в то время как кончиком глаза отлично видел фалду чьего-то черного сюртука, исчезнувшего за перилами:

— У вас все в порядке, сэр... Должно быть, это внизу сорвана пробка.

Василов вышел вслед за мной, и мы вместе поднялись на палубу. Я старался держаться рядом с ним, чтоб в случае опасности принять беду на свою шкуру. Но ничего ровненько не случилось, — он благополучно добрался до стеклянной будочки, где сидел толстый штурман Ковальковский. Я занялся своими проводами, которые ухитрился предвзительно испортить, и видел, как Ковальковский прочи-

тал протянутую ему записку. Толстое лицо его вспыхнуло от негодования, он несколько раз передернул плечами. Потом встал, и Василев пошел вслед за ним, по направлению лазарета.

Я не мог пойти туда же. Но, чиня провода, я спиной продвигался к трапу, откуда видны были каюты второго класса и служебное отделение. К своему изумлению, я увидел невысокого, совершенно незнакомого мне человека, в длинном черном сюртуке, стоявшего прямо перед каютой Василева. Он был рыжий. Я не удержался от восклицания. В ту же минуту он обернулся и взглянул на меня. Это был невзрачный человек с блуждающими глазами. Они глядели без всякого выражения, точь-в-точь как у рыбы на песке или у горького пьяницы, если продержишь его денька три на чистой водице. Не знаю почему, по телу у меня прошли мурашки. Я вспомнил слова старого Ксаверия.

«Должно быть, это капитан Грегуар» — подумал я и поспешил скрыться с палубы.

Внизу, перед машинным, шли толки о болезни Дана. Португалец Пичегра, мой прямой начальник, набросился на меня:

— Вы бы поменьше шатались, Биск! Беднягу Дана пришлось снести в больницу, он мне теперь ни к чему, а вас велено всю ночь держать без смены, вот извольте-ка поработать.

— Кто велел?

— Приказ вышел и баста! — угрюмо ответил Пичегра. — Не беспокойтесь, если начальству угодно осыпать вас сверхурочными неизвестно за что про что, так уж оно вытянет из вас все соки!

Ворча и ругаясь, он мало-по-малу выболтал мне, что капитан Грегуар лично распорядился назначить меня на ночное дежурство к машинам и что «Торпед» приказано развить рекордную скорость, ввиду полученных по радио сведений о надвигающемся шторме.

— Мы должны перебежать ему дорогу, вот что, — пропыхтел Пичегра за своею вонючей трубкой.

Мне это очень не понравилось, но делать было нечего. Я решил смириться, быть на дежурстве часа два-три, а потом улизнуть под предлогом нездоровья в уборную и попытаться пройти по стене к мисс Тоттер. Донесение для Мика обо всем происходящем лежало у меня в кармане. Итак, я остался, надел свой фартук и очки, потушил трубку и пошел в машинное отделение.

Чугунные звери молча делали свое дело. Они сжимали и разжимали челюсти, жевали сцепившимися зубами мину-ту за минутой, поедая время с ненасытной прожорливостью. Час, другой, третий, — я схватился за живот, закричал и выбежал, мимо кучки рабочих, в темный коридор, откуда мне ничего не стоило пролезть за обшивку, сделать два-три перехода в стене и постучаться к мисс Тоттер.

— Менд-месс! — Ни звука.

— Менд-месс!

Мисс Тоттер не отвечает.

Что за странности? Я заглянул в щель, — мисс Тоттер лежит на полу в позе спящего человека, бумаги ее перерыты, в иллюминатор льется свежий морской воздух, шкафчики мисс Тоттер открыты, и от голубей, знаменитых голубей Мика — и след простыл.

Глава двадцать третья

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА БИСКА

— Биск! Какого чорта вы запропастились? — услышал я голос португальца.

Пришлось вернуться в машинное отделение, не разобрав толком причины сна мисс Тоттер и исчезновения голубей Мика Тингсмастера.

Всю ночь «Торпеда» развивала предельную скорость. Пока пассажиры мирно спали, паровой котел грозил разорваться от напряжения, кочегары носились в топке, как черти, а за стенами летевшей вперед «Торпеды» бился и ревел дьявольский шторм.

К самому утру, когда я уже шатался от усталости, португалец пришел сменить меня, и я побежал в каюту. Зевая, залез я на первые попавшиеся нары, рядом с храпящим матросом, и, не раздеваясь, собрался заснуть.

Как вдруг из-под пола донесся до нас полузаглушенный вой — жуткий и нечеловеческий вой, от которого у меня поднялись дыбом волосы. Я вскочил, смахивая сон. Несколько матросов проснулись и сели, свесив с нар голые ноги. Мы прислушались. Вой повторился опять, и на этот раз он был так пронзителен, так уныл, что многие из матросов в ужасе кинулись друг к дружке и сбились в испуганное стадо.

— Ребята, это воеет мертвая собака капитана! — глухо сказал Ксаверий, и матросы затряслись от страха. Мой сосед кинулся на постель и сунул голову под подушку.

— Молчи, Ксаверий. И без того тошно, — остановил кто-то старика.

— Не буду я молчать, — упрямо шепнул Ксаверий. — Ясное дело, мертвая собака опять завывала. Не иначе, как быть покойнику, ребята; вот помяните мое слово.

— Что за мертвая собака? — вмешался я.

— А это, видишь ли, парень, была у нас на пароходе собачка, еще от прежнего капитана Джексона. Тот ушел, а собаку оставил, но только она невзлюбила рыжего, я разумею

капитана Грегуара. И завела себе удивительный обычай: быть перед покойником. Веришь ли, каждое плавание чуть завоет, уж мы знаем — быть у нас мертвецу. Рыжему сильно это не понравилось, и вот он однажды, проходя мимо собачки, поднял ногу, а собачка возьми да и зарычи. И как поднял он ногу, так и опустил ее прямехонько ей на голову и проломил ей каблуком череп. Силища в этом рыжем бесовская, а не человеческая.

— А она все-таки воет перед покойником, — шопотом вмешался молодой матросик, лязгая зубами от страха.

И точно в подтверждение, нечеловеческий протяжный вой снова донесся до нас из-под самых нар, как будто завывавшее существо, пока мы говорили, передвинулось к нам.

В ужасе кинулись матросы к себе на нары, прыгнул и я под одеяло, не столько от страха, сколько от усталости, и тотчас же заснул мертвым сном.

Я проснулся уже на вторую смену. Утренний гонг изо всех сил дребезжал нам в уши, сзывая к первому завтраку. Матросы повскакали, уступая теплые нары усталым до одури товарищам.

Когда я пошел в умывальную и подставил голову под струю холодной воды, старый Ксаверий улучил минутку и шепнул мне:

— А покойник-таки нашелся. Ведь телеграфистка скончалась в тот самый час, как выла собака.

Я выскочил из-под крана и, не вытираясь, помчался в машинное отделение:

— Пичегра! — крикнул я. — Правда ли, что умерла мисс Тоттер? Отчего она умерла?

— Не ори, — флегматически ответил португалец, — должно быть шторм перепутал беднягу или объелась сверх меры, вот сердце-то и не выдержало. Да и надо сказать, что ей было за сорок, хоть в носила цветные бантики.

Я стал на работу. С этой минуты мне было ясно, что малейшая неосторожность приблизит меня к моей собственной смерти. Первую свободную минуту я употребил на то, чтоб набросать эти странички и приготовить в своем тай-

ничке бутылку. Потом я скользнул в лазарет, куда меня пропустили не без труда. Я пошел навестить Дана.

Несчастный эпилептик лежал без движения, стиснув посиневшие губы. Пришлось повозиться с ним, прежде чем он раскрыл рот.

«Чего хотят от него? Он намерен умереть, и чем скорей, тем лучше. Нельзя жить человеку, видевшему сатану. А он видел, как сатана убил его друга, Дипа... Нет, никого не приводили в лазарет, кроме него. Пассажирская палата рядом; в лазарете общая контора; он непременно узнал бы, если б, кроме него, был еще больной...».

С этими словами Дан замолк и повернул мне спину. Я выжал из несчастного все, что мне было нужно, и с тревогой прошмыгнул на палубу. Значит, Василев не ночевал в госпитале. Я рассердился на него за неосторожность. Почему он не послушался разумного совета?

Наверху, в маленьком салоне, было шумно. Вокруг Ковальковского столпились пассажиры I и II классов, шла речь о смерти телеграфистки.

— Я требую, чтоб была произведена дезинфекция! — надрывалась пожилая дама из каюты № 8.

— Да, помилуйте, ведь она умерла от разрыва сердца.

Человек, проговоривший это веселым голосом, стоял спиной ко мне. Я посмотрел и облегченно вздохнул. Это был Василев собственной особой — живой, веселый, разговорчивый, ничем не напоминавший вчерашнего запуганного пассажира. Он жив, — тяжесть спала у меня с плеч, слава богу! Я хотел подойти к нему, но побоялся попасться на глаза штурману.

Между тем Василев оживленно разговаривал с пассажирами, успокоил ворчливую пожилую даму, поднял крошечный носовой платок, оброненный дочерью сенатора Нотэбита, словом — вел себя как заправский светский человек.

— Вот какие у тебя замашки, — подумал я не без ехидства и, улучив минуту, когда он зашел за кресло с газетой в руках, тронул его за плечо.

— Отчего вы не ночевали в лазарете?

Василев быстро повернулся и посмотрел на меня ост-

рым взглядом.

Ребята! Это был Васильов, это было его лицо, нос, губы, волосы, пиджак, брюки, жилетка, сапоги, это был Васильов, говорю я вам, и это был не он! Это был совсем другой человек, не будь я Биск, шотландец! Я не удержался, я вскрикнул.

— Что с вами? — спросил, улыбаясь, мнимый Васильов, другой Васильов, призрак Васильова, не знаю, как его называть, — но я не ответил, у меня лязгали зубы, я опрометью кинулся вниз, к его каюте.

Мне удалось попасть под обшивку никем не замеченным. Я взглянул в глазок: все было попрежнему в каюте Васильова, даже револьвер лежал на столе и в углу стоял нетронутый саквояж. Сплю я, что ли? Нет ли у меня кошмара? Но, если только не подменили меня самого, тот человек наверняка не был Васильовым, нет и нет!

Я выскочил снова на трап, чтоб пробраться к себе в тайничок. Пробегая по лестнице, я увидел позади себя, в двух шагах, не больше, рыжего человека в сюртуке.

Он спешил за мной, легонько дотрагиваясь до перил тощей и безжизненной рукой с сильно опухшими сочленениями. Я рванулся со всех ног вперед, опередил его шагов на двадцать, завернул за угол и стрелой влетел в узкое отверстие.

Уф! Спасен, хоть на час, да спасен! Я оглянулся, тщательно запер все выходы из моего тайничка, приготовил бумагу, чернила, дописываю дневник. Сейчас я закупориваю это в бутылку и брошу в море, написав на стекле кусочком алмаза

Кто бы ни был тот, кто выудит бутылку из океана, он доставит ее Микаэлю Тингсмастеру. Наших — ребят разбросано по белу свету гораздо больше, чем знаем мы сами.

Я только что собрался сунуть бумагу в бутылку, как слышался звук льющейся воды. Оказывается — наверху открылась щель в два пальца, и оттуда хлынула вода. Я попробовал на язык, — соленая. Ринулся к выходу, — он не раздвинулся. Меня захватили как в мышеловку. Вода наберется часа через два, и я утону. Прячу бумагу в бутылку, закупориваю, стараюсь расширить щель, чтоб выбросить бутылку из каюты. Ребята, вспоминайте шотландца Биска! Предупредите тех, кто едет на «Амелии», что подмен совершился. Остерегайтесь капитана Грегуара!

Менд-месс!

Глава двадцать четвертая

ДОЧЬ СЕНАТОРА

— Милая моя, ты ведешь себя не-при-лично, — сказал сенатор Нотэбит своей дочери Грэс, лежавшей на кушетке, укрепив обе ноги выше головы, на спине отцовского стула.

— Очень может быть, папа, — ответила Грэс, — я ничего не имею против твоих замечаний. Если это тебе нравится, говори сколько угодно,

— Дело не в том, нравится ли это м н е, дочь моя, — внушительно возразил сенатор, — а в том, чтобы ты приняла мои слова во внимание.

— Не считайся со мной, дорогой папочка. Недоставало еще, чтоб мой отец считался с такой глупой девчонкой, как я. Умоляю тебя, делай только то, что тебе нравится.

Сенатор помолчал несколько минут, сбитый с толку. Он, впрочем, был недаром сенатором и недаром посещал официальные и домашние приемы президента. Висморкаться и снова приступить к делу ему ничего не стоило.

— Ты ведешь себя не-при-лично, — начал он опять, — ты не отстаешь от Вестингауза буквально ни на шаг. Я понимаю, если б это было из нежного чувства. Многие браки в Нью-Йорке проистекали от нежного чувства, порожденного качкой на пароходе и другими явлениями гальванического порядка, возможными на Тихом океане. Но в данном случае дело, очевидно, не в нежном чувстве.

— Папа. Как ты можешь говорить мне подобные вещи! — с негодованием воскликнула Грэс, вскочив с кушетки. — Как ты можешь злоупотреблять тем, что я сирота, что у меня нет матери. Ах! — она немедленно разрыдалась, забив ногами об пол и трясая головой с такой силой, точно это была не голова, а спелая яблоня.

— Но что же я такое сказал? — пробормотал смущенный сенатор.

— Ты сказа-ал... ты ска-зал... — рыдала несчастная Грэс. — Ты сказал о гальванических... нет, я не могу повторить.

— Ну, будет, будет, — миролюбиво произнес сенатор, хлопая свою дочь по спине, — я ведь знаю, что ты у меня славная девочка, Грэс, ты у меня хорошая девочка, воспитанная девочка. Не рыдай таким ужасным образом, это повлияет на твои легкие!

— Н-не буду, папа, дорогой, — плакала Грэс, — ах, ты не знаешь, как у меня тяжело на душе, когда вспоминаю, что у меня нет мамы... Мой гардероб, ты знаешь... и шляпки... и никто, никто, никогда!..

Ноги Грэс опять выразили намерение забарабанить по полу. Сенатор был совершенно уничтожен. Он раскис и утер слезу. Он полез в боковой карман за бумажником.

— Полно, полно, Грэс. На континенте мы все это приведем в порядок. Ты увидишь, душечка, что отец тоже имеет значение в таких делах, как гардероб.

— И шляпки! — воскликнула Грэс.

— И шляпки, цыпочка. Поцелуй своего папу. Спрячь в сумочку эту бумажку.

Грэс прикоснулась к отцовской щеке, спрятала бумажку в сумочку и снова свернулась на кушетке калачиком.

Между тем сенатор, удалившись в свою собственную каюту, предался сладким и горделивым мыслям.

— Совсем как покойница мать! — шептал он про себя с чувством. — Такая же кроткая, ласковая, незлопамятная. Приласкаешь ее, утетишь пустячком, и сейчас же все забудет. Ребенок, совершенный ребенок.

Он мирно растянулся на кровати, смежил глаза и заснул.

Между тем Грэс, полежав некоторое время, вскочила, прислушиваясь к храпу своего отца, пригладила кудри и, сунув что-то за широкий шелковый кушак, тихонько выбралась из каюты.

Банкир Вестингауз, похудевший и постаревший, сидел у себя за привинченным к полу столиком, пил виски с содой и лихорадочно просматривал нью-йоркские газеты. Этот старый развратник был выбит из строя. Он испытывал нечто похожее на меланхолию. Он тосковал по таинственной Маске, ушедшей от него в один майский день и больше не

возвратившейся. В каюту постучали.

— Войдите, — пробормотал он рассеянно. Дверь отворилась, кто-то быстрыми шагами вошел в каюту, остановился близехонько от него, и не успел Вестингауз поднять глаз, как навстречу ему устремилось дуло прехорошенького дамского револьвера и женский голос грозно произнес:

— Руки вверх!

Вестингауз за всю свою банкирскую практику не испытывал подобного потрясения. Он хотел было поднять руки, но они тряслись и положительно отказывались оторваться от защитной поверхности стола.

— Руки вверх, старая крыса! Раз, два!..

— Мисс Нотэбит, — взмолился Вестингауз, разглядев, наконец, кудрявого бандита, — я согласен поднять руки, как только они поднимутся. У меня слабое сердце. Опустите эту вредную игрушку вниз.

— И не подумаю, — спокойно ответила Грэс, — я буду держать ее до тех пор, пока не узнаю от вас все, что мне нужно. Негодяй, тиран, деспот, дарданельский турок, куда вы дели Маску? Отвечайте сию минуту, где она, куда вы ее спрятали!

— Поистине, мисс Нотэбит, вы в роковом заблуждении. Я раздавлен, покинут, я брошен, она бежала от меня, я страдаю, а вы задаете мне вопросы, которые я сам готов задавать с револьвером в руках.

— Так я и поверила, — протянула мисс Грэс, — выкладывайте доказательства, старичок!

Вестингауз в бешенстве прикусил губу. Он схватил со стола газеты, целый ворох газет, и швырнул их в лицо мисс Нотэбит.

— Читайте! — простонал он с отчаянием.

Грэс подобрала газеты одной рукой, держа другую с револьвером на уровне банкирского носа. Она тотчас же увидела несколько объявлений, подчеркнутых красным карандашом:

«Банкир Вестингауз умоляет Виви вернуться, обещая за это все свое состояние».

«Банкир Вестингауз предлагает Виви, в случае ее возвращения к нему, законный брак».

«Банкир Вестингауз просит Виви зайти к нему только на одну минуту, чтоб получить брильянтовое кольцо...»

— Гм! — произнесла Грэс недоверчиво, прочитав все эти объявления. — Но тогда чего ради вы поехали в Европу?

— Я собираюсь сделать себе прививку Штейнаха, — пробормотал Вестингауз, закашлявшись.

Грэс окинула его презрительным взглядом и надула губки:

— И этому человеку, — произнесла она уничтожающим тоном, — этому человеку принадлежала самая красивая женщина в мире. И я считала его деспотом! Фи!

Она хотела попятиться к дверям, все не опуская своего револьвера, как вдруг глаза ее упали на другое объявление в последнем номере нью-йоркской газеты, только что сброшенном на «Торпеду» воздушной почтой. Там извещалось о скромном торжестве, состоявшемся в особняке Рокфеллеров на Риверсайд-Драйв: в тесном кругу своих близких, по случаю траура, была отпразднована помолвка мистера Артура Рокфеллера с мисс Клэр Вессон.

Она раздраженно взмахнула револьвером, как если б он был хлыстом, свистнула по-мальчишески и выбежала из каюты, оставив потрясенного мистера Вестингауза с поднятыми к небу обеими руками именно в ту минуту, когда в этом не было ни малейшей необходимости.

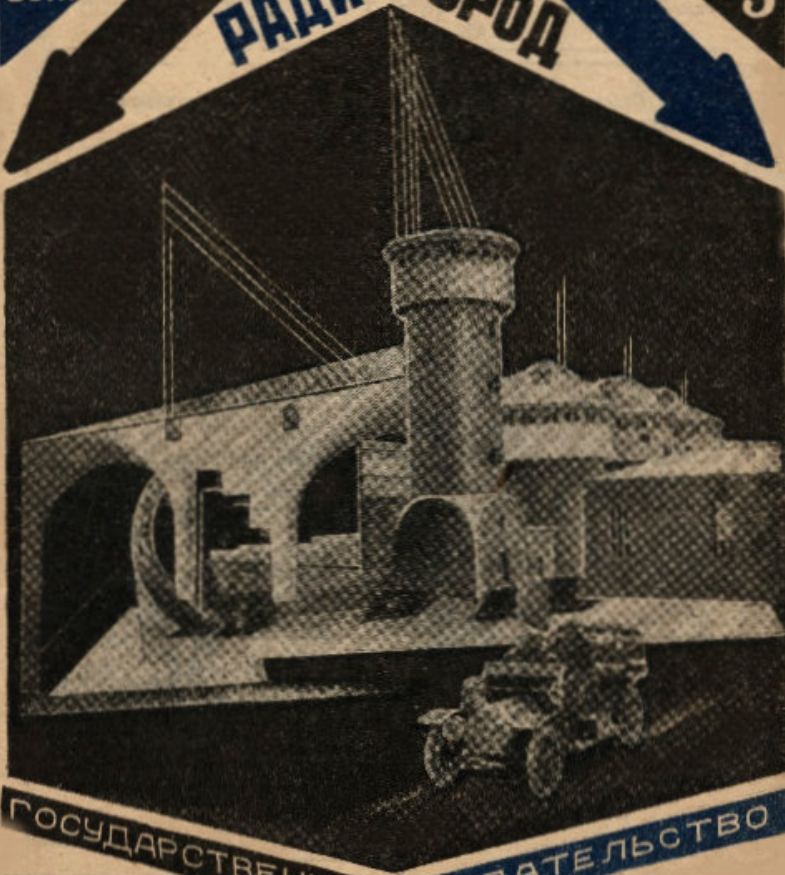
ДЖИМ ДОЛЛАР

МЕСС МЕНД

ВЫП

РАДИО-ГОРОД

5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924

Глава двадцать пятая

ЧАСТЬЮ НА СУШЕ, А ЧАСТЬЮ НА ВОДЕ

— Клэр женилась на этой телятине, Артуре! — гневно сказала себе мисс Нотэбит, бросая револьвер на стол. — Она все-таки женилась на нем, глупая девочка!

— Артур обручился с этой рыжей Клэр! — изумленно сказал себе доктор Лепсиус, вытаращив две пары глаз, считая очковые и свои собственные, на лежавший перед ним утренний выпуск газеты. — Просто невероятно. Артур, жено-ненавистник, убежденный холостяк, собиравшийся уничтожить всех женщин в мире, ненавидевший мистрисс Вессон и эту усатую красавицу, он обручился с Клэр. Тоби! Тоби!

Мулат с разинутым ртом безмолвно вынырнул возле докторского кресла.

— Тоби. Ущипни меня. Ай, я не сплю! Тоби, день это или ночь? Я это или не я?

Мулат хлопал глазами, молчаливо пуская слюну,

— А, дуррак! — выругался доктор, ударив его палкой по ногам. — Теперь я вижу, по крайней мере, что ты — это ты. Пошел вон!

Тоби исчез так же безмолвно, как и появился. Доктор Лепсиус снова прочел объявление, и в ту же минуту на лбу его появилась грозная складка.

— Ага, — сказал он себе, — ага! «В тесном кругу своих близких...» С каких это пор, любезные друзья, вы извергаете доктора Лепсиуса из числа своих близких! Помолвка — и меня не приглашают. Помолвка — и я лишний человек. Помолвка — и доктор Лепсиус забыт, как будто о нем можно помнить только при гриппе, катаре, запоре. Погодите же!

Три ступеньки, ведущие ему под нос, развалились в разные стороны, — признак крайнего расстройства доктора Лепсиуса. Он вскочил с необычайной для себя ловкостью, накинул смокинг, взял шляпу и палку и тотчас же вышел из дому. По дороге он купил цветы. И с ядовитой улыбкой на устах, с букетом цветов в руках, доктор Лепсиус энергич-

но звонил спустя двадцать минут в парадные двери рокфеллеровского особняка.

— Нет дома, — ответил дворецкий.

— Знаю, знаю, Томас Биндшток. Я надеюсь, ты помнишь, как я вылечил тебя от жабы? — с этими словами Лепсиус прошел мимо дворецкого и поднялся наверх.

— Нет дома, — сказал лакей.

— Отлично знаю, Питер, а ну-ка покажи, все ли еще у тебя каплет из уха? — И доктор Лепсиус заглянул в ухо Питера, где давно уже не производилось никакой разгрузки, бросил Питеру шляпу и палку и решительно отворил дверь в гостиную.

На мягком диване, уютно подобрав ноги, сидела мистрисс Элизабет Рокфеллер и вышивала шелком по атласу. Прямо против нее на кушетке полулежала мисс Клэр Вессон и ничего не делала. Увидев доктора Лепсиуса, обе вскочили с места и вскрикнули.

— Позвольте мне на правах старого, хотя и забытого друга! — галантно произнес доктор, протягивая цветы. — Я счастлив, что милые моему сердцу люди соединились в еще более тесную семью. А где же Артур? Позвольте мне прижать его к сердцу.

Мистрисс Рокфеллер обменялась с дочерью быстрым взглядом.

— Спасибо, доктор, — произнесла она в некотором смущении. — Артура вы, к сожалению, не увидите. Он болен, сильно болен, и мы решительно никого не принимаем.

— Артур болен! — вскрикнул Лепсиус. — Ведите меня к нему. — С этими словами он вытащил из кармана слуховую трубку и прочие профессиональные орудия.

— Да, то есть он... он совсем по-другому болен, — окончательно смутилась мистрисс Рокфеллер.

— Он болен не по вашей специальности, доктор, — вмешалась Клэр мужским басом, — его лечит доктор Бентровато.

Лепсиус остановился, не веря своим ушам. Он пожевал губами, сляясь выговорить хоть слово, посмотрел на мистрисс Элизабет Рокфеллер, посмотрел на мисс Клэр Вессон

и, повернувшись, резкими шагами направился вон из этого дома.

Питер протянул ему шляпу и палку и шепнул ему на ухо с таинственным видом:

— Мистер Лепсиус, спуститесь в людскую. Полли хочет поговорить с вами. Скверное это дело, сэр!

По телу доктора прошел как бы электрический ток. Он подпрыгнул и ударил себя в лоб. Он сардонически искривил губы. И, ни о чем не расспрашивая Питера, бегом спустился в людскую.

Негритянка Полли давно собиралась умереть. Но по ее мрачному виду было ясно, что земные дела упорно мешали ей в этом намерении, и она со дня-на-день, скрепя сердце, откладывала день смерти.

Увидев доктора Лепсиуса, она выслала всех из людской, схватила его черной высохшей рукой за плечо и зашептала, мрачно сверкая глазами:

— Масса Лепсиус не послушал меня. Старая Полли много знает! Старая Полли имеет камень Гоихуакангу. Она сразу узнала, что в гробе мастера Еремии лежит не мастер Еремия. Она сказала тебе: масса Лепсиус, прикажи открыть гроб. И вот они украли гроб, они его спрятали от всех глаз и от глаз камня Гоихуакангу. Теперь слушай меня, масса Лепсиус, много слушай. Мастер Артур женится на желтолицей ведьме, хорошо. Но кто видел мастера Артура? И кто был на свадьбе? Никто, никто, никто! Был один немец и один русский, и был один француз, и был священник, которого никто не знает, и не было ни одного слуги, ни одного доброго негра, не было Полли, не было массы Лепсиуса. И вот уже три дня, как никто не видит мастера Артура, никто, никто, никто!

Проговорив все это, старая Полли закатила глаза, захрипела, забилась и умерла. Доктор Лепсиус выслушал предсмертный монолог Полли не моргнув глазом. Он позвал слуг, вошедших в людскую трясаясь от страха, велел им молчать обо всем, что они слышали от Полли, и быстро уехал к себе домой.

Здесь он ходил некоторое время взад и вперед, против своего обыкновения не вызывая Тоби и не обнаруживая никаких признаков гнева. Потом сел за стол, придвинул к себе бумагу и написал:

«Главному прокурору штата Иллинойс.

*От доктора Лепсиуса, кавалера
ордена Белого знамени, почетного
члена Бостонского университета.*

Высокочтимый господин прокурор!

Не так давно в газетах было напечатано, что вы являетесь национальной американской гордостью по части раскрытия таинственных преступлений. В заметке было сказано, что Нат Пинкертон, Ник Картер и Шерлок Холме являются перед вами не чем иным, как простыми трубочистами. Я зываю к вам о помощи в одном чрезвычайно странном деле. Вы слышали, что в Пултуске был убит Еремия Рокфеллер. Есть основание думать, что он был убит отнюдь не теми лицами, кого обвиняют официально. В настоящее время исчез Артур Рокфеллер, его сын, хотя домашние скрывают его исчезновение. Во имя справедливости и для спасения жизни молодого человека займитесь этим загадочным делом.

Честь имею, высокочтимый и т. д., и т. д., и т. д.»

Написав это письмо, доктор Лепсиус запечатал его, наклеил марку и позвал Тоби:

— Тоби, — сказал он внушительно, — дай это письмо мисс Смоуль и прикажи ей немедленно бросить его в почтовый ящик.

Тоби схватил письмо и опрометью помчался в верхний этаж, где урожденная мисс Смоуль, засучив рукава, гладила белье своего мужа, Натаниэля, пришедшего к ней на полчаса. Когда уют ставился на печь, молодожены занима-

лись поцелуями.

— Мисс Смоулль! — заорал Тоби. — Берите письмо и бросьте его в почтовый ящик.

— Я тебе не мисс Смоулль, желтый болван! Двадцать раз в день говорю тебе: мистрисс Эпидерм, мистрисс Натаниэль Эпидерм!

— Да чем же я виноват, если сам масса Лепсиус! — прохныкал Тоби.

Мистрисс Эпидерм величественно взяла письмо и взмахнула им в воздухе.

— Вот что я тебе скажу, Тоби, мулат. Если твой хозяин на старости лет приревновал меня или хочет подыграться ко мне, или затеял другую какую насмешку, — знай, обещьяна, я не из таковских! Я слышу все, что говорится мне в лицо и за глаза, благодарение берлинскому наушнику. Вот тебе! Вот твоему барину!

Раз, два — письмо полетело в открытое окно, прямо на улицу. Натаниэль радостно захихикал. Тоби вскрикнул и бросился вниз подобрать злополучное письмо, — но увы, сколько он ни искал на тротуаре и на мостовой, его нигде не оказалось. Можно смело положиться на Тоби, — он не расскажет об этом своему барину ни на яву, ни во сне.

Что же касается читателя, то он в праве узнать, что письмо упало прямо на воз с премированными кроликами, торжественно отправлявшимися домой с нью-йоркской выставки по животноводству.

Глава двадцать шестая

ЦЕЛИКОМ НА СУШЕ

Солнце зажаривает над Миддльтоуном, птицы поют, деревья распустились, словом — природа подогнала себя под календарь почти в самую точку, хотя, надо сознаться, старухе это с каждым годом становится все труднее и труднее.

Мастерская деревообделочного завода залита полным светом. Веселый гигант, Микаэль Тингсмастер, в переднике и с трубкой в зубах, знай себе работает да работает рубанком, стряхивая с лица капли пота. Белокурые волосы слиплись на лбу, фартук раздувается, как парус, стружки взлетают, свистя, во все стороны. Хорошая, гладкая штучка выходит из рук Микаэля Тингсмастера, весело подмигивает она двумя глазками:

Мик поднял ее на свет, полюбовался, вынул трубку и запел вполголоса, глядя на свою штучку:

Клеим, стругаем, точим,
Вам женихов пророчим, —
Дочери рук рабочих,
Вещи-красотки!

Сядьте в кварталы вражды,
Станьте в дома на страже.
Банки и бельэтажи —
Ваши высоты.

Кто не знает песенки Тингсмастера? Один за другим к Мику сошлись рабочие, улыбаясь и подтягивая.

— Ну, как дела, Мик? Как подвигается кресслингова затея?

Тингсмастер поднял вверх великолепный квадратный ящик, сделанный из драгоценного эбенового дерева.

— Вот оно как, ребята, — сказал он с улыбкой, — осталось только украсить его резьбой да передать на оптический завод, где уже все смастерил техник Сорроу. Вставят, вправят, — и готова штука!

— Ловко! — захохотали рабочие. — А химики знают?

— И химики сделают свое дело. Дочь не пойдет против отца, никогда не пойдет, так и знайте, ребята.

— А секрет-то тебе известен, Мик?

— Не приставайте, не скажу. Да и не нашего это ума дело, братцы. Техник Сорроу намудрил, чуть ли не по-латыни.

Рабочие схватились за живот, надрываясь от хохота. А Мик, как ни в чем не бывало, смахнул с фартука стружки, надел картуз и пошел к себе домой скоротать полчаса, ассигнованных Джеком Кресслингом на обеденную передышку.

Скучно стало в маленьком домике Тингсмастера без верной Бьюти. Стряпуха поставила на стол тарелку с салатом и мясную похлебку, нацедила Мику жидкого пива и села с ним есть. Молча и торопливо окунали они ложки в тарелку, как вдруг задребезжало чердачное окно.

— Голубь! — воскликнул Мик и, бросив ложку, помчался на чердак. В самом деле, в окно бился почтовый голубь Мика.

Распахнув окно, он поймал голубя, погладил и опустил пальцы в мешечек на его шее.

— Странно! — пробормотал он, спуская голубя с пальца. — Никакой записочки ни от Биска, ни от мисс Тоттер.

Не успел он сказать это, как в чердачное окно влетели, один за другим, еще девять почтовых голубей и опустились с ласковым воркованием к нему на плечи и на голову. Голуби были живы и здоровы, мешечки у них на шее в полном порядке, но ни один из них не принес Мику письма.

— Несчастье! — воскликнул Мик. Он посадил голубей на

их жердочки, насыпал им корму, налил воды и бросился бегом на ближайшую радиостанцию.

— Менд-месс!

— Месс-менд. В чем дело, Мик? — отрывисто спросил дежурный, возившийся над приемом депеши.

— Пошлите радио на «Амелию», дружище.

— Можно. Кому?

— Технику Сорроу. Передайте так: «Вестей нет, предполагаю несчастье, берегитесь Кронштадте подмена».

— Будет исполнено, Мик. Крупная игра, а?

— На человеческую жизнь, — ответил Мик, приложил к картузу два пальца и опрометью помчался на завод.

Стряпуха аккуратно доела свою порцию похлебки и взглянула в окошко, не идет ли Мик. Потом вздохнула, почесала в ухе и честно разделила оставшуюся похлебку на две части, съев свою часть и облизав ложку.

— Мы люди бедные, но справедливые, — шептала она себе под нос, выйдя за дверь и поджидая Мика, — сейчас он, голубчик, вернется и съест свою долю, ровнешенько половину.

Однакоже Мик не шел и теперь. Вздохнув еще громче, стряпуха опять поделила остаток на две равные части и съела свою долю, не забрав ни капельки у соседа. Так она делила и ела вплоть до сумерек, пока, наконец, на долю Мика не осталась одна деревянная ложка. Вздохнув, стряпуха убрала посуду и залегла малость вздремнуть.

А Тингсмастер вынул из-за пазухи горячую хлебную краюху и, разжевывая ее на ходу, нес изготовленный им ларец к себе домой, чтоб здесь выполнить для Кресслинга диковинную сверхурочную работу: покрыть драгоценное дерево тончайшей резьбой, вызвать к жизни сотню-другую лапчатых птиц, охотничьих собак, лисиц, зайчат, добрых коней и охотников на конях, в длинных шляпах с перьями, в развевающихся плащах, в соколиных перчатках. А вокруг зверья и людей выточить тропку, обсадить ее листьями папоротника, ивой, тополем, дубом, поставить в сторонке избушку, словом — навести таких чудес, таких тонких штук, чтобы каждый любовался и похваливал. В уголку же проставить

невидимо для смертного глаза две крохотных буквы, чтоб свой брат, рабочий, поглядев сквозь лупу, сказал:

— Кто не угадает хитреца Тингсмастера? Кто, кроме него, еще может выдумать подобную штучку?!

Мик засветил лампу, заработал тончайшей иглой и замурлыкал свою песенку:

На кулачьих кадушках,
Генераловых пушках,
Драгоценных игрушках —
Всюду наше клеймо.

За мозоли отцовы,
За нужду да оковы,
Мстит без лишнего слова —
Созданье само!

Глава двадцать седьмая

«АМЕЛИЯ» ИДЕТ ПОЛНЫМ ХОДОМ

Красивая молодая дама под вуалью, записанная в книге под именем Кати Ивановны Василовой, произвела сильное впечатление на мужскую половину «Амелии».

Капитан Мак-Кинлэй, ирландец, набил трубку лучшим сортом табака. Штурман, ходивший с обвислыми панталонами, подтянул штрипки. А мистер Пэль, тот самый мистер Пэль, который возил индо-китайцам водопроводные трубы, кафрам — спирт и Библию, новозеландцам — спирт, Библию и бусы, зулусам — Библию, бусы и нашатырь, русским — маис в сухом виде, маис в перемолотом виде, маис в тертом виде, маис в виде риса и маис в виде сахара, отчего один из его сотрудников сострил не без грации — «вот вам Ага-Massacre»¹, — этот самый мистер Пэль, тонкий, изящный и рыжеватый, внезапно стал разговорчивым, как русский эмигрант.

Одетый в парусиновый костюм песочного цвета, чисто выбритый за исключением шеи, где было отпущено ровно столько рыжих волос, сколько нужно для соблюдения стиля «янки», мистер Пэль большую часть времени проводил на палубе, грызя золотой набалдашник своей трости. Стоило показаться где-нибудь мистрисс Василовой, как уже мистер Пэль вынимал изо рта набалдашник и, дотрагиваясь кончиком трости до стоявших вокруг него бочек, ящиков и мешков, называл их содержимое, число кило, себестоимость кило, прибавочную ценность кило, процент обвешивания, процент обмеривания, процент увлажнения по пути следования и, наконец, процент своей собственной выручки, считая по общей сумме голов подкормленного русского народа. Мистер Пэль называл свою речь публичной лек-

¹ Игра слов, основанная на созвучности maize (маис) и sugar (сахар) с massacre (смертоубийство). *Примечание редактора.*

цией. С чисто-американской выдержкой он повторил ее несколько раз, покуда не заметил, что мистрисс Василова, остановившись поблизости, прислушивается к его словам. Мистер Пэль тотчас же снял шляпу и поклонился. Молодая женщина подняла на него большие глаза цвета фиалки:

— Простите, сэр, но вы, кажется, знаток русского народа? — спросила она с очаровательным смущением.

— О! — ответил мистер Пэль обещающим голосом.

— Так не можете ли вы... (робкий взгляд и улыбка). Не можете ли вы (фиалковые глаза устремляются вниз, на кончик крохотного башмачка) ознакомить меня с общеупотребительными русскими выражениями?

— С величайшей готовностью, — воскликнул мистер Пэль, облокотившись на ящик маиса и вынув записную книжку, — вот, для первой ориентации в русском городе... вы входите в ресторан, вы спрашиваете национальные блюда... Позвольте, я прочту, — и мистер Пэль прочел по складам: «вши, касса, плин, яичники...»

— Нет, нет, — прервала его мистрисс Василова с легким вздохом, — я хотела бы знать совсем другие слова и, если можно, попросить вас записать мне их английскими буквами. Например, — слово «муж», потом слово «будьте осторожны»...

— О-о! — кисло улыбнулся американец. — Очень опасный подбор слов. Муж по-русски — это «муш» или ласкательно «мушка», а ваше предостережение надо произнести так: «будь ты острожник».

— Спасибо, — мило произнесла молодая женщина, записывая себе в книжечку эти слова, — сэр, я — русская по происхождению, но совершенно забыла родной язык. Особенно после морской болезни... Такая странная болезнь, отняла память событий, лиц, хронологии...

— Разве вы страдаете морской болезнью?

— По ночам у себя в каюте, — смутившись, произнесла мистрисс Василова и удалилась, обласкав мистера Пэля очаровательным поклоном.

Она не прошла и десяти шагов, как из маисовой кадки слева раздалось какое-то странное кряхтение. Вздрогнув, она

отшатнулась направо, но из стоявшего там ящика с маисом послышалось совершенно явственное сопение. Испуганная красавица побежала прямо на груды мешков, как вдруг до ушей ее долетел тяжелый и сдавленный вздох, и один из мешков несомненно зашевелился. Это было уж слишком для ее чувствительных нервов. Она закрыла лицо руками и помчалась по трапу вниз, к себе в каюту.

У мистрисс Василовой очень элегантная каюта первого класса. Для такой старой и маленькой развалины, как пароход «Амелия», рассчитывающей больше на груз, нежели на пассажиров, — это очень миленькая каюта. Мягкая мебель ввинчена в пол, зеркало и вешалка привинчены к стенам, всюду ковры, коврики и занавески. Мнимая Катя Ивановна бросилась на кушетку, вытянула ножки и закинула обе руки за голову. Каштановые локоны, выбившиеся из прически, мягкими прядями свесились вдоль ее свежих, бледных щек, фиалковые глаза потемнели, губы страдальчески сжались.

Катя Ивановна, Вивиан Ортон то ж, думала о том, что ее ждет в Кронштадте. Она ехала в сумасшедшую страну, которую Тингсмастер называл великой. Она ехала к народу, который Тингсмастер называл гениальным. Но ни та, ни другой не занимали ее мыслей. Она думала о человеке, с которым должна была встретиться в Кронштадте. Если это Василев, она подойдет к нему и скажет «будь ты острожник», а если это Артур Рокфеллер, ей придется сказать ему нежным голосом «мушка» и начать страшную комедию, — бог даст, последнюю комедию в ее жизни...

Вивиан устало опустила ресницы. Она больна ненавистью, убивающей ее лучше всякого яда. Но у нее есть и яд, настоящий яд, действующий как молния, спрятанный в механизме ее маленьких золотых часиков. Вивиан не хотела бы убить им Рокфеллера, этот яд она прячет для себя. Вивиан проследит за всеми тайнами своего врага, прочтет его мысли, узнает его планы и сгноит его на дне самой страшной тюрьмы в течение часов, недель, месяцев, лет...

Ресницы ее хищно вздрогнули, и у прелестного рта легла жестокая складка.

Стук в дверь. Вивиан вскочила, и лицо ее приняло прежнее наивное выражение.

— Кто там?

В каюту просунулась голова небольшого человечка. Это был техник Сорроу. Он тотчас же вошел, заложив руки за спину, и шепнул тревожным тоном:

— Дорогая мисс Ортон, мы приняли радио из Нью-Йорка... От Микаэля Тингсмастера...

— И что же?

— Готовьтесь к худшему, мисс Ортон. Мик предполагает несчастье. Он думает, что Василев убит и заменен... Кем — не знаю. По всей вероятности — Рокфеллером, согласно плану заговорщиков.

Вивиан ничего не ответила. Руки ее судорожно сжались в кулаки.

— Еще одно, дорогая моя мисс, — «Амелия» сильно запаздывает. Мы только завтра придем в Кронштадт. И одновременно с нами придет «Торпеда». Мы снеслись по радио и узнали, что она развила предельную скорость. Она выиграла два дня.

— Хорошо, — медленно ответила Вивиан, — не бойтесь, друг Сорроу. Я помню все ваши наставления, я знаю свой долг, и я его исполню.

Глава двадцать восьмая

АРТУР РОКФЕЛЛЕР ЛИЦОМ К ЧИТАТЕЛЮ

Мы оставили «Торпеду» в ту злополучную минуту, когда Биск, матросы, бедняга Дан, сам португалец Пичегра, мнимый Василов, дочь сенатора и даже банкир Вестингауз были объаты ужасом, впрочем далеко не от одной и той же причины. Оставляя в стороне психологический анализ, я должен вкратце назвать эти причины:

Вестингауз был в ужасе, потому что испугался дочери сенатора.

Дочь сенатора была в ужасе, потому что последняя ее надежда найти Маску исчезла.

Биск был в ужасе, потому что погибал.

Матросы были в ужасе от нового пронзительного воя под палубой, предвещавшего еще одного покойника.

Португалец Пичегра ужаснулся не столько исчезновению Биска, сколько количеству работы, выпавшей отныне на его долю.

Ужас бедняги Дана установился раз навсегда от лицемерия сатаны.

Что касается ужаса мнимого Василова, то об нем нельзя сказать в двух словах, и спокойное течение этой главы, я полагаю, подготовит читателя в достаточной мере к его восприятию.

Мистер Артур Рокфеллер, так как это был он, целиком и безусловно отдался на волю Центрального комитета фашистов. Жизнь перестала интересовать его. Он решил стать орудием мести, не больше. Он ни о чем не спрашивал, и ему никто ничего не говорил, кроме сухих предписаний: сделать то-то и то-то.

Он терпеливо сидел, спрятанный в узкую черную каюту, откуда не было, казалось, никакого выхода. Стена раздвигалась и выбрасывала ему на подвижном подносе питье и еду; когда же «Торпеда» была уже на расстоянии дневного пути от Нью-Йорка, тот же поднос последовательно выб-

росил ему сапоги, брюки, жилетку, пиджак, воротничок, галстук, запонки, манжеты и прочие предметы, снятые с несчастного Василова и еще теплые от его тела.

Когда Рокфеллер надел все это на себя, стенное отверстие бесшумно раздвинулось ввысь человеческого роста, и в комнату вошел невысокий человек в маске и монашеском капюшоне. Он знаком показал Рокфеллеру, чтобы тот сел перед зеркалом, вынул множество баночек и флакончиков и рукой в черной перчатке ловко загримировал его под Василова. Надо, впрочем, сказать, что это вовсе не было трудно, так как молодой Рокфеллер и русский коммунист были удивительно похожи друг на друга, — обстоятельство, предусмотренное фашистами заранее. Итак, черная рука наложила легкий грим, указала Артуру, как это делать без помощи, и фигура безмолвно исчезла туда, откуда появилась.

В ту же минуту в отверстие раздался сухой голос, показавшийся Рокфеллеру удивительно знакомым:

— Настало время вашего выступления, мистер Рокфелле. Отныне вы — русский коммунист Василев. Вы не знаете русского языка. Вас встретят, вам отведут комнату на Мойка-стрит, 81. У себя под подушкой вы будете ежедневно находить наши инструкции. Под тюфяком лежит миллион долларов на ваши расходы. Люди, с правой рукой в черной перчатке, будут навещать вас и передавать различные предметы. Ваша основная задача — укрепиться на главнейшем из русских металлургических заводов, чтоб взорвать его, подготовив одновременно взрывы в других производственных русских пунктах, и войти в доверие вожак коммунизма, чтоб подготовить их массовое уничтожение в день Октябрьской годовщины. Держите себя тактично. Играйте свою роль талантливо. Комитет облакает вас своим доверием.

С этими словами голос замолк, и отверстие стены за-двинулось.

Артур Рокфеллер еще не пришел в себя от всего услышанного, как пол под ним медленно заколыхался и стал опускаться с ним вместе. Через минуту движение прекрати-

лось, наверху раздался сухой треск. Артур оглянулся и увидел себя в каюте Василова, где все стояло в прежнем порядке. Дверь каюты была полуоткрыта.

Рокфеллер запер ее на ключ, подошел к зеркалу и оглянул себя с ног до головы. Потом он сунул руки в карманы, достал все документы Василова и принялся внимательно их изучать. Все было в порядке — вот партийная книжка, полицейское удостоверение, письма и рекомендации от нью-йоркских коммунистов. Вот конверты, адресованные главарям русской революции. Вот письмо из Петрограда, где он, Антон Василев, приглашается главным инженером на Путиловский завод. А вот — что это такое, чорт возьми?!

Рокфеллер держал в руках смятый клочок бумаги, с выцарапанными на нем карандашом безграмотными буквами. Когда, наконец, он разобрал его содержание, из груди мнимого Василова вырвался гневный вопль. Да что же это такое, будь оно проклято! Эй, кто-нибудь, сюда, сюда! Господа фашисты, синьор Чиче, принц, виконт!..

Артур Рокфеллер, как бешеный, колотил в стену кулаками, но никто не отзывался, и ни одна щель не раскрылась. Все было тихо, за окном клокотал шторм. Рокфеллер с ужасом опустился в кресло.

Он был подготовлен ко всему, но не к этому. Он готов был двадцать раз пожертвовать своей жизнью, чтоб стереть с лица земли мерзких людей, убивших его отца. Но иметь жену... Иметь упрямую и безграмотную жену по имени Катя Ивановна, из упрямства поехавшую на другом пароходе и поджидающую его в Кронштадте!.. Артуру Рокфеллеру, величайшему женоненавистнику, было невозможно совладать с охватившим его ужасом.

Долго он сидел, как пригвожденный. Но мало-по-малу мысли его прояснились.

В конце концов, фашисты знают, что делают, и, быть может, эта самая Катя Ивановна нужна ему как помощница... Кроме того — Рокфеллер заглянул в иллюминатор — шторм и не думает утихать, он подбрасывает «Торпеду», как щепку. Разве нет надежды, что старая дырявая «Амелия» разлетится от его напора вдребезги прежде, чем дой-

дет до Кронштадта? И, наконец, Артур Рокфеллер имеет право отстоять свою свободу. Он... ага! Вот блестящая идея. Он перенес тяжкую морскую болезнь, разрушившую его душевное спокойствие. Он должен отдохнуть, он не в силах исполнять своих супружеских обязанностей, он потерял память на многие вещи, имена, события в прошлом. Ему следует держаться независимо и раздражительно. Он не даст ей раскрыть рта, чорт побери... Все-таки лучше уж фиктивная жена, чем настоящая, если судьбе угодно сделать его женатым человеком...

Несмотря на этот поток благоразумных мыслей, Артур Рокфеллер чувствовал себя далеко не спокойно. В продолжение всего путешествия он много раз пытался вступить в сношение с таинственными людьми, управлявшими его судьбой. Он несколько раз в день спрашивал капитана Греггара, но ни капитан, ни фашисты не подавали никаких признаков жизни. Его предоставили самому себе.

Шторм утих, «Торпеда» медленно вошла в Финский залив, оставив почти всех путешественников в Гамбурге и Штеттине.

Мнимый Василев стоял на палубе парохода, нервно разглядывая в бинокль наплывающие очертания Кронштадта. Погода была холодная, дул резкий северо-восточный ветер.

Штурман Ковальковский бегал по палубе с сердитым лицом. Чорт побери эту страну! Очень нужно ехать в порт, где вы не найдете ни одного порядочного человека и где во главе государства стоят рабочие.

Между тем в топке, в машинном отделении, в кухне, в рулевой будке тоже царило возбуждение, и чем дальше по двигался пароход, тем оно становилось сильнее и сильнее.

— Да уж я вам доложу, братцы, — ораторствовал Ксаверий, бледный от волнения, — вот мы с вами тут сидим, обливаемся седьмым потом, и эта собака штурман, не говоря уж о рыжем, может дать вам кулаком в зубы, а там, ребята, ого-го-го! Там наш брат — первый человек. Там сам адмирал из простых матросов и ходит себе в обнимку с кочегаром, вот оно как!..

— А на заводах-то рабочие — директорами! — вырвалось у португальца Пичегры сквозь стиснутые зубы.

— Работать, сволочь! Я вас! — завизжал сверху голос Ковальковского, — И чтоб ни один из вас носу не казал на берег, поняли?

Матросы, порча, разбрелись по своим местам.

Кронштадт. Безлюдный рейд прошел перед биноклем Артура (будем называть его отныне Василовым). «Торпеда» подвигалась и подвигалась. В туманном северном небе, как призраки, высились далекие башни, пики и купола Петрограда.

Вот они стали. Сброшен трап. Штурман Ковальковский со злобным лицом указывает Василову на выход. Пароход кажется мертвым, нигде ни живой души. Но когда Василов, с чемоданом в руке, спустился вниз в обществе красивого русского красноармейца и двух таможенников, матросы «Торпеды» не вытерпели: они высыпали гурьбой на палубу, с Ксаверием во главе, и заорали все, сколько их было, — американцы, немцы, итальянцы, португальцы, французы, абиссинцы, англичане, швейцарцы, ямайцы:

— Урра! All'right, русские товарищи!

— Здорово, ребята! — крикнул красноармеец, обернувшись. — Кланяйтесь американским рабочим.

Обе стороны почувствовали прилив энтузиазма, хотя слова, произнесенные ими, были непонятны и той и другой. Штурман Ковальковский, как лев на засады, прыгнул в гущу своих матросов.

Тем временем к Василову подошло несколько молодых людей в военной форме, поздоровавшихся с ним на чистом английском языке и отрекомендовавшихся ему как его будущие партийные товарищи. Один из них вежливо вывел кого-то из-за сваленных в кучу бочонков и сказал:

— Ваша жена дожидается вас с утра, товарищ Василов.

Несчастный Василов вздрогнул, похолодел, поднял глаза и...

Глава двадцать девятая

ЯНКИ В ПЕТРОГРАДЕ

Вместо вздорной и упрямой женщины, преисполненной всех пороков, перед Васильевым стояла красавица. Она взглянула на него, запнулась и протянула ему ледяные пальчики.

Люди в военных фуражках довели их до автомобиля, усадили, один вскочил рядом с шофером, другие приветственно подняли руки, и автомобиль помчался по Петрограду.

Васильев растерянно наблюдал за своей женой. Он с наслаждением уцепился бы мыслью за какой-нибудь из ее изъянов, чтобы расшевелить свою ненависть. Но Катя Ивановна была возмутительно хороша собой, возмутительно совершенна. Каждое движение ее было полно грации, голос походил на мурлыканье флейты; она не говорила и не делала ничего неуместного, ничего такого, что оправдало бы его презрение.

Между тем вокруг них летели величественные улицы Петрограда. Они ничуть не походили на фотографии в уличных нью-йоркских листках. Дома-дворцы стояли рядами, отражаясь в зеленой воде каналов. Тысячи автомобилей и мотоциклетов сновали взад и вперед, по каналам бежали моторные лодочки, магазины были открыты, витрины полны товаров, и пешеходы сновали мимо них с ужасающей быстротой. Не успели Васильев с женой отвести глаза друг от друга, как уже заметили эту несообразность, и оба воскликнули, обращаясь к своему спутнику:

— Дорогой сэр... то есть товарищ!

Человек в военной куртке весело улыбнулся:

— Меня зовут Евгений Барфус, я профессор шагистики нашего Первого университета практической экономики.

— Товарищ Барфус, почему эти люди так быстро шагают?

— Вопрос по моей специальности! — ответил Барфус. —

Мы бы давно погибли, дорогие товарищи, если бы не пустили в ход несколько изобретений. Видите вы там это красное здание?

Они проносились сейчас по обширной площади, на которой возвышалось, окруженное великолепной колоннадой, огромное красное здание. Василев с женой посмотрели, куда им указал спутник.

— Это Университет практической экономики, — продолжал Барфус, — здесь мы учим целые кадры людей, как возродить нашу страну без помощи иностранного капитала, без техники, денег, нужного материала, срочно, в боевом порядке. Мы воспользовались для этого теорией относительности Эйнштейна.

— Но каким же образом? — воскликнул изумленный Василев.

— Путем ее дополнения. Мы установили теснейшее взаимоотношение между избытанием времени и пространства. Мы открыли его цифровой закон. Мы создали циркуль, отмечающий угол времени, — измерительный прибор для движения в пространстве. Это дало нам возможность колоссально экономить время и силы и ускорить темпы во всех областях,

Не успел Василев как следует сообразить, что за странное изобретение делает петроградцев быстроногими, как внимание его остановилось на другом. Они мчались сейчас по гранитному берегу бурной Мойки, катившей свои волны через весь город. Справа и слева от нее высились странные пирамиды, украшенные наверху огромными фарфоровыми чашками, что делало их похожими на подсвечники. От пирамидок над всем городом протягивалась сеть бесконечных проволок.

— Что это такое? — вырвалось у Василева.

— Это электроприемники колоссальной мощности, — ответил товарищ Барфус, — вы видите здесь нашу гордость. Благодаря этим приемникам, мы можем в одно мгновение наэлектризовать все пространство над городом на высоте более чем тысячи метров, что делает нас недоступными для неприятельского воздушного флота. Когда до нас дошли

сведения об изобретении французами ядовитого вещества, мы занялись в свою очередь техникой. Но цель наша — не нападение, а защита. Мы электрифицировали огромные воздушные пространства над всеми нашими городами и производственными центрами. Мы укрепили границы тысячью электрических батарей, благодаря чему можем отразить любую армию с помощью одного только монтера нашей петроградской центральной аэро-электростанции.

Василов почувствовал себя на минуту Артуром Рокфеллером:

— Да! — вырвалось у него не без восторга. — Вы тут, в России, не дремлете. Но скажите же, чем может быть вам полезен такой простой, средний инженер, как я?

По лицу Барфуса скользнула усмешка.

— Дорогой товарищ Василов, вы нужны нам более, чем кто бы то ни было, потому что, видите ли...

Он наклонился к самому уху Василова и закончил, улыбаясь:

— Потому что у нас почти нет средних людей. Эпоха предъявила к нам сверхчеловеческие требования, и каждый из нас перестал быть средним человеком. А кто не перестал, тот умер. Вы понимаете теперь, что для нас вы — желанный гость!

Василов прикусил себе губу не без оскорбленного самолюбия. В эту минуту автомобиль затормозил перед роскошным дворцом на Мойка-стрит. Товарищ Барфус протянул ему руку и сказал:

— Вам отведена комната в этом доме. Отдохните. Через два часа вам подадут мотоциклет для первой поездки на завод.

Шофер сложил на землю оба чемодана, и Василов рассеянно поднял тот и другой. Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице и, сопровождаемые указаниями всех встреченных, достигли, наконец, своей комнаты. Это была очень уютная спальня с двумя кроватями, печкой в углу, двумя письменными столиками, двумя книжными шкафами, двумя окнами и двумя надписями на двух стенах: «Береги время! Записывайся в Лигу времени!»

— Удивительная страна, — пробормотал Васильов, ставя чемоданы на пол.

— Поразительная страна! — шепнула Катя Ивановна. Они взглянули друг на друга и вдруг вспомнили, что за весь этот час ни разу не подумали ни о себе, ни о мести, приведшей их сюда.

Глава тридцатая

МУЖ, ЖЕНА И СОБАКА

Катя Ивановна вспыхнула, поймав себя на этой мысли. Василев вспыхнул по той же самой причине. Он раздражительно швырнул шляпу на одну из кроватей, сел и произнес:

— После вашего поведения в Нью-Йорке, Кэт, я полагаю, вы не имеете никаких претензий на мою любезность!

Катя Ивановна молчала, повернувшись к нему спиной.

— Я должен предупредить вас, — отчаянно продолжал Василев, — что морская болезнь резко повлияла на меня. Я сел на пароход одним человеком, а покинул его другим...

— О, да! — едко вырвалось у молодой женщины.

— Что такое вы бормочете? — смутился Василев. — Вы должны раз-навсегда понять меня. Я не могу отказать вам в товарищеском внимании, но я мертв для всего другого. Я приехал сюда, чтобы работать и... я убедительно прошу вас, дорогая Кэт, оставить меня в покое!

Он облегченно вздохнул, осмотрелся и, заметив в углу хо-рошенькую китайскую ширму, вытащил ее на середину комнаты:

— Мы с вами дружески поделим территорию. Вот та часть комнаты — ваша. Берите себе ту кровать, ту стену, тот письменный стол и тот плакат, одним словом — все, что по ту сторону границы, и располагайтесь как вам угодно. Я буду в свою очередь совершенно свободен!

Он расставил ширму, загородив свой угол от взоров Кати Ивановны, сбросил пиджак и с наслаждением растянулся на кровати.

«Я сократил ее с самого начала! — думал он не без самодовольства. — Пусть-ка попробует теперь завести свою музыку. Интересно знать, неужели все эти беллетристы, воспевающие любовь и красивых женщин, действительно искренни? Я почти уверен, что они подогревают себя мыслями о гонимых».

С этим чисто-рокфеллеровским выводом он закрыл глаза и приготовился задремать.

Катя Ивановна, покинутая на своей территории, несколько минут была неподвижна. Два крохотных ушка, выглядывавших из-под каштановых локонов, стали пунцовыми. Слова и поведение Рокфеллера были как раз таковы, чтобы пробудить в ее душе всех фурий ненависти. Стиснув зубы, сжав руки в кулаки, она обозрела умственно весь стратегический план, обдуманый еще на пароходе, потом потрянула локонами, провела рукой по лицу и — переступила через вражескую границу.

Василов услышал легкие шаги, открыл глаза, и в ту же минуту шелковистые пальчики очутились у самой его щеки. Несносная Катя Ивановна сидела на краю его постели, болтала ножками и, как ни в чем не бывало, безмятежно глядела на него фиалковыми глазами.

— Что вам угодно? — промолвил он нетерпеливо. — Кажется, я был с вами вполне откровенен.

— Да! — ответила она и засмеялась, точнее замурлыкала, как флейта на самой своей нежной ноте. — Но, милый Тони, вы ведь не дождались моего ответа. Вы должны выслушать противную сторону...

«Чорт ее поberi» — подумал про себя Василов и натянул одеяло до самого подбородка,

— Да, вы должны меня выслушать, — продолжала она, рассеянно водя рукой по его лицу и старательно разглаживая пальчиком каждую морщину на его лбу, — дело в том, что морская болезнь... о, эта проклятая морская болезнь! Она совершенно переродила и меня. Я сама себя не узнаю. Я виновата перед вами, дорогой, я знаю это... Но больше никогда, никогда...

Катя Ивановна смахнула с ресниц жемчужинку и опустила голову прямехонько на грудь растерявшегося Василова.

— Я чувствую себя такой несчастной, Тони! Вы не должны больше бранить меня. И потом... — она запнулась.

Василов лежал, волей-неволей вдыхая аромат ее волос и глядя на розовый кончик ее уха.

«Надо сознаться, — думал он про себя, — что среди зоологических особей, именуемых женщинами, она довольно безобидный экземпляр».

— Я могу сказать вам это совсем на ухо, — продолжала мурлыкать Катя Ивановна, — дайте мне вашу голову.

Она коснулась губами его уха, выждала минуты две, в течение которых он испытывал состояние, мысленно названное им «довольно сносным», и вдруг прошептала:

— Тони, я кажется собираюсь подарить вам бэби.

Чорт возьми! Если б ему пустили в ухо гальванический ток, Василов не подпрыгнул бы выше, чем сейчас. Он слетел с кровати, швырнув подушку в одну сторону, одеяло — в другую, и в бешенстве затопал босыми ногами.

— Это чоррт! чоррт знает, что такое! — кричал он с совершенно искаженным лицом. — Я отсылаю вас назад, в Нью-Йорк! Я подам в суд! Оставьте меня в покое!

Катя Ивановна побледнела и подняла руки, словно защищаясь от удара. Губки ее сжались, как цветочные лепестки. Она стояла перед ним, — олицетворение чистоты, невинности и отчаяния, — и глядела на него такими широкими, такими беспомощными глазами, что Василов внезапно замолк, махнул рукой и спасся на другую половину комнаты.

«Что мне делать? — думал он в бешенстве. — Ясно, как день, — это настоящая жена Василова... Она не подозревает ничего... И как она ухитрилась, как ухитрилась, несмотря на все ссоры... Гнусная, легкомысленная, преступная женщина! Любить этого пошлого коммуниста!..»

Поток его мыслей делал столь капризные зигзаги, что я был бы, как автор, совершенно сбит с толку, если б это продолжалось долго. К счастью, он резко шагнул к Кате Ивановне и, глядя мимо нее, официальным тоном произнес:

— Я отрицаю, категорически отрицаю, что это мой ребенок! Вы можете делать что хотите. Я умываю руки.

С этими словами он надел башмаки, пиджак, шляпу, посмотрел на часы и вышел, чтобы прогуляться перед домом на Мойка-стрит, в ожидании кого-нибудь, кто спас бы его от ненавистного tête-à-tête'a с Катей Ивановной.

Катя Ивановна поглядела ему вслед с жестокой усмешкой. Она была довольна собой. Она имела решительно все причины быть довольной собой. И он, этот жалкий мальчишка с чудаковатым характером, был слаб, растерян, вспылчив, нетерпелив, неумен, упрям и нервен, как Еремия Рокфеллер. И его было так же легко обернуть вокруг пальца, как старика Вестингауза...

Но довольная собой красавица повела себя с чисто-женской непоследовательностью. Вслед за жестокой усмешкой, глаза ее сверкнули отчаянием, она подошла к кровати и вдруг упала на подушку, разрыдавшись.

— Тук-тук, царап-царап...

Что за странные звуки у двери? Кто-то тычется в нее тупой мордой, царапает когтями, кусает скобку... Катя Ивановна подняла голову и прислушалась.

— Хав! Рpp! Хав! — раздалось за дверью уже совершенно явственно. Потом еще несколько тупых ударов, царапанье, визг, и дверь распахнулась перед каким-то безобразным огромным комком шерсти и грязи, как вихрь ворвавшимся в комнату.

Еще секунда — и грязный комок, как мячик, взлетел прямо на кровать Кати Ивановны, бешено забил хвостом, облапил ее, лизнул в рот, нос, подбородок.

— Бьюти! — воскликнула молодая женщина. — Бьюти! Бьюти!

Да, это была она, верная Бьюти Микаэля Тингсмастера, но в каком виде! — Тощая, одичалая, всклопоченная и грязная до того, что шерсть ее слиплась комьями. Она повизгивала, тыкалась носом в Катю Ивановну, кружилась по комнате, обнюхивала каждый угол.

Наконец, утомившись, Бьюти села у ее ног и положила ей на колени лапу, устремив на нее говорящий взгляд.

— Откуда ты взялась, Бьюти? — спросила мистрисс Вассилова.

Бьюти взвизгнула и шевельнула лапой. Тут только молодая женщина заметила у нее на лапе грязный полотняный лоскут, покрытый темными пятнами. Она осторожно развязала его, подошла к окну и вгляделась в покрывавшие его

пятна. Они походили на кровь. В их расположении ей почудилась симметрия. Расправив лоскут на подоконнике, она прочла букву за буквой:

«Биск. Торпеда».

Собака следила за ней умными глазами. Как только Катя Ивановна снова повернулась к ней, она забила хвостом и обеими передними лапами стала срывать с себя ошейник, делая уморительные движения.

— Что еще, Бьюти?

Ну да, конечно, у нее найдется и еще кое-что. Откиньте ей голову, суньте ручку за ошейник и сорвите с веревочки конверт, привязанный туда с большими хитростями, так что собачьей лапе трудно его сорвать, а уж зубами и носом ни за что не достанешь! Вот так. Раскройте его, читайте!

Катя Ивановна молча сорвала конверт, распечатала его и прочитала:

Генеральному прокурору штата Иллинойс.

Высокочтимый сэр,

Если вы получили мое предыдущее письмо и вынули пакет из моего тайника, вам не безынтересно узнать продолжение рокфеллеровского дела. Я держу в руках все его нити. Я посажен в сумасшедший дом, откуда как нельзя лучше можно следить за главным преступником. Вы поймете меня, если потребуете освобождения из камеры 132

умалишенного

Роберта Друка».

ДЖИМ ДОЛЛАР
МЕСС МЕНД

ВЫП

ЗА И ПРОТИВ

Б

Глава тридцать первая

ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ И ПРИВХОДЯЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В то время как «Торпеда», выпустив на берег Василову, закупорилась со всех сторон, как средневековый рыцарь в броню, и отошла вглубь залива, молчаливая и мрачная «Амелия» весь день и до глубокой ночи разгружала свои товары.

Мистер Пэль, с тросточкой в руках, бегал туда и сюда, периодически выбрасывая с языка весь свой запас русских слов. Мешки, бочонки, ящики скатывались с палубы на берег, а оттуда перетаскивались на огромные грузовики. Техник Сорроу, поступивший к мистеру Пэлю на службу, заложив руки за спину, наблюдал за работой.

В эту минуту из бочки, стоявшей подле него, раздался протяжный вздох. Сорроу прислушался и толкнул бочку ногой.

— Эй! — раздалось с бочки. — Эге-ге-й, друг Сорроу! Менд-месс!

Это было сказано на самом понятном языке для техника Сорроу. С быстротой молнии оглянувшись вокруг, он шепнул:

— Месс-менд... —

и выбил из бочки днище. Тотчас же навстречу Сорроу высунулась знакомая голова, а потом шея и плечи, а потом туловище с прочими оконечностями, и из бочки ловко выпрыгнул Лори Лен, худой, веселый и встрепанный.

— Сорроу! Хлебца и глоток виски! — шепнул он умоляюще. — Жизнь этого самого греческого, как его, Диогена чертовски лишена всяких удобств, особенно в своем закупоренном виде.

Сорроу дал ему хлеба, спрятал его за баррикадой из мешков и ящиков, заложил руки за спину и сурово произнес:

— Объясни-ка ты мне теперь, Лори Лен, чего ради ты

вковырнулся в гуверову бочку и, не спросясь Мика, отчалил на «Амелии»?

— А ты чего? — спросил Лори, разжевывая хлеб с силой мельничных жерновов.

— Ты прекрасно знаешь, что я поехал по наказу Мика следить здесь за собаками-фашистами.

— Ну, а я приехал поработать для Советской России! — невозмутимо ответил Лори и сунул в рот последнюю корку хдеба. — И ежели ты мне, дружище Сорроу, хочешь подсобить в этом, так не медли ни дня, ни часа. А кроме того... — Лори запнулся и покраснел как кумач. — Кроме того, хотел бы я знать, Сорроу, куда вы дели мисс Ортон, то есть мистрисс Василову?

— Вот оно что! — протянул Сорроу многозначительно. — Хорош же ты, я тебе скажу, Лори Лен, металлист!

Неизвестно, что бы ответил ему Лори, покрасневший пуще прежнего, если бы из соседнего ящика не раздалось странное кряхтение.

— Кха-кхи-ки-ки-кха! — надрывались в ящике странные звуки. Сорроу сдвинул брови, подошел к ящику и заколотил в него что было силы.

— Сорроу, менд-месс! — раздалось оттуда жалобно.

Лори и техник Сорроу, переглянувшись, сорвали с ящика крышку, и взорам их предстал слесарь Виллингс, скрюченный наподобие английского замка и глядевший на них жалобными голодными глазами.

— Виллингс! — воскликнул Лори.

— Виллингс! Ты! — сокрушенно вырвалось у техника Сорроу.

— Я, ребята, я самый! Я теперь, можно сказать, перенес самое худшее, что может нас ожидать на том свете, ребята: герметическую закупорку, не больше, не меньше. После этого я не боюсь смерти, нет, ни чуточки не боюсь смерти, подавай мне ее кто хочет, хоть сама холера.

— Не философствуй, — мрачно ответил Сорроу, — скажи мне лучше, как это ты, опора нашего союза, степенный парень Виллингс, как это ты уподобился мальчишке Лену и шмыгнул в ящик за юбкой?

— Нет, Сорроу, нет, не за юбкой! — сердито ответил Виллингс. — Я, брат, видел ее в штанах нашего Лори, и я тебе говорю, что будь на ней не то, что штаны Лори, а футляр от барабана или почетное знамя Бостонского университета, я бы и то пошел за ней куда она хочет, вот провалиться мне на этом месте!

— Правильно, — произнес кто-то возле них.

Все трое, вздрогнув, обернулись во все стороны. Но вокруг не было ни души, а грузчики суетились на далеком расстоянии, в обществе мистера Паля.

— Правильно, — повторил кто-то еще раз, и мешок, лежавший у ног техника Сорроу, резко изменил свои очертания.

— Чорт тебя побери, кто бы ты ни был, — сказал техник, шлепнув мешок всей пятерней, — вот pošлю я тебя отсюда в хлебопекарню, а там уж разберут, что из тебя выпечь, негодный бездельник, трус, дезертир!

— Этого ты не сделаешь, Сорроу, — произнес мешок, распоролся пополам и выпустил оттуда не кого иного, как Нэда.

— Так я и думал, — расхохотался Лори, — ну, ребята, теперь вся наша компания налицо. Мы ее спасли из Гудзона, так уж нам, значит, на роду написано не отставать от нее ни на шаг.

— Это мы еще посмотрим, — проворчал Сорроу, — прежде всего я сведу вас прописаться, ребята, а потом устрою на работу. Можете нюхать с мисс Ортон один и тот же воздух, если это вам нравится, но видаться с ней я вам положительно запрещаю.

— Как бы ни так! — воскликнул Лори.

— Как бы ни так! — промычал Виллингс.

— Как бы ни так! — процедил Над.

И словно в довершение их слов на пристани вдруг показалась высокая тоненькая фигурка в белом костюме, в ореоле каштановых кудрей и с большой лохматой, грязной собакой, шедшей за ней по пятам, виляя хвостом. Фигурка оглядывалась из-под беленькой ручки во все стороны, пока не заметила техника Сорроу и наших трех приятелей.

Тогда она радостно вскрикнула, всплеснула руками и со всех ног бросилась им навстречу. Собака, в два прыжка опередив ее, кинулась в ноги технику Сорроу, завизжала и неистово забила хвостом.

— Чорт меня побери, если это не Бьюти! — вырвалось у потрясенного техника, и он, что было силы, стиснул в объятиях запачканную и взъерошенную собаку, предоставив своим товарищам выражать такие же чувства по адресу мисс Ортон.

Глава тридцать вторая

МИСТЕР ВАСИЛОВ В СТРАНЕ ЧУДЕС

Василов выскочил из подъезда, стараясь ни о чем не думать. Но закулив папиросу и сделав два-три конца перед домом, он успокоился и занялся обзором окружавшей его местности. Дом, где их поместили, был старинной постройкой, должно быть — от петровских времен. Первоначально ядро его обстраивалось несколько раз, и от множества наслоений архитектура казалась чудовищной, хотя и грандиозной. Здесь было общежитие художников и писателей. Сюда помещали приезжих коммунистов. Почти у каждого подъезда стоял автомобиль, то и дело, стрекоча, подлетали мотоциклеты. Не успел он пройти несколько шагов, как его внимание привлекла торговка хлебом.

Это была старуха в дырявом платье, в мужских сапогах и с кусочком оконной занавески на голове. Лицо ее было так помято, прилепнуто и обвисло, что походило скорей на кусок кожи, чем на человеческое лицо. Глаза были белы от старости и казались бессмысленными. Она стояла неподвижно, и покупатель сам бросал ей деньги в корзину, забирая оттуда булку. Не успел он разглядеть ее, как из ворот вышел высокий седой газетчик, с ногой на костыле, с лицом, обезображенным темными пятнами, и с висячей, как у бульдога, губой. Он вышел прихрамывая, оглянулся во все стороны и, не заметив Василову, быстро подошел к старухе. Каково же было удивление Василову, когда газетчик почтительно поцеловал руку торговке, отвесив ей самый придворный поклон и произнес на изысканном английском языке:

— Как ваш ревматизм, княгиня?

— О, я не ропщу, — кокетливо ответила торговка, — и надеюсь, вы читали последнюю речь нашего возлюбленного монарха?

— Читал и ношу в сердце!

После обмена церемонными приветствиями, газетчик побежал, прихрамывая, к пешеходам, а торговка застыла в прежней позе.

— Хорошенькое местечко, где нищие похожи на придворных, — пробормотал Василев и двинулся дальше, приглядываясь и прислушиваясь. В эту минуту на улицу вылетел автомобиль, украшенный красным флагом. В нем сидело двое простых рабочих в заштопанных куртках, оживленно беседовавших о чем-то со статным человеком в военной форме. Как только автомобиль был замечен с улицы, пешеходы подняли шляпы, и многие крикнули какое-то приветствие.

«Должно быть, важное лицо в городе, — подумал Василев, — забавно, что оно разъезжает с простыми рабочими».

В эту минуту автомобиль, летевший во всю мочь, остановился как вкопанный.

«Что случилось? Кто может помешать проезду такого важного лица в городе?» — продолжал раздумывать Василев, оглядев почти пустынную улицу. Вот тебе и раз! Через нее проходило несколько пар крохотных детей, одетых в одинаковые бедные платьица с одинаковыми шапочками на стриженных головах. Их вела некрасивая девица в очках, похожая на квакершу. Она энергично размахивала руками и, проведя последнюю пару своих птенцов под самым носом автомобиля, сделала шоферу величественный жест рукой, после чего тот пустил машину. Поистине необыкновенное зрелище! Бедные, бездомные дети идут как выводок английского пэра или американского миллиардера, загораживая путь важному лицу в городе...

Василев пожал плечами и ускорил шаги, миновав бурную Мойку. Он очутился на мрачной площади, застроенной старыми, темными домами с заплесневелыми и облупившимися сырыми стенами.

«Здесь, должно быть, притоны нищеты и разврата, как и во всех больших городах!» — подумал он про себя, нащупал в кармане бумажник и осторожно двинулся дальше. Как будто в подтверждение его слов со всех сторон на мрачную площадь стали собираться удивительные люди. Одетые в старые, полинялые платья, в ситцевые платки, в картузы,

они шли гурьбой, неся в руках какие-то странные предметы. И что всего удивительней, эти люди как на подбор были стариками. Женщины — седые, сморщенные, с темными мозолистыми руками, мужчины не моложе шестидесяти; многие прихрамывали, горбились, другие опирались на клюку, третьи стучали деревяжкой вместо ног.

«Инвалиды? Преступники? Нищие?» — Василев не знал, что подумать. Старики между тем стали входить в один из домов. У дверей не было ни швейцара, ни сторожа. Василев смешался с толпой, скользнул в дверь и стал подниматься по лестнице,

«Теперь я узнаю, что это за притон» — подумал он с любопытством туриста. Они вошли, между тем, в большую светлую комнату, заставленную столами и скамьями. На стене висела огромная черная доска. На маленьком возвышении стоял человек в синей блузе. Старики и старухи расползлись по скамьям, уселись рядом и положили перед собой принесенные предметы, похожие на молитвенники. Человек в синей блузе поднял руку.

«Ага! — подумал Василев, морщась от запаха старушечьих тел. — Это какая-нибудь религиозная секта. Значит, и в этой стране есть нечто похожее на наших несносных нью-йоркских фарисеев. Проповедник начинает проповедь... Какая скука! Уйду!»

Не успел он это подумать, как старики и старухи раскрыли свои молитвенники, а человек в синей блузе написал на доске мелом... большую букву

А

Василев оглянулся по сторонам. Сморщенные лица сияли самым непритворным вниманием, лбы были нахмурены, старые ввалившиеся рты шамкали, а раскрытые перед этими кандидатами в иной мир молитвенники оказались не чем иным, как... азбукой!

Этого Василев снести не мог. Он вскочил и выбежал на улицу, он задышался от изумления.

— Сумасшедший народ! — воскликнул он по-английски. — Учить умирающих азбуке! И они учатся, чорт побери, и даже, кажется, с удовольствием учатся!

— Извините меня, сэр, вы — англичанин? — спросил его кто-то по-английски, нагнувшись к самому его уху.

Василов вскинул глаза и увидел высокого, как атлет, крупного человека военной выправки с седыми генеральскими усами и в щегольской форме командира. Он стоял рядом с Вавиловым на панели, следя за тем, как через площадь стройно проезжали колонны артиллеристов с пушками.

— Да, — машинально ответил Василов, — я турист... Я впервые в этой стране.

— Чему же вы изволили так громко удивиться?

— Я удивился сумасбродству стариков, обучаемых вот в этом доме напрова — азбуке.

— О, сэр, это один из способов омолаживания, практикуемый у нас, — ответил с улыбкой командир, — я сам сдал недавно экзамен политической грамоты. И смею вас уверить, я не променяю ни мою артиллерию, ни моих солдат ни на одну армию в мире, до такой степени мне было приятно начать жизнь сначала.

Он приложил два пальца к фуражке, любезно поклонился Вавилову и сел в мотоциклет.

Изумление смешалось у Василова с завистью. Он проводил глазами кавалерию, гарцуя проехавшую через площадь, и повернул обратно на Мойка-стрит. У подъезда, где помещалось их общежитие, стояло два человека в военных куртках, оглядывавшихся во все стороны. Один на них был Евгением Барфусом. Другой, высокий, сероглазый, с трубкой в зубах, был Василову незнаком. Оба тотчас же подошли к нему, Барфус взял его под руку, высокий представился:

— Ребров, — и дал знак автомобилю подъехать.

— Товарищ Ребров повезет вас на Путиловский завод, мы вас ждем уже десять минут, — торопливо сказал Барфус, — все нужные объяснения вы получите от него, он — ваш непосредственный начальник.

С этими словами Барфус поднес пальцы к фуражке, сел в мотоциклет и исчез как молния.

Василов поднялся в автомобиль, Ребров вскочил вслед за ним, шофер тронул рычаг, и они отъехали от общежития Василова.

Василов искоса поглядел на своего соседа. Это был стройный мускулистый человек с юношески моложавым лицом, суровыми тонкими губами и утонченной линией подбородка.

«Аристократы еще не вымерли в этой стране рабочих и крестьян, — подумал Василов иронически, — держу пари, что мое начальство — отпрыск каких-нибудь древних поколений, засекавших крепостного мужика».

— Товарищ, — обратился он к нему, — вы, должно быть, и раньше служили на Путиловском заводе?

Ребров вынул трубку изо рта и ответил на хорошем английском языке:

— Вы угадали.

— Где же вы учились на инженера? Должно быть, в Англии?

— Вы опять угадали, — улыбнулся Ребров, — если то, что я делал в Англии, можно назвать «учением на инженера», то я учился в Англии.

Василов думал несколько минут, с какого конца возобновить свой вопрос. Но прежде чем он раскрыл рот, Ребров выколол трубку, быстрым движением спрятал ее в карман, обратил к Василову лицо, так поразившее его своим изяществом и тонкостью, и дружелюбно заговорил:

— Ведь я смазчик Путиловского завода, а отец мой был слесарем на том же заводе. Семнадцать лет меня сослали в Сибирь, я бежал в Англию и кое-чему там научился, работая кочегаром у Паукинса в Бирмингеме. Ребята выбрали меня в директора, ну, мои знания и пригодились немножко.

«Чорт побери! — опять подумал Василов, поминая чорта чуть ли не в сотый раз за сегодняшний день. — Я не могу понять этой страны, даже если бы тридцать немецких Бе-

декеров описывали ее на тридцати языках. Я отказываюсь ее понимать!»

Они мчались сейчас по широкому шоссе, окаймленному великолепными липами. Быстроногие пешеходы сновали взад и вперед. Дворцы сменились тенистыми садами с прорытыми в них прудами и каналами, и, наконец, вдалеке, в дымном и как будто закоптелом небе обрисовались гигантские очертания тысячи заводских труб разной длины, ширины и формы. Это был целый лес воздетых к небу оконечностей, похожих на выпяченные губы, выдыхавшие со свистом и хрипом дымное дыхание.

— Это наш фабричный поселок, — заговорил Ребров, указывая туда пальцем, — мы сконцентрировали все наше производство в одно место. Раньше Петроград с четырех сторон был окружен заводами, а сейчас мы перенесли их в эту гористую часть, развив колоссальное единство метода. Взгляните сюда: вы видите три круга, похожих на три этажа?

Василов взглянул, куда показывал Ребров, и увидел странное зрелище; внизу, обрамленный каменной стеной, шел круг первого яруса. Винтообразные лестницы восходили от него в круг второго яруса, тоже обрамленного стеной. Совсем наверху, более легкой, изящной, портативной архитектуры, напоминавшей деревянную, возносился третий круг, увенчанный крыльями ветрянок, площадками для причала аэропланов, воздушной сетью сигнализаций и целым морем красных флагов, мелькавших в этой сети труб и проводов, как алые маки в колосьях пшеницы. Зрелище это, во всей своей головокружительной пестроте и симметрии, сильно захватило Василова.

— Неужели вы зовете это фабричным поселком? — воскликнул он с удивлением.

— Вы не дали мне договорить, — улыбнулся Ребров, — здесь перед вами торжество единого метода хозяйства. Вам придется изучить его, чтоб работать вместе с нами. Взгляните вниз, на первый круг, — он охватывает побережье Невы, массивы финского гранита, торфяные болота — с запада, кусок леса — с востока. Здесь поместилась у нас промышленность добывающая. Вот эти высоты Токсовского хреб-

та, подходящие к нам с границы Финляндии, открывают богатейшие земли минералов, драгоценную древесину, смолу, всевозможные необходимые для нас ископаемые. Гигантская стена вокруг первого яруса служит электроприемником колоссальной электрической энергии с Волховстроя, помогающей взрывать недра и по системе двойного давления передаваемой наверх, во второй ярус. Взгляните теперь повыше, — продолжал Ребров, встав с места и указывая Василеву вперед, а другой рукой охватив его плечи, — взгляните туда, — это второй круг, там у нас промышленность обрабатывающая. Видите вы дым и блеск от огромных домен, слышите щелканье железных зубьев, визг пил, трескотню колес, жеванье динамомашин? Там сырье становится материалом, дар природы преобразуется в ткань искусства. А еще выше, поднимите глаза, венцом всего поселка, у нас расположена последняя царица вещи, — промышленность фабричная, делающая из материала фабрикат и выбрасывающая его на тысячи наших воздушных грузоподъемников в город, в порт, в окрестности и на станции железнодорожных магистралей...

— Чудесно! — воскликнул Василев, опять почувствовавший в себе Артура Рокфеллера. — Я горжусь, что еду работать с вами. Но я не вижу, товарищ, в чем смысл вашего единого метода, кроме территориального сближения всех областей промышленности?

— В чем смысл нашего «единого метода»? Вы еще не видите его, хотя уже почувствовали. Об этом вам скажет не я, а товарищ Энно, блюститель метода. Вот он, у въезда в поселок. Он уже увидел нас и приветствует...

Шофер затормозил, Василев и Ребров выскочили на гранитные плиты дороги и пошли навстречу белокурому, почти белому человеку с розовыми щеками и сияющими голубыми глазами, похожему одновременно и на старца и на младенца.

— Добро пожаловать к нам, дорогой товарищ, — сказал он приятнейшим голосом, протягивая Василеву руку, — мы пойдем с вами на завод кружными путями, и я прочитаю вам мое маленькое напутствие.

Тем временем товарищ Ребров, кивнув им, уже вскочил на какую-то платформу, застегнул вокруг талии металлический обруч, и прежде чем Василев мог что-либо сказать ему, уже понесся на передвижной платформе в глубину каменного коридора.

— Идемте, идемте, друг мой, — ласково проговорил румяный человечек, беря Василева под руку, — мы с вами сделаем долгий путь на собственных ногах, потому что человеку всегда полезнее узнавать новое с некоторым усилием, а не в виде легкого развлечения.

Он тоже говорил по-английски, но с небольшим шведским акцентом. Выведя Василева на гранитную балюстраду, он показал ему внизу, на необъятном пространстве, поля, засеянные самыми разнообразными злаками. От мокрых квадратиков рисовой плантации до сухого бамбукового поля, от исландского мха до рощи кокосов — здесь было все. Маленькие человечки работали на каждом поле, причем тут были люди желтые, красные и черные, тут были самоеды в теплых штанах, голые китайцы по колено в воде, полуголые негры с соломенными шляпами.

— Не удивляйтесь на это, здесь нет никакого волшебства, — сказал Энно пораженному Василеву. — Вы видите башенку на каждом из полей? Это знаменитый регулятор Савали, примененный к нашему изобретению электроклимата. Мы распределяем влагу и тепло совершенно равномерно на определенный участок, мешая его утечке в пространство тем, что создаем вокруг него передаточные течения большой силы, как бы закупоривающие его сверху. Это изобретение стоит больших средств, и потому мы применяем его лишь с показательной стороны. Эти поля служат сельскохозяйственной показательной станцией, и только; сырье, получаемое от них, еще очень незначительно. Теперь обернитесь назад.

Василев быстро обернулся и увидел, по расположенному горному амфитеатру, каменоломню и добычу глины.

— Всю длину этого амфитеатра занимают рудники и небольшие добывающие центры, уже не только показательные, но и вполне производственные. Мы обойдем их с ва-

ми, и во время пути я открою вам тайну нашего метода.

Они прошли по асфальтовым и гранитным дорожкам. Каждый шаг открывал перед ними все новые и новые картины. Тысячи рабочих копошились, добывая уголь, соль, торф, глину. Вертелись мельничные крылья, беспрерывно свистела лесопильня, стучали топоры. И все встреченные рабочие, дружески кивая им, поворачивали к Василову веселые, счастливые лица. Не было ни единого, кто бы не улыбался. Счастье светилось в каждом взгляде.

— Посмотрите на них, — начал Энно, — они счастливы. Мы произвели величайшую в мире революцию, но мы были бы глупцами, если б не пошли дальше, мой друг. Завоевав орудия производства, мы пожелали сделать человека счастливым.

— Утопия! — вздохнул Василов.

— Вот именно, — живо подхватил Энно, — мы поставили себе задачей осуществление утопии. Лучшие из наших умов сидели над этим много дней. Счастье дают лишь две вещи: созидание и познание. Но до сих пор те, кто созидал, ничего не знали, а те, кто познавал, ничего не созидали. Уродливый уклон прошлого — рассеянный профессор и автомат-рабочий — должен был раз-навсегда исчезнуть! Мы твердо решили сделать производство познавательным, а познание — производственным. Как этого можно было достичь? Тут-то, мой друг, и помог нам метод единого хозяйства. Да, обедневшие, истощенные, голодные, лишенные продуктов и рынка, мы начали с того, что на своей собственной шкуре испытали метод единого хозяйства. Мы сеяли картошку в ящиках от письменного стола, дубили кожу для сапог, шили сапоги, красили старое сукно, мы добывали, возделывали, обрабатывали, и постепенно, от городского интеллигента и до мужика, мы нащупали круговорот хозяйственной механики, зависимость производств друг от друга. Наш «единый метод хозяйства» и заключается в том, что ни один из наших рабочих отныне не приступает к своей работе без полного представления обо всех звеньях производства. Он выделяет головку гвоздя, зная не только о добыче минерала, но и его спектре, с одной стороны, с

другой — и о роли своего гвоздика в самой сложнейшей из фабричных вещей, начиная с мебели и кончая винтиком микроскопа. Иными словами, мой друг, мы рассадили наше производство по системе оркестра. От барабанщика и до скрипки — каждый выполняет свою партию в общей симфонии; но каждый слышит именно эту общую симфонию, а не свою партию. Поняли?

Василов с изумлением слушал восторженную речь Энно.

Пока он раздумывал, мимо них проходили группы рабочих с цифрами II и III на рукаве.

— Посмотрите, это экскурсанты со второго и третьего производственного яруса. Ежедневно каждый из них ходит на соседнюю территорию, чтобы изучить связь хозяйств. Рабочие, инженеры, учащиеся, изобретатели у нас больше не делятся на группы. У нас нет учащегося, не работающего в деле, и нет рабочего, который бы не учился. А теперь я должен проститься с вами. Становитесь на этот квадрат и держитесь за металлические кольца, он вас подымет на Путиловский завод!

Энно приветственно махнул ему рукой и присоединился к одной из рабочих групп. Ошеломленный всем виденным, Василов почти бессознательно встал на указанный ему квадрат и едва успел ухватиться за кольца, как уже понесся с этажа на этаж по каменному колодцу, покуда не остановился на своем квадрате посреди небольшого гранитного дворика.

Ребров вышел ему навстречу, взял его за руку и повел его на завод.

Глава тридцать третья

ПЕРВАЯ НОЧЬ СУПРУГОВ ВАСИЛОВЫХ

Было уже темно, когда Василев оторвался, наконец, от своего станка. С ним приключились удивительные вещи. Он послушно стоял у станка, обтачивая металлические ободки для фарфоровых чаш электроприемников. В минуту работы он испытывал необычайное наслаждение. Рабочие, окружавшие его, были всех национальностей. Каждый понимал слова два на языке другого, некоторые составляли группы для практики на чужом языке. С ним обращались не как со старшим, а как с равным. Среди шуток и песен он успел научиться несколькими русскими фразами. Когда же он присоединился к экскурсии, ходившей на второй и третий ярус, восхищение его перешло в экзальтацию.

— Я влюбился в поселок и в свой станок, — сказал он Реброву, когда тот пришел силой снять его с работы, — это чудесная штука, это лучше всякой гимнастики, бокса и фокстрота! Я положительно повеселел у вас!

Он с большим сожалением снял ногу с педали, отвернул засученные рукава рубашки, снял фартук и накинул свой пиджак.

— Я готов проводить здесь целые сутки!

— Вы можете приезжать к нам с девяти утра и оставаться до одиннадцати ночи, то есть весь период бодрствования, — ответил с улыбкой Ребров, — больше этого нельзя. В Советской республике каждый трудящийся свято соблюдает период ночного бесспамятства, от одиннадцати ночи и до восьми утра. Иначе у него не будет сил на работу.

С этими словами Ребров указал Василеву на движущуюся платформу, через несколько минут доставившую нашего героя вниз. Стало свежо, небо усыпали крупные звезды, с показательных полей несло необычайным ароматом тропиков и полярного лета. Василев сбежал с лестницы к ожидавшему его автомобилю, наслаждаясь мягким ночным воздухом, звездным небом и эластичностью своего разгорячен-

ного тела. Но когда автомобиль понес его к роковому дому на Мойка-стрит, Вавилов вздрогнул и ударил себя по лбу. Он забыл и инструкции фашистов под тюфяком и свою роль заговорщика!

Сердце его сжалось, и холод прошел по коже. Вот эту сумасшедшую, удивительную, трижды милую страну должен он помочь разрушить, залить кровью, обесплодить, наводнить врагами. Этих сумасшедших и милых, со всех концов света пришедших сюда людей с благородными лицами, с горячими глазами, со счастливой улыбкой должен он предать и убить из-за угла!

Он знал, что прежней ненависти в нем нет ни капли. Он знал, что дух старого Рокфеллера веселится в нем, как и его собственный, чудесному зрелищу труда, только что виденному им в поселке.

— Отец влюбился бы в них, как и я, — прошептал он уверенно, — какого чорта он стал бы преследовать их... Да полно! Уж не убит ли он не ими, а кем-нибудь другим?

В ту же секунду он почувствовал, как волосы у него на затылке зашевелились от ужаса.

Стоп! Шофер затормозил перед темной дверью общежития.

Медленно сошел Василов на землю и медленно поднялся по лестнице своего дома. Он столько пережил за сегодняшний день, что даже женщина, поджидавшая его наверху, казалась ему теперь добрым товарищем. Как хорошо было бы сказать ей всю правду! Он не знает, что сделали с ее мужем. Он не знает, что сделают с ним самим.

Постучав и не получив ответа, он нажал дверную ручку и вошел в комнату. Было совершенно темно, занавеси на окнах спущены, мистрисс Василова, судя по ее ровному дыханию, уже спала.

Василов нащупал свой письменный стол и зажег лампочку. На столе был приготовлен ужин и стакан холодного чая. Кровать раскрыта, на подушке чистая ночная рубашка, на коврике мягкие туфли. Он окинул взглядом все эти удобства и невольно улыбнулся. Потом прислушался к ды-

ханию своей жены и быстро приподнял тюфяк. Ничего! Там не было ни долларов, ни инструкций. А впрочем — откуда он знает, что они должны быть именно под этим тюфяком? Ведь в комнате было две кровати, он выбрал свою произвольно, это могло быть еще неизвестно.

Он скинул пиджак и пыльные башмаки. Он с наслаждением закурил бы и уже протянул руку к зажигалке, как вдруг остановился. Эта женщина, кто бы она ни была, ей все-таки может быть неприятен табачный дым. Он с наслаждением помылся бы, но стук может разбудить ее... Возмутительно! Остается только раздеться и спать.

Василов осторожно сел на кровать и задумался. Нервы его не хотели успокаиваться. Он был взвинчен, взбудоражен, зажжен. Он перешел от экзальтации к мрачному отчаянию. Он спутался. Он не знает, что делать. С тоской хрустнул он пальцами и в ту же минуту услышал тихий шопот мистрисс Василовой:

— Тони...

В мурлыкающем, сонном голосе было такое очарование, что Василов невольно поднялся с места. Он помянул про себя чорта, — в тысячный и последний раз за этот день, — на цыпочках перешел установленную им пограничную полосу и остановился у кровати своей жены.

Она спала. В слабом освещении электрической лампочки он видел очаровательное существо, сбросившее к ногам одеяло и едва прикрытое батистом и кружевами. Одну руку она положила на грудь, другую закинула под голову. Рот ее полуоткрылся, каштановые локоны упали на глаза, от ресниц легла на щеки темная тень, стусившая еще более ее сонный, как у спящего ребенка, румянец.

Он увидел ямочки на локтях и круглое, гладкое плечо. Он увидел мерное движение рубашки над грудью, форма которой навеки приковала бы художника. Надо сознаться, Артур Рокфеллер не спешил покончить с этим зрелищем, тягостным для каждого честного женоненавистника.

Мистрисс Василова глубоко вздохнула во сне и улыбнулась, блеснув жемчужной полоской зубов. Нижняя губка ее оттопырилась с детской капризностью. Она снова проборо-

мotala:

— Тон-ни, — и повернулась на другой бок.

Василову следовало бы отойти заблаговременно на тыловую позицию. Но он подкрепил себя мыслью о том, что ему надлежит как следует изучить своего врага.

«При ближайшем рассмотрении вещи часто оказываются совсем другими! — подумал он фарисейски. — В конце концов я имею на это право, поскольку она расположилась без всякого спроса на моих миллионах и инструкциях...»

Счастливая мысль об инструкциях внушила ему новую идею. Она спит — самое подходящее время, чтобы сунуть руку под тюфяк и извлечь все, что там имеется. Он оперся одной рукой о стену, над самой головкой своей жены, а другую осторожно засунул под тюфяк. Он чувствовал тепло и тяжесть ее тела, чувствовал биение ее сердца. Вместо того, чтобы искать инструкции, мистер Василов замер в весьма неудобной позе и вперил глаза в кудрявый затылок.

Между тем в лице спящей красавицы произошло какое-то магическое изменение. Ресницы и ноздри ее затрепетали, губы сжались, брови сдвинулись. Она еще раз вздохнула, широко раскинула руки и вдруг — обвилась ими вокруг шеи Василова. Кожа их была шелковиста и прохладна. Может быть именно по этой причине мистер Артур Рокфеллер побледнел и похолодел как мертвец.

— Кэт, вы проснулись? — сказал он глухо. — Простите меня. Пустите меня.

Но Кэт не пускала его. Попрежнему закрыв глаза и не стряхивая с лица кудрей, она все ближе нагибалась к себе белокурую голову Рокфеллера, ока нагибалась ее до тех пор, куда губы его не коснулись ее груди. Будь мой роман греческой трагедией, в этом месте должен был бы появиться потрясенный хор женоненавистников с приличными случая угрожающими и оплакивающими стихами и посыпанием волос (или лысин) пеплом. Однакоже в романе моем ничего подобного не случилось, и если сердце мистера Рокфеллера бешено колотилось в эту минуту, презирая всякие нормальные медицинские темпы, то часы его, движимые хладнокровным механизмом, стучали совершенно так, как

и раньше.

— Кэт, простите меня, простите меня! — шептал Рокфеллер, покрывая поцелуями ее грудь. — Я... о, простите меня!

Он не мог говорить. Он ни разу в жизни не чувствовал такого острого, непобедимого, почти непереносного блаженства. Он был сражен им, как бурей. Высвободив руку из-под тюфяка, он откинул локоны со лба своей жены, дрожащими пальцами провел по ее лбу и щекам, приподнял за подбородок ее лицо, пораженный открытием невиданного чуда.

Артур Рокфеллер ни одной женщины никогда не любил до этого вечера. Артур Рокфеллер впервые встретился с единственным и величайшим чудом земного шара, именуемым женщиной. И вдруг он почувствовал, как его непереносное волнение разрешилось бурей слез, заструившихся у него по щекам.

В ту же минуту Вивиан подняла ресницы. Глаза их встретились. Рокфеллер отшатнулся и вскрикнул. Он встал, закрыл лицо и, как лунатик, зашагал к себе. Он сел у себя на кровать, не разжимая рук, — и будет так сидеть до самого утра.

Я не имею ни малейшего намерения дежурить около него и, что еще хуже, — замораживать вместе с собой читателя, а потому прямо скажу, что творилось у него на сердце. В иные минуты человек воспринимает с почти звериной чуткостью. Всеми нервами своего потрясенного существа Рокфеллер увидел взгляд ненависти, сверкнувший на него из фиалковых глаз мистрисс Василовой. В ту же секунду ему стало ясно, что она — такая же Кэт, как он — Тони.

Вивиан лежала у себя тихо, как мышь. Грудь и шея ее были закапаны слезами Рокфеллера. Прикусив нижнюю губу, Вивиан смотрела в темноту остановившимися глазами. Она выдала себя Рокфеллеру. Она отдавалась мерзкому старику, она была готова на все, чтоб отомстить, — и она не посмела солгать Рокфеллеру! Ни за что на свете, ни для какой мести не смогла бы она продолжать придуманную комедию.

Так два сердца с манией отомщения в один и тот же день объявили капитуляцию.

Глава тридцать четвертая

ЧЕРНАЯ РУКА

Белая петроградская ночь перешла к белое утро. Часы Рокфеллера хладнокровно добрались до шести.

Измученная долгой бессоницей, Вивиан тихо поднялась с кровати и стала одеваться, стараясь не производить никакого шума. Накинув платье, она причесалась, надела шляпу и кофточку и па цыпочках приблизилась к заповедной меже. У нее была только одна мысль: бежать, со всех ног бежать к Сорроу, ехать назад в Америку, дать знать Тингс-мастеру, что она никуда не годится и ничего не может...

Она перешагнула границу и вздрогнула. Посреди комнаты стоял совершенно одетый Рокфеллер и смотрел на нее. Как он изменился в одну ночь! Вместо безличного «первого любовника» с раздражающе красивым лицом, каких много в любом журнале мод, перед Вивиан был возмужавший, постаревший, неузнаваемый человек. Черты лица его стали твердыми и острыми, кожа оттянула их в одну ночь, словно Рокфеллер похудел от шести часов бессоницы. Взгляд углубился, но стал непроницаем. Губы сомкнулись с суровостью, для них необычной. Он спокойно глядел на нее до тех пор, покуда Вивиан не опустила глаза. Тогда слабая усмешка тронула его губы, но тотчас же исчезла.

— Я ждал вас, — заговорил он просто, — я хочу объясниться с вами.

Вивиан обвела глазами комнату, подошла к стулу и опустилась на него, стиснув руки. Артур остался стоять:

— Я не Васильов, — заговорил он снова, — я не знаю, что сделано с Васильовым, хотя не смею считать себя невиновным. Вы не жена Васильова и ненавидите меня. Я не знаю ни вас, ни ваших планов. Возможно, что вы знаете меня и мои. Но как бы то ни было, я хочу вам сказать, что не трону вас и не буду разгадывать вашей тайны, если, конечно...

Вивиан молча подняла на него глаза. Он выдержал ее взгляд и спокойно добавил:

— Если только вы захотите остаться здесь.

Она повернулась к нему спиной и выбежала на лестницу.

Артур Рокфеллер прошелся несколько раз по комнате, закурил, распахнул окно, потом быстрыми шагами направился за перегородку. Кровать была небрежно прикрыта одеялом, она еще благоухала ароматом ее волос, теплотой ее тела. Он не смотрел и не видел ничего. Стальной рукой швырнул он одеяло и подушки в одну сторону, тюфяк — в другую и издал легкое восклицание.

Под тюфяком, запечатанные сургучом, лежали белые пакеты. Артур вскрыл их и пересчитал деньги, потом пробежал глазами бумажку:

«Войти в доверенность Реброва. Узнать, где спит электрикомонтер, заведующий электрификацией пространства над Петроградом, Попробовать подкупить монтера. Приготовить срочное донесение о положении и положить его на первую книжную полку над письменным столом.

К. Ф.»

Он свернул записку и деньги в пакет, обвязал его веревочкой и бросил в чемодан. Потом скинул пиджак, лег на кровать и закрыл глаза. Ему оставалось два часа до поездки на завод.

Спит или не спит Артур Рокфеллер, мы не знаем. В сером утреннем свете лицо его имеет мертвенный вид. Веки тяжело легли на глаза, и у рта прошла черточка, составившая его лет на десять. Он выдержал два часа полной неподвижности, потом тихо встал, умылся, взял шляпу.

Но только что сделал он несколько шагов к двери, как вздрогнул и замер на месте. Дверь перед ним стала медленно раскрываться. Она отходила от стены без единого звука, и по мере ее движения в комнату просовывалось нечто, оледенившее в нем кровь. Это была человеческая рука в длинной черной перчатке. Того, кому она принадлежала, не было видно. Рука протянула Рокфеллеру конверт, потом разжала пальцы, мелькнула в воздухе и — исчезла. Дверь

захлопнулась. Конверт лежал на полу.

Артур поднял его, разорвал и подошел к окну. В конверте был лист бумаги и голубой шарик, похожий на лекарство. Он развернул письмо и прочел:

«Женщина, к вам присоединившаяся, не жена Васи́лова, Это агент вражеской партии. Дайте ей прилагаемый шарик. Не заботьтесь о трупe. Торопитесь устранить ее,

К. Ф.»

Пальцы Рокфеллера сделали быстрое движение —точно он хотел поднести шарик к собственным губам. Но через секунду письмо и шарик были заботливо свернуты и спрятаны в самый дальний уголок чемодана. Крак — щелкнул замок. Ключ подвешен к часовой цепочке. Артур внимательно огляделся, взял шляпу и на этот раз беспрепятственно спустился к поджидавшему его автомобилю.

Глава тридцать пятая

КОШКА МИСТРИСС ДРУК

Что-нибудь одно: или горюй или исполняй своя обязанности. Но когда горюешь, исполняя свои обязанности, или исполняешь свои обязанности, горюя, ты уподобляешься в лучшем случае соляному промыслу, потребляющему собственную продукцию без всякой экономии.

Этот вывод сделала кошка мистрисс Друк в ту минуту, когда шерстка ее стала походить на кристаллы квасцов, а молоко, которое она лакала, на огуречный рассол.

Мистрисс Друк днем и ночью орошала слезами предметы своего обихода.

— Молли, — твердила она, прижимая к себе кошку, — право же, это был замечательный мальчик, мой Боб, когда он еще не родился. Бывало, сижу себе у окна, а он стучит кулачком, как дятел. Септимий, говорю я, наш мальчик опять зашевелился. — Почем ты знаешь, что это мальчик, отвечает он... — А я.., ох, ох, Молли, ох, не-есчастная моя жизнь! Я отвечаю; вот увидишь, говорю, Септимий, что это будет самый что ни на есть ма-аль... ма-аль-чик!..

На этом месте волнение мистрисс Друк достигло такой точки, что слезы ее величиной с горошину начинали прямо-таки барабанить по спине Молли, причиняя ей мучительное хвостокружение.

— Молли, поди сюда, — звала ее мистрисс Друк через несколько минут, наливая ей молоко, — кушай, кушай, и за себя, и за нашего голубчика... как он, бывало, любил молочко. Выпей, говорю я ему, а он... ох, мочи моей нет, ох, уж хоть бы померла я, — он отвеча-ает, бывало: нне... нне... приставайте, мамаша!

Рыдания мистрисс Друк длились до тех пор, покуда блюдец в дрожащих руках ее не переполнялось свыше всякой меры. Молли тряслась всем телом, опуская в него язык, свернутый трубочкой. Но после двух-трех глотков она неистово фыркала, ощетинивалась и стрелой летела в кухню, прямо

к лоханке, в надежде освежиться пресной водой. Увы! В мире, окружавшем мистрисс Друк, пресной воды не было. Влага, подвластная ее наблюдению, оседала в желудке сталагмитами и сталактитами. Если б Молли знала Библию, она могла бы сравнить свою хозяйку с женой Лота, превратившейся в соляной столб, заглядевшись на свое прошлое.

Но Молли не знала Библии и в одно прекрасное утро прыгнула в окно, оттуда на водосточную трубу, с трубы в чей-то цветочный горшок, с цветочного горшка кубарем по каменным выступам вниз, вниз, еще вниз, пока не вцепилась со всего размаху в пышную дамскую прическу из белокурых локонов, утыканных гребешками, шпильками и незабудками.

— Ай! — крикнула обладательница прически. — Погибаю! Спасите! Летучая мышь!

— Совсем наоборот, летучая кошка, — флегматически ответил ее спутник, заложив руки в карманы.

— Натаниэль, спаси, умираю! — вопила урожденная мисс Смоуль, ибо это была она. — Мышь ли, кошка ли, она вгрызлась в мои внутренности! Она меня высосет!

Повидимому, между супругами Эпидерм уже не существовало гармонии душ. Во всяком случае угроза высосать внутренности мистрисс Эпидерм была встречена ее мужем с полной покорностью судьбе.

— Изверг! — взвизгнула урожденная мисс Смоуль, швыряя зонтиком в мужа. — Умру, не сделав завещания, умру, умру, умру!

На этот раз Натаниэль Эпидерм вздрогнул. Очам его представилась картина многочисленных претендентов на наследство его жены. Он схватил оцепенелую кошку за шиворот, рванул ее; что-то хряснуло, как автомобильная шина, и колесом полетело на дорогу.

Оглушительный хохот вырвался у прохожих, лавочника, газетчика и чистильщика сапог. Мистер Эпидерм взглянул и обмер. Перед ним стояла его жена, лысая больше чем Бисмарк, лысая, как площадка для скэтинг-ринга, как билиардный шар.

— Вы надули меня! — заревел он. — Плешивая интриганка, вы за это поплатитесь! Адвоката! Иск!

Между тем внимание прохожих было отвлечено от них другим необычайным явлением: несчастная Молли, запутавшаяся в локонах и незабудках мисс Смоуль, обезумела окончательно и покатила вперёд колесом, нацепляя на себя в пути бумажки, тряпки, солому, лошадиный помет и папиросные окурки.

— Га-га-га! — заревели уличные мальчишки, летя вслед за ней.

— Что это такое? — спросил булочник, выглянув из окна и с ужасом уставившись на пролетающее колесо. Но в ту же секунду оно подпрыгнуло, укусило его в нос и, перекувырнувшись в воздухе, полетело дальше.

— Держи! Лови! Саламандра! — и булочник, со скалкой в руке выпрыгнув из окна, понесся вслед за колесом, неистово осыпая мукой мостовую и воздух.

Напрасно полисмен, воздев оба флага, останавливал безумную процессию. Она неслась и неслась из переулка в переулок, куда он не вызвал свистком целый наряд полиции и не понесся вслед за нею. Толпы народа загрохотали все тротуары. Староста церкви сорока мучеников разрешил желающим за небольшое вспомоществование приходу усестись па балюстрадах церкви. Окна и крыши были усеяны любопытными. Учреждения принуждены были объявить перерыв.

— Я вам объясню, что это, — говорил клэрк трем барышням, — это биржевой ажиотаж, честное слово.

— Откуда вы взяли? — возмущился сосед. — Ничего подобного! Спросите булочника, он говорит, что это реклама страхового общества «Саламандра».

— Неправда! Неправда! — кричали мальчишки. — Это игрушечный дирижабль!

А колесо катилось и катилось. С морды Молли капала пена, желтые глаза сверкали в полном безумии, спина стояла хребтом. Метнувшись туда и сюда и всюду натываясь на заставы из улюлюкающих мальчишек, Молли пронеслась в единственный свободный переулок, ведущий к скверу, и

волчком взлетела на дерево, как раз туда, где между ветвями чернело воронье гнездо.

— Карр! — каркнула ворона, растопырившись на яйцах.

Но Молли некуда было отступать. Фыркая и дрожа, в локонках, незабудках, бумажках и навозе, она двинулась на ворону, испуская пронзительный боевой клич. Та взъерошилась в свою очередь, подняла крылья, раскрыла клюв и кинулась прямо на Молли. Пока этот кровавый поединок происходил высоко па дереве, внизу, в сквере, разыгрались другие события.

В погоне за саламандрой наметились две партии: одна мчалась на сквер со стороны церкви, возглавляемая булочником, церковным сторожем и депутатом Пируэтом, затесавшимся сюда со своим секретарем, портфелем и бульдогом. Другая, летевшая с противоположной стороны и состоявшая из газетчиков, чистильщиков сапог и мальчишек, вынесла на первое место толстого, красного человека в гимнастерке, с соломенной шляпой на голове.

Стремительные партии наскочили друг на друга, смешались в кучу, и церковный сторож вместе с депутатом Пируэтом получили от красного человека по огромной шишке на лоб.

— Сэр! — в негодовании воскликнул депутат. — Я неприкосновенен! Как вы смеете!

— Плевать! Не суйтесь! — заорал красный человек.

— Так его, жарь, бей! — поддерживали со всех сторон разгорячившиеся янки. — Лупи его чем попало!

— Полисмен! — кричал депутат. — Буйство! Пропаганда! Тут оскорбляют парламент и церковь!

— Так и есть, — мрачно вступился булочник, — это большевики, ребята! До чего они хитры, собаки! Выпустили саламандру, чтоб агитировать за торговое соглашение. А нашему зерну пробьет смертный час, провалиться мне на этом месте.

— Истинно, истинно! — поддержал его церковный сторож, прикладывая к шишке медную монету. — Голосуйте против, пока эта самая саламандра не сгинет!

— Эка беда! — орал красный человек. — Торговое согла-

шение! Что тут плохого поторговать с Советской Россией! Я сам торговый человек. Выходи, кто против соглашения! Раз — два!

Депутат оглянулся по сторонам. Его партия следила за ним горящими глазами. Он понял, что может потерять популярность, оттолкнул бульдога и секретаря, бросил портфель, скинул пиджак, засучил рукава и с криком: «Долой соглашение!» ринулся врукопашную. Спустя полчаса наряд полиции уводил в разные стороны борцов за и против соглашения, а карета скорой помощи нагружалась джентльменами, получившими принципиальные увечья. Толстяк вышел победителем, а депутат потерял бульдога, портфель и популярность.

Не менее трагически закончился поединок несчастной Молли с вороной. Прокаркав над разоренным гнездом и раздавленными яйцами, практичная ворона ухватила конверт с письмом Друка и, подобно жителю Востока, уносящему на своих плечах крышу дома, отправилась с этим ценным предметом в далекую эмиграцию.

Что касается Молли, то она лежит на земле с проклеванными глазами и сломанным хребтом. Мир ее праху! Она пожертвовала своей жизнью для развития нашего романа.

Глава тридцать шестая

ЛЕПСИУС ВСТРЕЧАЕТСЯ С ФРУКТОВЩИКОМ БЭРОМ

Тоби только что вычистил первый сапог и собирался малость вздремнуть, прежде чем приступить ко второму, как вдруг в дверь кухни кто-то тихо постучал. Он вооружился метлой для изгнания попрошайки и приотворил дверь как раз настолько, чтоб просунуть туда свое оружие, но в ту же секунду метла вывалилась у него из рук, а рот открылся на манер птичьего клюва. Дело в том, что за дверями стоял не попрошайка, а некто.

Спереди этот некто ужасно походил на мисс Смоуль. Это были глаза мисс Смоуль, нос мисс Смоуль, рот мисс Смоуль и кружевная мантилия мисс Смоуль. Но сверху некто напоминал круглый аптекарский шар, налитый малиновыми кислотами. И держал себя некто совсем не как мисс Смоуль: он не ругался, не плевался, не подбочивался, не напирал ни коленом, ни животом, а сказал нежным голосом:

— Впусти-ка меня, голубчик Тоби!

Мулат попятился, испугавшись по смерти. Некто вошел, снял мантильку, повесил ее на крючок и проговорил еще более трогательным голосом:

— Достань из печки золы, Тоби, дружочек мой!

Тоби достал полный совок золы, трясаясь от ужаса.

— А теперь подними-ка его, миленький, и сыпь ее мне на голову!

Но тут совок выпал из дрожащих рук Тоби, и он, судорожно всхлипывая, помчался наверх по лестнице, залез в чулан и спрятал голову между колен.

Дух мисс Смоуль между тем не обнаружил ни раздражения, ни досады. Он терпеливо нагнулся над печкой, собрал пригоршню пепла и вымазал им себе круглую голову не так, чтоб уж очень, а в самую пору, чтоб указать на сим-

волический характер этой операции.

Потом мисс Смоулль смиренно двинулась в кабинет доктора, смиренно остановилась на его пороге и сложила руки на животе.

Лепсиус поднял глаза с медицинской книги о позвоночниках и грозно нахмурился.

— Мисс Смоулль, что это значит? Если не ошибаюсь, я вижу вас без парика и с перепачканным сажей черепом. Какого чорта означает подобная демонстрация?

— Не демонстрация, сэр, нет! Не подозревайте этого ради моей бессмертной души! Раскаяние, сэр, раскаяние глубочайшее, чистосердечное, фатальное!

— Не плетите вздора. В чем дело?

— Сэр, я раскаиваюсь в том, что не придавала значения вашим отеческим советам. Я имела безумие смеяться над ними! Судьба жестоко покарала меня, сэр. Вы были правы, трижды правы. Моя невинность поругана, чувства мои растоптаны, идеалы ниспровергнуты. На цветущей долине, сэр, дымятся обломки!

— Что это за диктант? — взбесился Лепсиус, бросая книгу на пол. — Если вы собрались шантажировать меня с этим вашим Натаниэлем Эпидермом...

— Натаниэля Эпидерма больше нет, сэр! — кротко ответила мисс Смоулль. — Забудьте его. Отныне, сэр, я предана вашему хозяйству душой и телом.

Неизвестно, какая трогательная сцена была еще в запасе у мисс Смоулль, но на счастье доктора Лепсиуса раздался пронзительный звонок, и Тоби влетел в комнату, все еще белый от ужаса.

— Вас спрашивает какой-то красный джентльмен, сэр, — пробормотал он, переводя дух, — и с него так и каплет!

Доктор Лепсиус молча поглядел на свою экономку и служителя, подвел им в уме весьма неутешительный итог и направился к себе в кабинет.

Мулат оказался прав. В докторской приемной стоял толстый красный человек в гимнастерке, и с лица его стекала кровь.

— Рад познакомиться, — сказал он, энергично пожимая руку доктору, — фруктовщик Бэр с Линкольн-Плас, — небольшое мордобитие на политической подкладке... Я ехал мимо и вдруг заметил вашу дощечку, и вот я здесь, перед вами, с полной картиной болезни, если можно так выразиться!

Спустя минуту, он уже сидел в кресле, обмытый и забинтованный искусными руками доктора Лепсиуса. Доктор внимательно изучил его со всех сторон, оглядел его огромные пальцы с железными ногтями, здоровенные ребра и задал вопрос, неожиданный для толстяка:

— Вы рентгенизировались у Бентровато, мистер Бэр?

— Верно. Откуда вы это знаете?

— Как не знать! Это было в тот день, когда с вами вместе рентгенизировали... как его?! Ах, черт побери, небольшой человек, похожий на пьяницу и с подагрическими руками... Да ну же!

— Профессор Хизертон! — перебил его фруктовщик довольным тоном. — Как же, как же! Важная птица! Из-за него меня даже не пустили в приемную, как будто можно не пустить фруктовщика Бэра с Линкольн-Плас! Я, разумеется, вошел и не очень-то понравился этому человечку. Да и признаюсь вам, он был прав, что прятался от соседей. Будь я на его месте, я бы выбрал себе пещеру и сидел в ней наподобие крота целые сутки.

— Как вы странно говорите о профессоре Хизертоне! — возразил Лепсиус. Он был с виду спокоен, но три ступеньки, ведущие ему под нос, дрожали, как у ищейки. — Для чего бы ему прятаться?

— Ну, уж об этом пусть вам докладывает, кто хочет. Я держу язык за зубами. Спросите на Линкольн-Плас о фруктовщике Бэре, и вам всякий скажет, что он умеет хранить секреты. Не из таковских, чтоб звонить в колокол.

— Похвальное качество, — кисло заметил Лепсиус, складывая в хрустальную чашу со спиртом свои хирургические орудия, — ценное качество во всяком ремесле. Вы, кажется, торгуете фруктами, мистер Бэр?

— Кажется! — воскликнул толстяк. — Да вы бы лучше сказали о Шекспире, что он к а ж е т с я писал драмы! Весь Нью-Йорк знает фрукты Бэра! Все 5-е Авеню кушает фрукты Бэра. Моим именем названа самая толстая груша, а вы говорите — кажется... Если у вас когда-нибудь таяло во рту, так это от моих груш, сэр.

— Не спорю, не спорю, мистер Бэр, я человек науки и держусь в стороне от всякой моды. Но признайтесь, что вы все-таки преувеличили качества своего товара.

Эти слова, произнесенные самым ласковым голосом, не на шутку взбесили толстяка. Он сжал кулаки и встал с места.

— Вот что, сэр, едемте ко мне. Я вас заставлю взять свои слова обратно. Вы отведаете по порядку все мои сорта, или же...

— Или же?

— Вы их проглотите!

С этими словами Бэр подбоченился и принял самую вызывающую позу. Доктор Лепсиус миролюбиво ударил его по плечу.

— Я не отказываюсь, добрейший мистер Бэр. Но чтоб угощение не было, так сказать, односторонним, разрешите мне прихватить с собой в автомобиль плетеную корзиночку...

Он подмигнул фруктовщику, и фруктовщик подмигнул ему ответно. Был вызван Тоби, которому было тоже подмигнуто, а Тоби в свою очередь подмигнул шоферу, укладывая в автомобиль корзину с бутылками. Шофер подмигнул самому себе, взявшись за рычаг, и доктор Лепсиус помчался с фруктовщиком Бэром на Линкольн-Плас, в великолепную фруктовую оранжерею Бэра.

Здесь было все, что только растет на земле, начиная с исландского моха и кончая кокосовым орехом. Бэр приказал поднести доктору на хрустальных тарелочках все образцы своего фруктового царства, а доктор в свою очередь велел раскупорить привезенные бутылочки.

Спустя два часа доктор Лепсиус и Бэр перешли на «ты».

— Я женю тебя, — говорил Бэр, обнимая Лепсиуса за талию и целуя его в металлические пуговицы, — ты хороший

человек. Я женю тебя на гранатовой груше.

— Не надо, — отвечал Лепсиус, вытирая слезы, — ты любишь профессора Хизертон! жени лучше Хизертон!

— Кто тебе сказал? К чорту Хизертон! Не омрачай настроения, пей! Я женю тебя на ананасной тыква!

Приятель снова обнялись и поцеловались. Но Лепсиус не мог скрыть слез, ручьем струившихся по его лицу. Тщетно новый друг собственноручно вытирал их ему папиросными бумажками, тщетно уговаривал его не плакать, доктор Лепсиус был безутешен. При виде такого отчаяния фруктовщик Бэр в неистовстве содрал с себя бинт и поклялся закончить самоубийством.

— Нне буду! — пролепетал доктор, удерживая слезы. — Не буду! Дорогой, старый дружище, обними меня. Скажи, что ты наденешь бинт. Скажи, что проклятый Хизертон... уйдет в пещере-ру!

— Подходящее место! — мрачно прорычал фруктовщик, прижимая к себе Лепсиуса. — Суди сам, куда еще спрятаться человеку, котор...

Он икнул, опустил голову на стол и закрыл глаза.

— Бэрочка! — теребил его Лепсиус. — Продолжай! Умоляю! Который — что?

— У котор... у которрого... туловище... — пробормотал фруктовщик и на этот раз захрапел как паровой котел.

Опьянение соскочило с доктора Лепсиуса, как не бывало. Он в бешенстве толкнул толстяка, разбил пустую бутылку и выбежал из оранжереи на воздух, сжимая кулаки.

— Ну погоди же, погоди же, погоди же! — бормотал он свирепо. — Я узнаю, почему ты переодевался! Почему ты шлялся ко мне, беспокоясь о судьбе раздавленного моряка! Почему ты рентгенизировался! Почему ты вселил ужас в этого остолопа! Почему ты зовешься профессором Хизертоном! И почему у тебя на руке эти суставы, суставы, суставчики, — чорт меня побери, если они не отвечают всем собранным мною симптомам!

ДЖИМ ДОЛЛАР

МЕСС МЕНД

ВЫП

ЧЕРНАЯ РУКА

7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1924

Глава тридцать седьмая

ТОРГОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ

— Вы слышали, что произошло на бирже?

— Нет, а что?

— Бегите, покупайте червонцы! Джэк Кресслинг стоит за соглашение с Россией!

— Кресслинг? Вы спятили, быть не может!

Но добрый знакомый махнул рукой и помчался распространять панику на всех перекрестках Бродвея.

В кожаной комнате биржи, куда допускались только денежные короли Америки, сидел Джэк Кресслинг, устремив серые глаза на кончик своей сигары, и говорил секретарю Конгресса:

— Вы дадите телеграмму об этом по всей линии. Гарвардский университет должен составить резолюцию. Общество распространении безобидных знаний — также. От имени негров необходимо организовать демонстрацию. Украсьте некоторые дома, предположим через каждые десять, траурными флагами.

— Позвольте, сэр, — почтительно перебил секретарь, — я не совсем вас понял, вы говорите о радостной или о печальной демонстрации?

Кресслинг поднял брови и презрительно оглядел его:

— Я провел на бирже торговое соглашение. Америка должна одеться в траур.

— Ага, — глубокомысленно произнес секретарь, покраснев как рак. В глубине души он ничего не понимал.

— Но часть интеллигенции, заметьте себе — часть, выразит свое удовлетворение. Она откроет подписку на поднесение ценного подарка вождям Советской Республики. Вы первый подпишетесь на тысячу долларов...

Секретарь Конгресса заерзал в кресле.

— Вздор, — сурово сказал Кресслинг, вынимая из кармана чековую книжку и бросая ее на стол, — проставьте здесь необходимые цифры, я подписался на каждом чеке. Пода-

рок уже готов. Это часы — символ труда и экономии. Озабочьтесь составлением письма с родственными чувствами, вставьте цитаты из Эммерсона и профессора Когана. Подарок должен быть послан от имени сочувствующих и поднесен через члена компартии, отправленного в Россию. Довольно, я утомился.

Секретарь выкатился из комнаты весь в поту. Ему нужно было снестись с Вашингтоном. В полном отчаянии он бросился с лестницы, гудевшей как улей. Большая зала биржи была набита битком. Черная доска то и дело вытиралась губкой. Цифры росли. Маленький человек с мелом в руке наносил на доску новые и новые кружочки. Правые эсеры честно предупредили Джэка Кресслинга, что готовят на него террористическое покушение в пять часов дня у левого подъезда биржи.

Виновник всей этой паники докурил сигару, встал и медленно спустился с лестницы. Внизу, в вестибюле, его ждали две борзых собаки и ящик с крокодилами. Он потрепал своих любимцев, взглянул на часы — без пяти пять — и кивнул головой лакею. Тот поднял брови и кивнул швейцару. Швейцар бросился на улицу и закричал громовым голосом:

— Машина для собак мистера Кресслинга!

К подъезду мягко подкатил лакированный итальянский автомобиль, обитый внутри лиловым шелком. Лакей приподнял за ошейник собак, они уселись на сиденьи, и шофер тронул рычаг.

— Машина для крокодилов мистера Кресслинга!

Тотчас же вслед за первым автомобилем к подъезду подкатил другой в виде щегольской каретки с центральным внутренним отоплением и бананами в кадках. Лакей со швейцаром внесли в него ящик с крокодилами, и автомобиль отбыл вслед за первым.

— Кобыла мистера Кресслинга!

Лучший конь Америки, знаменитая Эсмеральда, с белым пятном на груди, кусая мундштук и косясь карим глазом, протанцовала к подъезду, вырываясь из рук жокея. Шопот восхищения вырвался у публики. Даже биржевые маклера

забыли на минуту о своих делах. Полисмен, чистильщик сапог, газетчик, продавец папирос обступили подъезд, гогоча от восторга. Раздался треск киноаппарата,

В углублении между двумя нишами мрачного вида человек в мексиканском сомбреро и длинном черном плаще, перекинутом через плечо, сардонически скривил губы.

— Бутафория! — пробормотал он с ненавистью. — Я не могу жертвовать нашу последнюю бомбу на подобного шарлатана.

И завернувшись в складки плаща, он потряхнул длинными прядями волос, сунул бомбу обратно в карман и мрачно удалился к остановке омнибуса, где ему пришлось выдерживать множество любопытных взглядов, прежде чем он дождался вагона.

А Джэк Кресслинг лениво сунул ногу в стремя, оглянулся вокруг в ожидании бомбометателя, пожал плечами, и через секунду его статная фигура покоилась в седле, как отлитая из бронзы, а укрощенная Эсмерадда понеслась по Бродвей-стрит, мягко касаясь асфальта золотыми подковами.

В таможене наложили печать на великолепно упакованный ящик. Он был адресован в Петроград, товарищу Василеву, от целого ряда сочувствующих организаций. Дежурный полицейский пожимал плечами и недовольно бормотал себе в усы:

— Подумаешь, какие нежности! И без таможенного сбора, и без осмотра! Пари держу, что избиратели намнут бока не одному депутату за такую фантазию. Эх, Вашингтон, Вашингтон! — странный холодок прошел по его спине, и полицейский прервал свою речь, почувствовав на себе чью-то руку.

— Кто там? Какого чорта вы делаете в таможене, сэр?

Перед ним стоял невысокий человек в черной паре. Глаза у него были унылые, тоскующие, как у горького пьяницы, с неделю сидящего без водки. Левую руку он положил на плечо полицейскому. Холод снова прошел по спине таможенника. Он поглядел на незнакомца с непонятым ужасом.

— Вы были при упаковке, друг мой? — мягко спросил незнакомец, едва шевеля бескровными губами.

— С самого начала, сэр, — лихорадочно ответил полицейский, начиная дрожать как лист, — при мне заворачивали, бинтовали, зашили и запечатали.

— Никто не мешал упаковке? Не сунул туда письма или бумажки? Не заглядывал в пакет?

Голос незнакомца, задававшего эти вопросы, был тих и безразличен. Взгляд его, покоившийся на полицейском, совершенно невыразителен. Тем не менее ужас таможенника рос с каждой минутой, и зубы у него начали стучать друг о дружку:

— Не-не-не, сэр, никкого, никкаккой бумажки!

Незнакомец снял руку с его плеча, повернулся и исчез. Полицейский вынул платок и принялся утирать пот, холодными каплями скатывавшийся у него со лба.

— Что это с тобой случилось? — спросил другой таможенник, подходя к нему из-за тюка запечатанных пакетов. — Уж не хватил ли ты вместо виски бензину?

— Понниммаешь, —- тяжело ворочая языкам, ответил полицейский и оглянулся вокруг с выражением ужаса, — приходят сюда человек... такой какой-то человек... и спрашивает, спрашивает... погоди, дай вспомнить... странно! — прервал он себя и дико взглянул на товарища. — Я не пьян и не сплю, а вот убей меня, коли я помню, о чем он такое спрашивал.

Глава тридцать восьмая

СНОВА В ПЕТРОГРАДЕ

Мисс Ортон сидела перед техником Сорроу, сложив руки на коленях и устремив на него потемневшие глаза.

— Сорроу, вы хотите, чтоб я выполнила свою задачу не смотря на все, что случилось?

— Да что особенного случилось, Вивиан? — сурово ответил техник. — Мальчишка раскис, а у вас угрызение совести. Помните, что личные мотивы — это ваше частное дело. Тингсмастер положился на вас, и, коли я знаю толк в людях, вы не пойдете на попятный.

— Хорошо, — тихо сказала Вивиан, — но вы должны избавить меня от жизни в одной с ним комнате.

— Фокусы! — проворчал Сорроу. — Вы добьетесь того, что выдадите наших ребят этому проклятому Чиче.

— Сорроу! — тихо произнесла красавица.

Это было сказано без упрека, но таким голосом, что сердце старого техника сжалось. Он с силой махнул трубкой, выбил весь табак и забегал по комнате, испуская сердитые бормотания. Когда запас их истощился, Сорроу подпрыгнул, ударил себя в лоб и настежь раскрыл стеной шкаф, где у него висела одежда.,

— Слушайте-ка! — воскликнул он решительным голосом. — Не хотите быть Катей Ивановной — и не надо. Я сделаю вас матросом, их тут тьма-тьмущая. Берите это и переоденьтесь, да поскорей. Марш за ширму!

Он кинул мисс Ортон широчайшие панталоны, книзу расходившиеся колоколом, белую с синим куртку, матросскую шапочку и пару штиблет. Спустя минуту из-за ширмы вышел молодой и стройный матросик с каштановыми кудрями, выбивавшимися из-под берета.

— Так, — одобрил Сорроу, — теперь послушайте меня, Вивиан. Вы должны следить за каждым шагом Рокфеллера и не прозевать ни одной мелочи, иначе я попросту выдам нашего молодца советской власти. И без того уже у нас много

жертв. Поняли?

— Да, — ответил матросик.

— А теперь ведите меня в эту вашу комнату, куда Рокфеллер на заводе. Ведь вы, пари держу, и не подумали порыться у него в чемодане.

С этими словами Сорроу ваял фуражку и вышел из своего убежища в одном из грязных портовых переулков Петрограда. Он был сильно рассержен. И было за что. Виллингс, Лори и Нэд мотались без всякого дела, с головой, наполненной дребеденью, а эта женщина, свихнувшая их с толку, начинает церемониться с заговорщиком. Сорроу остался совершенно равнодушным к ее прелестям. Не будь Тингс-мастера и его наказов, он донес бы русским властям все, как оно есть. Так-то вернее, чем охотиться за целым заговором и, может быть, прозевать врага. Он быстро прошел несколько улиц, не оглядываясь на бежавшего за ним матросика. Выйдя на Мойку, он зашагал рядом с матросом и пропустил его вперед, в дверь общежития.

Вивиан вынула ключ, открыла комнату и ступила в нее со странным чувством. Сорроу взглянул на нее, покачал головой и первым долгом запер дверь на два оборота. Потом кинулся к чемодану Рокфеллера и, вынув маленькую лупу, оглядел его.

— Так и есть, наша работа, — пробормотал он с улыбкой, — видите тут две буквы «м. м.». Теперь глядите! — он провел ногтем по невидимой полоске над замочной скважиной, и чемодан тотчас же раскрылся без единого звука. Вивиан подошла поближе. Сорроу перебирал пакеты. Белье, мыло, бритва, воротнички, носки, платки, галстуки... А это что? Эге!

У Сорроу вырвалось восклицание. Перед ним были две инструкции фашистов и голубой шарик в конверте. Он прочитал их буква за буквой, сложил и кинул на прежнее место. Вивиан стояла рядом с ним, бледная как смерть, неотступно глядя на шарик.

— Вот вам и угрызение совести, — спокойно произнес Сорроу, поднося шарик к носу и двигая ноздрями, как охотничья собака. — Пока вы сочиняете всякие романы, он вас

отправит на тот свет не хуже, чем полевого грызуна. Это страшный яд, насколько я смыслю в химии. Эго мурра теккота, выжимка из южно-африканского корня. Две-три секунды — и все готово, а лицо покойника искажается до неузнаваемости...

— Мурра теккота! — воскликнула Вивиан. — Так назвал аптекарь яд, убивший мою мать.

Сорроу посмотрел на нее с состраданием. Вивиан была бледнее смерти, губы ее дрожали, глаза уставились на голубой шарик в совершенном безумии.

— Успокойтесь! — повелительно сказал он, трясая ее за плечо. — Сядьте! Тот или не тот, — яд предназначен для вас. Они пронюхали, кто вы, и хотят вас убить. Если вы будете неосторожны, они вас сметут с пути, как соломинку.

Вивиан провела рукой по лицу и стиснула зубы с такой силой, что они скрипнули.

— Этак вот лучше, чем падать в обморок, — одобрил ее Сорроу. — Поищите-ка в ящиках его стола.

Но, прежде чем Вивиан выдвинула ящик, ухо Сорроу, шевельнувшееся, как у собаки, уловило странный шум в стене. Тотчас же он схватил мисс Ортон за руку, потянул ее вниз, и оба притаились под письменным столом, сдерживая дыхание.

Шум повторился. Стена тихо раздвинулась и оттуда протянулась рука в черной перчатке. Прошло мгновение, другое, третье. Рука шарилась по столу, потом раздалось тихое восклицание, и черные пальцы исчезли, мелькнув в воздухе. Сорроу поднялся, как только звуки за стеной замерли. Он был серьезен. На письменном столе, где шарили пальцы, ничего не оказалось.

— Вот что, дитя, — сказал он шопотом, наклоняясь к Вивиан, — ждите меня тут и, если не дождетесь, бегите в ближайший милицейский участок, требуйте, чтоб вас повели в Совет и расскажите все дело. Я попробую забраться в ихнюю нору.

С этими словами он вынул тонкую стальную полоску и начал тихонько ударять ею в разные места стены. Ударив, он подносил ее к ушам, подобно камертону. Это длилось не-

долго. Нашупав местечко, Сорроу вытащил темный кристалл, сверкнувший у него в руке острым блеском. Бивиян видела, как стена медленно расступилась, уступая блеску этого кристалла. У нее заболели глаза, она сомкнула ресницы, а когда открыла их, Сорроу уже не было в комнате, и на месте черного отверстия опять возвышалась гладкая стена.

Между тем Сорроу, вошедший в узкий и сырой проход, надел на глаза темные очки и, осторожно орудуя кристаллом, стал пробираться вперед. Раза два подошвы его шаркнули о каменные плиты. Тогда он поднял их одну за другой и натер все тем же кристаллом, судорожно гримасничая, словно прикосновение этого камушка причиняло ему острую боль. Теперь шаги его были беззвучны и ловки, словно он шел по воде. Шагов через сто проход круто поворачивал вниз и заканчивался черной нишей, сквозь которую падали слабые пятна света. Здесь Сорроу остановился и еще раз полез в карман. Он вынул баночку с мазью и зеркало. Мазью методически растер себе руки, лицо и шею, зеркало укрепил между стенными кирпичами, подперев его снизу гвоздиком, и затем навел на него острый огонек кристалла.

Тотчас же с зеркалом сделалось нечто необычайное. Темная масса стены за ним стала просвечивать через цинковую пластинку. Потом и эта масса начала высветляться, опрозрачиваться, расходиться, как облако, и в квадрате зеркала, словно в открытом иллюминаторе, перед взором Сорроу открылась комната с круглым столом и висячей лампой над нею. Вокруг стола сидело несколько человек. Но Сорроу не видел их — зеркало оказалось слишком маленьким, оно охватило лишь круг стола и восемь пар человеческих рук, лежавших на этом столе. Руки слабо жестикулировали. Все они были в длинных черных перчатках. Сорроу поднес кристалл к уху и потерял им его, судорожно дергая мускулами от боли. Тотчас же слух его утончился до необычайных пределов. Он слышал дыхание мисс Ортон в покинутой им комнате; он слышал дыхание восьми человек, сидевших за столом. Каждое их слово отдавалось ему в мозг.

— Первая почта придет завтра, в Токсовский лес. До это-

го мы не можем ничего предпринять, — сказал один голос на чистом английском языке, — мы не можем предупредить Чиче о наших подозрениях.

— А до тех пор Рокфеллер окончательно изменит, — вмешался другой, — я только что от него. Он получил наши инструкции и не оставил никакого ответа, я обшарил весь стол.

— Не успел! — примирительно произнес третий. — Ваши подозрения ни на чем не основаны.

— Как! А его поведение на заводе, его бегство от нас, его молчание по поводу этой женщины! Он отлынивает, клянусь жизнью!

— Подождем еще сутки.

— Не ждите ни минуты!

— Нет, подождем сутки. Не забывайте, господа, что мы не могли наладить ни радио, ни телефона, ни телеграфа. Эти большевики хитрее, чем мы думали. Мы бессильны на их земле. Тут нет ни одной пяди, даже в Токсовском лесу, где можно было бы не опасаться сюрпризов.

— Тем более опасен Рокфеллер!

— Не забудьте, господа, что документы Василова у него. Не забудьте, что Чиче ему доверился. Наконец, нельзя же с первого дня во всем видеть измену.

— На голосование!

Руки в черных перчатках радиусами легли на стол.

— За смерть Рокфеллера!

Поднялись две руки.

— За суточную проверку!

Поднялось шесть рук.

— Я скажу еще одно, — вмешался глухой и гортанный голос, которого до сих пор Сорроу не слышал. — Эта женщина — лучший наш помощник. Сегодня она убежала от Рокфеллера, опасаясь, что он раскрыл ее тайну. Чем убирать ее с дороги, поступим экономно.

— То есть, как это?

— Дадим ей съесть Рокфеллера! — произнес глухой голос с таким страшным прищелкиванием зубов, что у Сорроу похолодела кровь. Наступило молчание.

— Он прав, — тихо поддержал кто-то, — пусть женщина мстит. Они сэберегут нашу энергию, уничтожив друг друга.

— А теперь...

Сорроу увидел, как восемь рук в черных перчатках скрестились друг с дружкой в зловещем узоре, похожем на квадрат свастики. Лица приблизились к столу. Сорроу во мгновение ока схватил зеркало и передвинул его по оси, вглядываясь в сияющий круг. Что это? Сорроу задрожал всем телом. Вот первое лицо человека с черными руками, второе, третье, — великий боже, что это значит?!

Перед оцепеневшим Сорроу мелькнуло восемь лиц, похожих друг на друга, как две капли воды. И все эти лица были... лицами Артура Рокфеллера!

Глава тридцать девятая

ПОХОЖДЕНИЯ МАТРОСА

— Эй ты, клёшник, куда бежишь? — крикнула бойкая торговка подсолнухами вдогонку молодому матросику, со всех ног мчавшемуся по направлению к гавани.

Но матрос, не останавливаясь, пробежал дальше. Он походил на сумасшедшего. Лицо его было искажено ужасом, каштановые локоны трепались за плечами. Изредка он вглядывался в клочок бумаги, зажатый у него в кулаке, и бежал дальше. Но вот матрос остановился, оглянулся, схватился за голову и помчался назад. На перекрестке он опять оглянулся, впился глазами в клочок бумаги и издал восклицание ужаса.

Улицы перед ним и улицы, план которых он держал перед собой, были не схожи. Вот тут, по плану, надо повернуть налево, а поворота нет. Здесь по плану должна быть церковь, а вместо нее перед матросом — мрачный извозничий двор. А главное — гавани нет и помину, и как о ней спросить по-русски — он не знает.

В полном отчаянии матросик закрыл лицо руками и опустился на тумбу.

— Наклюкался, клёшник, — сказал кто-то грубым голосом и толкнул его в спину. Вивиан, так как это была она, не шелохнулась. Грубый голос перешел в хохот и вдруг пробормотал по-английски:

— погоди, погоди, скоро придет конец и тебе, и твоему флоту!

Вздвогнув, Вивиан чуть приоткрыла глаза и в щелку между пальцами поглядела на говорившего. Это был высокий старик с клюкой и в нищенском одеянии. На глазах у него были искусственные бельма, которые он поднял сейчас на лоб, совсем как очки. Рядом с ним шла грязная горбатая нищенка с седыми бровями и сверкающими черными глазами.

— Осторожней, граф, — сказала она шопотом, — может быть, этот мальчишка понимает по-английски.

— Если и понимает, так не сейчас. Он пьян! — насмешливо возразил старик, спустил свои бельма на глаза и зашагал вместе с нищенкой дальше.

Вивиан вскочила с места. Она не долго задумывалась над тем, что ей делать: Сорроу послал ее разыскать Лена и Виллингса, но Вивиан заблудилась. Спрашивать дорогу она не может. А здесь перед ней нечто поважнее, чем поручение Сорроу. Надо выследить этих нищих, выследить их во что бы то ни стало!

Матросик спустил берет на лицо, сунул руки в карманы и пьяной походкой стал пробираться вдоль стен, не выпуская из виду парочку нищих. Они шли, ковыляя и изредка затягивая гнусавую песню, по самым безлюдным закоулкам Петрограда. Раза два одинокий прохожий протягивал им милостыню, и оба раза зоркие глаза Вивиан отмечали, что это не были деньги. Один раз нищий зашел в пивную, а горбатая старуха осталась ждать его у входа.

Тогда матросик тоже остановился, спрятавшись за тумбу, оклеенную объявлениями, и притворяясь мертвецки пьяным. Вивиан была уверена, что ее не заметили. Старик и старуха опять пустились в путь, не оборачиваясь в ее сторону, и на этот раз они не стали просить милостыню, а делали самые ужасные зигзаги, обходя черные дворы, прошмыгивая подъезды, перелезая пустынные заборы. Матросик с ловкостью акробата перелезал и прыгал вслед за ними, пока не заметил странной вещи: все эти кружения вели на Мойка-стрит, к тому самому дому, где находилось их общежитие.

«Странно! — подумала Вивиан. — Неужели они из шайки Чиче? Я слежу их до самого входа, а потом забегу к Сорроу, чтоб рассказать обо всем и снова взять адрес Лори».

Как кончились ее намерения, мы узнаем через несколько строк, а теперь воротимся на пол-версты назад, к той самой тумбе, на которую села Вивиан, когда она убедилась, что потеряла дорогу. Внимание ее было обращено на старого нищего, и внимание нищего было обращено на матросика. Ни один из них поэтому не слышал странного шоро-

ха, доносившегося из железного котла, стоявшего среди улицы и предназначенного для варки асфальта.

Шорох был явственный и походил на драку. Трое взрослых мужчин вцепились друг другу в волосы с похвальными намерениями соблюсти дисциплину.

— Ни с места! Сорроу не велел! — шептал один, тузя другого.

— Сам ни с места, и тебе не велел! — рычал другой.

— Никому не велел, — шипел третий, наваливаясь на обоих, державших его за ноги свободными руками.

— Уф, мы опрокинем котел! — вырвалось у первого. — Черти, дайте отдышаться. Ай, она уходит, уходит, уходит!

В ту же минуту из котла показались три всклоченных головы, и на мостовую один за другим выпрыгнули Лори, Виллингс и Нэд.

— Она уходит! — простонал Лори, глядя вслед удаляющемуся матросику. — Братцы! Сорроу не велел нам заговаривать с ней на улице, чтоб не испортить дела. Но он ничего не говорил насчет прогулки. Понимаете?

— Ладно, не дураки, — ответил, ухмыльнувшись, Виллингс, — кому это помешает, скажите, пожалуйста, если мы проводим ее до дому, деликатно, разумеется!

Они взяли друг друга под руки, нахлобучили шапки, и осторожно направились по стопам кудрявого матросика, держась теневой стороны улицы.

Некоторое время они шли молча, останавливаясь, когда останавливалась Вивиан. Но перемахнув в двух местах через заборы и миновав чью-то черную лестницу, Нэд шепнул товарищам:

— Ребята, дело пахнет перцем. Мисс Ортон охотится за этими двумя нищими, что идут впереди. Не подпортить бы нам всю историю.

— Глядите, она зашла им за спину! Ай, что это такое?

Все трое схватили друг друга за руки и уставились, как сумасшедшие, на странную сцену: Вивиан, дойдя до стены красного дома, подкараулила старика и горбунью, шмыгнувших в подворотню. Но в ту же секунду каменная плита под ней дрогнула и, прежде чем она успела вскрикнуть, чер-

ное отверстие образовалось в стене, длинная черная рука схватила ее за кушак, и через секунду на улице уже не было ни матросика, ни отверстия.

Лори с проклятием кинулся к стене, забарабанив в нее кулаками.

— Ослы! Идиоты! Собаки! — кричал он в отчаянии. — О чем мы думали! Мы не сумели даже спасти ее от гибели!

— Лори! — вскричал Виллингс, — Не ори! Еще не все пропало. Смотри-ка, это Мойка-стрит, 81, здесь, в этом самом доме она и жила. Пойдем-ка, спросим швейцариху, разыщем кого-нибудь!

И все трое, как безумные, кинулись в подъезд.

— Мистрисс Василова? — заорал Виллингс, ухватив привратника за плечо. Тот молча указал наверх. Они побежали по лестнице, перепрыгивая через ступени.

Глава сороковая

ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПУТЫВАЕТСЯ

Сорроу застонал и посмотрел на часы. Мисс Ортон должна была бы вернуться. Ей сказано — мчаться во весь дух. Он лежал за ширмой на ее кровати и грыз себе губы от невыносимой боли. Глаза, лицо, руки, шея ныли от незаметных ожогов, все тело горело, как исколотое иголками. Временами терпение его иссякало, и он начинал стонать, содрогаясь всеми членами.

— Сорок, пятьдесят, шестьдесят минут... час с четвертью... Чорт возьми!

Тррах! — в дверь стукнули что есть силы, потом распахнули ее, и в комнату вместо Вивиан влетели Лори, Виллингс и Нэд. Они оглянулись во все стороны, заметили Сорроу и бросились к нему, отчаянно жестикулируя.

— Она-таки нашла вас! — судорожно проговорил Сорроу. — Ребята, вы должны вытащить меня отсюда и доставить домой. Я плох, очень плох.

— Мисс Ортон погибла! Она провалилась! В стену! — закричали все трое в один голос, не проявляя ни малейшего беспокойства по поводу здоровья их патрона.

— Кто провалился? С ума вы сошли? — сердито простонал Сорроу.

Но они продолжали, перебивая друг друга, кричать одно и то же до тех пор, пока Сорроу не запустил в Нэда подушкой, а в Лори табакеркой.

— Виллингс, валяй, в чем дело, — проговорил он, морщась от боли, куда Лори и Нэд подбирали вещественные доказательства его гнева.

— Провалилась, Сорроу, ребята не врут, — мрачно начал Виллингс. Он описал по порядку сидение Вивиан на тумбе, сцену с нищими, двойную слезку и роковое исчезновение в стену.

— Заблудилась-таки, — задумчиво молвил Сорроу, — а на что ей понадобилось отслеживать нищих — ясно из конца

этой истории. Вот что, друзья мои. Хныкать сейчас не время. Я напал на след черной шайки и знаю, что мне делать. Каждая секунда дорога. Ты, Нэд, лети сейчас я аптеку за китовым жиром. Ты, Виллингс, отправляйся за извозчиком, чтоб вывезти меня во-свояси, а тебе, Лори, нужно остаться со мной, чтоб послушать слова два...

— Но мисс Ортон, мисс Ортон! — завопили все трое в один голос.

— Молчать и слушаться! — крикнул Сорроу, и на этот раз Нэд и Виллингс повиновались ему.

Лори подошел к кровати и сел, понурившись, у его изголовья.

— Лори, — начал Сорроу, гримасничая от боли, — я обжег себя чуть не до смерти. Я нарушил запрет Тингсмастера и пустил в ход кристалл радионатрия. Мне, видишь ли, надо было разглядеть через стену этих молодчиков. Я их видел. Восемь штук, Лори, один к одному, и все загримированы под Рокфеллера... Но кристалл здорово меня прожег... Ох, китовый жир! Хоть бы поскорей китового жиру!

— Сейчас, Сорроу, — успокоительно пробормотал Лори, — я тебя слушаю, докапчивай.

— Заговорщики не верят Рокфеллеру. Они, пожалуй, уберут его, как только захватят документы. Завтра у них совещание в Токсовском лесу, запомни, — Токсовский лес, — тебе придется обшмыгать этот лес вдоль и поперек... Ох!

Сорроу издал нечеловеческий вопль и опрокинулся на подушку, потеряв сознание.

— А мисс Ортон? — вырвалось у Лори. Это было, впрочем, последним эгоистическим возгласом с его стороны. Нэд прибежал с банкой китового жира, Виллингс привел извозчика. Втроем они растерли несчастного Сорроу и перенесли его вниз. Он не пришел в себя ни от долгой тряски по мостовой, ни от забот русского доктора, разысканного по соседству.

Наступила ночь, а Сорроу попрежнему лежал без сознания. Виллингс, Нэд и Лори, сидевшие у его изголовья, взглянули наконец друг другу в глаза. Это уже не были прежние ребята, беспечные, как суслики. Страшная ответственность

обрушилась на их плечи. Лори, самый младший, казался теперь старше всех. Он проговорил шопотом:

— Первое дело, надо телеграфировать Мику. Он должен получить телеграмму скорей, чем письмо, посланное с Мак-Кинлеем и Бьюти. Ты, Виллингс, возьмишь на себя обработку телеграфиста.

Виллингс кивнул головой, сунул руку в карман и вынул жетон, украшенный таинственными значками и буквами, — это был почетный значок Союза телеграфистов.

— Тебе, Нэд, — произнес Лори дрогнувшим голосом, — я поручаю заботу о мисс Ортон. Сторожи у дверей и у стены, где она скрылась, а также предупреди Рокфеллера. Шепни ему, что несчастную убрали, что его ждет та же участь и что ему будет лучше во всем признаться советской власти.

— Ладно, — коротко ответил Нэд, — а что будешь делать ты?

Лори положил руки в карманы и кивнул головой на стену. Там висела огромная карта Петрограда и его окрестностей. Красными кружками были отмечены производственные пункты, синими — административные.

— Мне в эту ночь предстоит хорошенькая прогулка за город, ребята. Вон там, видите, ветка Финляндской железной дороги и конечный пункт — Токсово. Зеленая полоса повыше — это лес. А коли вы вспомните, что мосты, машины, вагоны всего этого района вышли от наших ребят в Светоне и Миддльтоуне, то, ей-ей, поверите мне, что я буду там не хуже, чем дома.

— Ладно, Лори, — еще раз ответил Нэд, — бедняга Сорроу сомневался в нас. Пришла, видно, минута разубедить старичину. За дело!

Все трое пожали друг другу руки, усадили у постели больного сиделку и быстро, один за другим, канули в белую петроградскую ночь, похожую на огромный, наброшенный на город саван.

Виллингс держал путь на ближайшую телеграфную станцию. Дежурный телеграфист, рыжий юноша с пером за ухом, при свете лампочки дочитывал переводный роман про человека-обязью. Он вздрогнул, когда чья-то мохнатая го-

лова вынырнула в окошко и голос, непохожий на русский, произнес:

— Пст! Оэ!

— Что вам нужно? — крикнул он в ответ.

Мохнач покачал головой в знак непонимания. Он глядел в глаза рыжему юноше с большой убедительностью и сунул ему под самый нос магический жетон Союза телеграфистов.

— Вы иностранец? — недоверчиво спросил юноша.

Виллингс подумал с минуту и вдруг хлопнул себя по лбу. И не останавливаясь, скороговоркой, он принялся произносить на всех языках, европейских, азиатских и африканских — «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Ага, это другое дело, — произнес телеграфист с улыбкой. — Теперь, камерад, я готов вам служить и по своей профессии. Ну-ка, валяйте, в чем дело?

Виллингс сунул ему бланк с телеграммой, начинающейся двумя заветными буквами «м. м.». И спустя минуту весть обо всем происшедшем побежала к Микаэлю Тингсмастеру, объединяя всех телеграфистов обоих полушарий.

Между тем Над сбегал кой-куда, пошевелил магическими кружочками долларов в кармане и к самому утру был смугл как эфиоп. Черный, грязный парик свисал ему на горбатый нос, лицо изрядно перепачкано ваксой, рубаха вываляна в керосине и скипидаре. В таком виде он преспокойно стал возле самого подъезда № 81 на Мойка-стрит и развесил на гвоздиках многочисленное добро: шнурки для сапог, щетки, резинки, подметки, стельки. А внизу, на табуретке, разместил целую серию банок с сапожной ваксой. Для ушей раннего прохожего, поспешавшего на службу, Нэд изредка затягивал гортанным голосом песню своего родного края, звучавшую приблизительно так:

Азер-азер-азер-бей-джан!
Тотайшвили! Эриван!

Глава сорок первая

ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТУ

— Том Топс! — крикнул редактор «Иллюстрированной нью-йоркской газеты». — Том Топс!

— Я, сэр.

— Знаю, что вы! Уверен, что вы! Только мне теперь нужны большевистские комиссары, а не вы, сударь. Понимаете?

— Очень понимаю, сэр.

— На чорта мне далось ваше понимание, наххал! — проскрежетал зубами редактор. — Я держу вас и плачу вам деньги не для понимания! Весь номер посвящен Советской России, три статьи о торговом соглашении, восемь — о съезде психиатров, и ни одной советской иллюстрации!

— Иллюстрации есть, сэр! Собачка лорда Сесилия в кабриолете президента, новый туалет принцессы Монако, чайный сервиз, приобретенный мистером Кресслингом за сорок тысяч долларов, и сбор шишек в штате Висконсине.

— Вы издеваетесь надо мной! Говорят вам, ни одной иллюстрации по существу дела! Я пропал! Меня засмеют! Социалисты расторгнут всю свою лавочку, а мы сядем на мель! И все из-за вас! Не могли вы, чорт вас побери, достать хоть какого-нибудь комиссара, хоть в три-четверти, в пол-оборота, хоть задом-наперед, наконец!

— Ни слова больше, сэр! — воскликнул Том Топс, вставая с места и хватая свой фотографический аппарат. — Вы подали мне идею, которая даст блестящие результаты! Ждите, сэр... Ждите меня в редакции!

С этими словами Топс выбежал на улицу и, как безумный, понесся в автомобильный гараж.

Спустя минуту человек двадцать шоферов окружило его, наперебой хватая Тома Топса за рукава и за пуговицы.

— Десять долларов, — кричал один, высокий и длинноносый, — я вам говорю, за такую спину, как моя, другой отвалил бы и двадцать!

— И у меня в самый раз! — внушительно твердил его сосед, тыча Топсу в глаза тыловую сторону своего тела, — я согласен за восемь, коли на то пошло. Восемь, ни на один цент не меньше!

Том Топс успокоил разыгравшиеся страсти, щедро пообещав каждому столько, сколько он хочет, и приступил к подготовительной работе по размалевке автомобилей.

Поздно вечером редактор и Топс лихорадочно сидели в цинкографии, пробуя многочисленные оттиски и обсуждая, с привлечением к делу наборщиков, важный вопрос о том, какую фамилию проставить под каждой из фотографий.

А на следующее утро деловые нью-йоркцы с удовольствием разворачивали богатейший номер «Иллюстрированной газеты». В ней было все, чего только жаждет человеческое любопытство.

МИСТЕР И МИСТРИСС ЛЕНИНЫ НА ЗАГОРОДНОЙ ПРОГУЛКЕ

Снимок собственного корреспондента! Огромный автомобиль с серпом и молотом на лакированном кузове и дюжиной красных флагов, болтающихся с обеих сторон, совершенно закрывая сидоков, мчался вдоль огородов, спиной к зрителю, развив предельную скорость.

МИСТЕР ЧИЧЕРИН ПРИВЕТСТВУЕТ ПРИБЫТИЕ АМЕРИКАНСКОГО ПАРОХОДА!

Прямехонько перед самым носом настоящего американского парохода стояла статная фигура в цилиндре, поворотив к зрителю величественную спину.

Далее шла несколько менее внушительная спина — м и с т е р а Б у х а р и н а, обменивавшегося рукопожатием с собственным корреспондентом «Иллюстрированной нью-йоркской газеты», в котором читатели могли без труда узнать юного Тома Топса, и еще несколько спин в разных накланах и под разными наименованиями.

В этот день тираж «Иллюстрированной газеты» превзошел все ожидания. На углах, площадях, перекрестках, в трамваях, толкая друг друга, дамы, мужчины, отроки, мальчишки и даже карманные воры с увлечением покупали газету, одни на свои собственные деньги, другие — на деньги, в поте лица добытые из чужого кармана.

К вечеру давка стала еще ужасней, так как пронесся слух, что номер запрещен. Редактор потирал руки. Том Топс заболел от возбуждения. Бостонские клерикалы открыто запрашивали у правительства, неужели оно не понимает оскорбительного намека, брошенного советскими комиссарами Американским Соединенным Штатам?

— Почему... — так запрашивали клерикалы. — Почему все они поворотились к нам задом?!

На деревообделочном в Миддлтоуне царило не меньшее волнение. Вокруг белокурого гиганта, орудовавшего рубанком, столпились рабочие, только что прочитавшие газету.

— Тингсмастер, — сказал один, ударив его по плечу, — штучка-то пойдет в Петроград раньше срока!

— Наделает она делов, — подмигнул другой, давясь от хохота, — читайте-ка, братцы, передовую.

Газета пошла гулять по рукам, покуда не дошла до лучшего грамотея, возвысившего голос на всю мастерскую.

«Два события, — так начиналась передовица, — знаменуют собою торжество науки и торговли, — это соглашение с Россией и съезд психиатров в Петрограде, куда мы посылаем лучших представителей медицины. Надо надеяться, что наши пищевые продукты неспроста завоевывают себе путь в Республику Советов одновременно с нашей медициной. Всем известно и ни для кого не секрет, что врачебная помощь поставлена в Америке на невиданную высоту, а статистический подсчет недавно обнаружил, что на каждый ресторан у нас имеется по три лечебницы и по 1758 вольнопрактикующих врачей. Граждане, покупайте пилюли “Антигастрит” д-ра Поммера!»

— Подожди-ка, это что ты читаешь? — перебил Микаэль Тингсмастер. — Пропусти, брат, малую толику и держи пониже.

Грамотей пропустил столбец и при одобрительных кликах «ага» прочитал следующее:

«В означенный день утром состоится торжественное заседание Петросовета, причем в дар русским комиссарам от группы американцев, проводшей соглашение, будут поднесены роскошные часы в эбеновом футляре. Вечером того же дня состоится открытие съезда психиатров, в присутствии научных делегатов всего мира, а также властей и наших граждан, находящихся по случаю соглашения в Петрограде».

— Чорт возьми! — вырвалось у деревообделочников, когда они вдоволь нахохотались. — А мы тут сиди у станка, да жди известий.

Они нехотя разбрелись по своим местам, и в этот день Джэк Кресслинг потерпел несомненный убыток, так как работа не клеилась даже под руками самого Тингсмастера.

В обеденный перерыв все рассыпались по домам. Мик не дошел до порога деревянного домика, как зоркие глаза его усмотрели необычайную картину.

Его стряпуха, повязанная платком до самого носа, энергически отмахивалась от объятий большущего белого пса, а вокруг нее вертелся толстый капитан Мак-Кинлей, в тщетной надежде пожать ей руку.

— Бьюти, Мак-Кинлей! — заорал Тингсмастер во всю силу своих легких и кинулся к домику.

Спустя десять минут, когда белый ком раза четыре перемахнул через голову своего хозяина, попутно облизывая ему нос и щеки, а потом блаженно оцепенел, уткнув морду ему в ладонь, Мак-Кинлей добился, наконец, ответного рукопожатия от стряпухи и отдуваясь сказал Тингсмастеру:

— Сорроу вам кланяется, Мик. Дела идут как по маслу. Лори, Нэд и Виллинг тоже там. Бьюти прибыла на «Торпед» вот с этим лоскутом от Биска, да еще с письмом гене-

ральному прокурору Иллинойса, которое я послал по адресу. Берите-ка его копию.

Подобного спича Мак-Кинлей не произносил, будучи честным ирландцем, еще ни разу в жизни. Речь его ограничивалась до сих пор чисто-евангельским «да, да» и «нет, нет» с прибавлением коротенького словечка «водки!».

Понятно поэтому, что он совершенно обессилел и упал бы на руки к стряпухе, если б эта последняя не вынесла ему порядочного шкальчика, к которому дважды приложилась по пути, в целях проверки его содержимого.

— Мы люди бедные, но честные, сэр, — произнесла она твердо, глотнув из шкальчика в третий раз, — мы не поднесем гостю не то что вина, а и простой воды, не дознавшись, — голт, голт, — хорошо ли, — голт, — она пахнет, сэр!

Мак-Кинлей предпочел бы, повидимому, обойтись без этой вежливости. Пока он доканчивал шкальчик, к Тингсмастеру бегом подлетел миддльтоунский телеграфист и, оглянувшись по сторонам, шепнул:

— Менд-месс!

— Месс-менд, — ответил Мик, — что случилось?

— Деша, Мик, — тревожно ответил телеграфист и сунул ему в руку бумажку, где в торжественном стиле Виллингса извещалось о гибели мисс Ортон, болезни Сорроу и возможном провале всего их дела.

Тингсмастер дважды перечитал записку и задумался, прикусив губы. Широкие голубые глаза его взглянули вниз, на Бьюти, и, внезапно решившись, он взял собаку за ошейник.

— Дело-то ухудшилось, Мак-Кинлей, — сказал он ирландцу, вытиравшему себе губы, — дайте знать на завод, что я свалился в лихорадке. А мы с Бьюти — (собака бешено забила хвостом), — мы с Бьюти пустимся по горячему следу, и не будь я Тингсмастер, если я не сцапаю его за глотку, этого самого Грегорио Чиче!

Глава сорок вторая

РОКФЕЛЛЕР В ДЕЙСТВИИ

Второй день на Путиловском заводе пришел к концу. Боль в сердце Артура утихла. Он на десять лет вырос за эти сутки, и всякому, кто поглядел бы сейчас на эти сжатые губы, чистый лоб и внимательные глаза, стало бы ясно, что Рокфеллер нашел свою линию поведения.

Он кончил работу, простился с товарищами, и мотоцикл доставил его домой. Но как не походило сегодняшнее возвращение на вчерашнее! Комната была темна, не убрана, неудобна. Кровать Кати Ивановны смята и холодна. Его собственная не раскрыта. На столе ни следа — ни чая, ни ужина. Засветив электричество, Рокфеллер сделал несколько кругов по комнате и бросился на кровать в твердом намерении бодрствовать. Но усталость и непонятная сонливость сломили его. Несколько мгновений он сохранил еще способность чувствовать, и ему казалось, что длинные черные руки, как пауки, обшаривают его тело. Потом все провалилось в черную дыру беспамятства.

Прошло много времени, прежде чем он снова открыл глаза. Голова его кружилась, и, вскочив с кровати, он почувствовал себя дурно. Сколько времени он спал? Часы остановились. За окном — дождливый июньский день. Рокфеллер ощупал свои карманы и вытащил бумажник с документами. Все было цело, но смято, перевернуто, переложено в другие отделения. В его бумагах хозяйничали.

Он схватил кэпи и выбежал на улицу, чтоб узнать, который час. Чистильщик сапог, сидевший у парадного, покосился на него из-под мохнатых черных бровей.

— Добрый человек, который час? — машинально спросил его Рокфеллер по-английски.

— Четыре часа, сэр, — ответил чистильщик сапог, как ни в чем не бывало, — ведь вы только что вернулись из своей поездки.

— Я только что вернулся? Я спал!

— Ну, не знаю, может быть, вы спите в ходячем и сидячем положении, мистер Рокфеллер. Только я видел вас сию минуту выпрыгивающим из автомобиля.

Рокфеллер пристально поглядел на чистильщика сапог и поставил ему свою ногу:

— Займитесь-ка этим делом, — сказал он шопотом, — и если вы не мой враг, сообщите, кто вы такой и откуда вы меня знаете.

— Хорошие сапожки, — с чувством ответил Нэд, — сейчас видно, что сделаны по заказу на Бродвее. Да и вы сами человек с выдержкой. Вот мы их сейчас малость пообчистим. Откуда я вас знаю, сэр? Я из той самой партии, которая подставила вам красавицу-женку, вот я кто.

— И вы видели меня выходящим из автомобиля?

— Потихе, сударь! Пожалуйте-ка левую ногу. Фашисты вами не очень-то довольны. Их восемь штук, сэр, и все они загримированы под вас.

Артур вздрогнул и издал невольное восклицание.

— Коли у вас мозоли, сэр, — внушительно произнес чистильщик, поплеывая на щетку, — вам бы лучше носить парусиновую обувь. Берегитесь их. Они уберут вас так же, как убрали вашу жену.

— Где она? Что с ней сделали? — отрывисто вырвалось у Артура.

— Теперь суконка — и готово. Красавицу заточили в подземелье этого дома, сэр. Лучше бы вам притвориться по-прежнему ихним, — ах, что за товар, тонкий товар, — а не то выдать их советской власти.

— Сколько с меня следует? — спросил Рокфеллер, вынимая бумажник.

— Сколько дадите, сэр.

— Вот, добрый человек, спрячьте это! Оно будет сохраннее у вас. Боюсь, что загримированные под меня люди будут этим пользоваться в своих целях.

— Правильно. Доброго вечера, сэр, — ответил Нэд, мельком взглянув на протянутые ему документы и опуская их в карман, — я сижу тут с утра и до вечера. Чуть-что, — мои щетки в вашем полком распоряжении.

И чистильщик затянул унылую национальную песню, выразительно подмигнув Рокфеллеру.

Артур поднялся к себе наверх, забыв, что ему надо пообедать. Он понял, что фашисты угадали его душевное состояние. Без сомнения, они воспользовались утром его документами, и кто-то, загримированный под него, ездил в его автомобиле. Что ему делать?

Первым его побуждением было — отдать все свои бумаги человеку, выдавшему себя за чистильщика сапог. Он враг фашистов и сторонник рабочих, он сумеет воспользоваться ими хотя бы для того, чтоб выдать мнимого товарища Василова. Все это хорошо, но дальше?

Почему он не борется, не едет к Реброву, не выдает себя сам? Почему он не бросает фашистам открытого вызова?

Артур Рокфеллер честно заглянул в себя и решил, что у него есть еще один невыполненный долг,

— Кто бы она ни была, — пробормотал он решительно, — она попалась им в лапы по моей милости. Возясь с моей особой, она погубила себя. Может быть, они уже прибегли к голубому шарiku... Ах, черт!

И уравновешенный, флегматичный Артур Рокфеллер внезапно схватил со стола пресс-папье и со всей силой заколотил им об стену.

Все было тихо в комнате, на стук не отозвалось ни души, глазок над карнизом был замкнут.

— Господа фашисты! — во весь голос крикнул Рокфеллер и забарабанил в стену кулаками. — Отзовитесь, или я буду стрелять! Меня обокрали, обокрали, обокрали! У меня украдены документы и деньги!

В ту же минуту возле письменного стола открылась стенная отдушина, и в нее показалась черная маска.

— Послушайте! — крикнул Артур Рокфеллер, поднимая кулак к самому ее носу. — Это нечестно с вашей стороны! Это предательство! Синьор Грегорио Чиче уполномочил меня на ответственную работу, а вы не можете даже оберечь меня от неприятностей! Вы подставляете мне какую-то женщину, которая выкрала все ваши деньги и инструкции, прежде чем я успел их прочитать! Вы ни о чем меня не преду-

преждаете! Вы не оказываете мне никакой помощи! И, наконец, вы не являетесь ко мне и оставляете меня одного!

— В чем дело? — спросила маска глуховатым голосом. Тон его показался Рокфеллеру удивленным.

— Вот в чем дело, — раздражительно крикнул он, — вчера я заснул, не найдя от вас никакого письма, и, должно быть, эта женщина подсунула мне ночью сонный порошок. Я спал до трех часов! Я только что вышел пообедать, вынимаю бумажник — и не нахожу ни документов, ни долларов.

— Документы исчезли? — воскликнула маска.

— Говорю же я вам, что они украдены! Чорт меня побери, если я не пожалуюсь на вас Чиче! Это называется — вести дела! Ни один мой клерк не станет так разгильдяйничать, как это сделали вы! Уж не подкуплены ли вы, чего доброго, этой разбойничьей республикой?! Сию минуту ведите меня к вашему главарю!

Черная маска исчезла на секунду. Потом отверстие удлинилось, пара длинных рук в черных перчатках потянула в него Рокфеллера, и не успел он ступить в темный и узкий проход, как на лицо ему накинули что-то мягкое, связали ему руки и повлекли за собой по ступеням в колодец, шедший вниз бесконечными, кружащимися зигзагами.

Прошло минут пять, десять, двенадцать. Ступени прекратились. Ослепительный свет полился на Артура Рокфеллера. В ту же секунду с него сорвали повязку, он поднял глаза и вскрикнул от неожиданности.

ДЖИМ ДОЛЛАР
МЕСС МЕНД

ВЫП

ГЕНИЙ

СЫСКА

8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1924

Глава сорок третья

ЗЕРКАЛЬНАЯ ПЫТКА

Перед ним была темная комната, слабо освещенная зеленой лампочкой. На деревянном столбе, туго завязанная веревками, висела мнимая Катя Ивановна в костюме матроса, свесив на грудь голову с рассыпавшимися каштановыми кудрями. Несколько человек, с лицами Артура Рокфеллера, повернули к нему головы.

— Что означает этот маскарад? — крикнул он с досадой, незаметно ослабив веревки, стягивавшие ему кисти. — Какого чорта вы не посвящаете меня в дело? Я ставленник Чиче, как и вы сами! Я намерен жаловаться!

— Сядьте, Артур Рокфеллер, — сухо ответил металлический голос. В ту же минуту к нему подкатили кресло, и несколько рук усадили его.

— На что вы жалуетесь?

Рокфеллер тайком оглянул комнату и, сдвинув локти, нащупал в кармане револьвер. Они были в каменном помещении, похожем на склеп или на винный погреб. Ничего похожего на выход, кроме лестницы, с которой его притащили. Ничего похожего на окно, кроме узенького отверстия в каменной стене, плотно закрытого решеткой.

— Вы не считаетесь со мной, — раздражительно начал он, — я не знаю, что мне делать! Не знаю, кто эта женщина, — он кивнул головой в сторону пленницы, — не знаю, кто выкрал у меня документы.

— Когда вы заметили покражу?

— Только сейчас! Я был в ресторане, вынимаю бумажник и...

— Когда вы были в ресторане?

— Да говорю же вам, — только что!

— Вы лжете! — перебил его тот же голос, и мужчина, выше всех остальных ростом, подошел к решетчатому окошку. Он указал Рокфеллеру на передвижное зеркальце, нажал кнопку и снял решетку с окна. В зеркале тотчас же отра-

зился полукруг Мойки-стрит с уходящей направо и налево набережной.

— Вы лжете, — повторил он, — наш часовой день и ночь сидит у этого окна. Вы не выходили сегодня из дому.

Артур бегло посмотрел на окно и пожал плечами. Он убедился, что подъезд не отражается в зеркале и что фашисты не могли видеть ни его, ни чистильщика сапог.

— Это только доказывает, — ответил он хладнокровно, — что вы следите за мной, как за врагом. Очень рад, что вы не отрицаете моего главного обвинения.

Человек с металлическим голосом улыбнулся.

— Превосходно, Артур Рокфеллер, — проговорил он насмешливо, — вы упорствуете в занятой вами позиции. Нам ничего не остается, как поверить вам.

Он хлопнул в ладоши. Один из заgrimированных подошел к стене и стал поворачивать какой-то рычаг. Глаза Вибиан Ортон, следившие за всем происходящим, сверкнули в лицо Артуру, с чем-то, похожим на предостережение.

Высокий человек продолжал:

— Итак, Артур Рокфеллер, вы лишились документов, — вы не знаете, кто эта женщина. Вы не получали наших инструкций. Очень хорошо. Вы должны согласиться с нами в том, что ее надо допросить. К сожалению, она проявила редкое упорство и отказалась назвать нам свое имя и пославших ее людей. Вы разрешите приступить к принудительному допросу?

И прежде чем Артур мог ответить, он еще раз хлопнул в ладоши. В ту же минуту сверху сползли вдоль стен комнаты десятки длинных зеркал, соединившихся своими ребрами в плотный многогранник. Каменные плиты пола с шумом разошлись и спрятались в стену, обнажив круглую стеклянную платформу. Сотни лампочек зажглись огненным ожерельем вдоль стен и потолка. И все это сразу сдвинулось, медленно вращаясь вокруг своей оси. Стены ползли слева направо, потолки крутились вокруг точки купола, полы двигались справа налево, и вся зеркальная комната наполнилась несметным множеством одинаковых людей. Они кишели в стенах, наверху, внизу. Они были обращены

к Рокфеллеру в профиль, лицом, спиной, они бежали по потолку, они стояли головой вниз в зеркальном полу, причиняя ему острую дурноту. Он хотел побежать — и потерял равновесие, сделал два шага и закрыл глаза, чувствуя себя внезапно заболевшим морской болезнью.

Между тем движение зеркал становилось все быстрее и быстрее. Уже давно все заговорщики, кроме одного, спрятались на лестницу, оставив свистящие зеркальные многогранники мчаться с двумя одинокими мужчинами, — Артуром, стоявшим закрыв глаза, и высоким человеком, двумя руками державшим голову Вивиан Ортон. Он не давал ее векам упасть на глаза. Несчастная глядела на зеркальное крушение, побледнев как смерть, с приступами невыносимой дурноты. Еще секунда, и в зрачках ее сверкнуло безумие.

— Имя! — крикнул ей в уши высокий человек.

Вивиан стиснула зубы.

— Хорошо! — угрожающе промолвил он и кивнул на лестницу. Тотчас же раздался легкий свист. Столб с пленницей стал вращаться в обратную сторону, а в зеркалах отразились тысячи игл, обращенных остриями к глазам пленницы. Веки ее судорожно затрепетали, но человек оттянул их на лоб и, вынув шарики, вкатил их ей в глаза, укрепив веки над глазными яблоками.

Между тем Рокфеллер снова открыл глаза. Перед ним несметным полчищем, справа, снизу, сбоку проносились все одна и та же картина: несчастная девушка, привязанная к столбу, с обезумевшими глазами, и черный человек с тысячей игл, направленных а ее зрачки.

Артур рванул и высвободил руки, схватил револьвер, и в ту же секунду тысячи тысяч людей вокруг него выхватили револьверы. Страшное исступление овладело им, волосы стали дыбом, и в припадке невыносимого ужаса он разрядил револьвер в черных двойников раз — два — три — четыре!

Раздался треск зеркал и дикий человеческий крик. Лампы потухли. Зеркала остановились. У его ног лежал убитый фашист.

В ту же минуту в комнату кинулись загримированные, схватили упавшее тело и вытащили его на лестницу. С резким стуком упала железная дверь.

Медленно приходя в себя, Рокфеллер обвел глазами комнату. Он убил человека! Перед ним на столбе висела Вивиан со вздутыми веками над стеклянными глазами. Она была без сознания. Он кинулся к ней, разрывая веревки руками и зубами, снял ее безжизненное тело, усадил в кресло. Он вынул шарики из ее распухших век, гладил ей голову, называл ее всеми ласковыми именами, какие только могут прийти на язык женоненавистнику, как вдруг, подняв глаза к потолку, он вскрикнул. Там загорелось странное белесоватое пятно, и в ту же минуту все члены Артура сковала непреодолимая сонливость. Зевнув так, что хрустнули кости, он затрепетал, склонил голову на плечо спасенной им женщины и через секунду погрузился в непробудный сон.

Глава сорок четвертая

ТОКСОВСКИЙ ЛЕС

Последний поезд на Токсово, пограничный пункт Финляндской железной дороги, отходил поздно ночью. Сотня женщин с пустыми ведрами из-под молока ринулась в вагоны, гогоча, как гусиное стадо. Мало кто мог протиснуться в их гущу, не вызвав целого дождя крепких ругательств. Поэтому три дачника в темных дождевых макинтошах и низко надвинутых на глаза фетровых шляпах предпочли остановиться в проходе, нерешительно перешептываясь между собой на чужом для женщин языке.

— Динь-динь-динь, третий звонок!

Колеса звякнули под вагонами, поезд пополз от станции, вдруг на перроне раздались отчаянные вопли.

Красивый белобрысый финн в национальном костюме, с огромной трубкой в зубах, со всех ног мчался вдогонку поезду. Он размахивал руками, выл, не вынимая трубки из рта, и подпрыгивал, как кенгуру.

Женщины столпились у окон, помирая с хохоту.

— Эй, ты! — кричали они ему. — Сюда, сюда! Прыгай в окно!

Финн подпрыгнул еще раз, гримасничая, и вцепился в ступеньку последнего вагона. Тогда белобрысое лицо его расплылось в улыбку, и он прошел через весь вагон, раскланиваясь на радостях со всеми пассажирами.

Белая июньская ночь напоминала день. Придурковатый финн самодовольно оглядывал каждого пассажира, пыхтя своей трубкой, и шел себе из вагона в вагон, всюду вызывая улыбки. Наконец, он добрался до того вагона, где стояли три дачника. Здесь на него напал приступ самого беспричинного веселья, и, подмигнув двум краснощеким молодкам, он повалился прямехонько между ними, с грохотом опрокидывая пустые жестянки.

Соседки наградили его несколькими щипками.

— А-ля-ляй! — во всю глотку заорал финн, что, как из-

вестно, может означать любую фразу, смотря по вашему выбору.

Не прошло и минуты, как в вагоне установилось самое непринужденное веселье, выражавшееся в громком сморкании, щипках и полете жестянок. Наградив каждую соседку игривым тумаком, финн вынул из кармана бутылку пива, выбил пробку и осушил ее одним взмахом.

— Это как раз нужный нам человек, — шепнул по-английски один дачник другому, — смерть Франсуа ставит нас в безвыходное положение. Ведь он не успел даже сообщить нам план этого леса!

— Во всяком случае будь осторожен, — шепнул другой.

Поезд между тем шел и шел. Мимо тянулись мрачные отроги Токсовского хребта. В открытые окна лил запах можжевельника и сосны. Далеко за ночь показались, наконец, бледные огни станции.

Финн быстро выскочил, и дачники видели в окно, как он приятельски раскланивался с доброй сотней приезжих. Потом он зажег свою трубочку и быстро зашагал к Токсовскому лесу, во все легкие горланя песню:

А-ля-ляй-кен,
Ойнен, ляйкен!
А-ля-ляй!

Три дачника переглянулись между собой и бросились вдогонку парню. Один из них ударил его по плечу, другой сунул к самому его носу круглую золотую монету.

Финн вытаращил глаза,

— Финляндия, Финлянд, Хельсинки! — бормотал дачник, кивая в сторону леса. — Не понимает, собака! Вот тебе монета и еще вторая в придачу! — он повернул финна лицом к лесу и поощрительно толкнул его в спину.

Тот, однакоже, не сдвинулся с места, покуда обещанные монеты не перешли в его руки. Тогда он сунул их себе за щеки, чмокнул языком и быстро зашагал к лесу.

Итти было сыро и страшно. Нога то и дело проваливалась в болото. Из лесу пронзительно кричала сова, а в дуп-

лах старых сосен светились древесные гнилушки, пугая наших путешественников своим зеленоватым блеском. Парень неумоимо прыгал с кочки на кочку, куда впереди, среди туманных болотных испарений, не зачернели проволочные ограждения. Это была граница.

— А-ля-ляй! — отрывисто сказал финн, указывая туда пальцем. Потом беспечно повернулся и запрыгал по кочкам обратно.

Дачники, не говоря ни слова, провожали его глазами, куда он не исчез за поворотом. Тогда один из них вынул из кармана пищалку, и в воздухе раздался пронзительный свист коростеля. Раз — другой — третий. Минутное затишье. Потом опять свист... Вдалеке, едва слышно, засвистел кто-то в ответ. Дачники ждали, с напряжением вглядываясь в белую ночь. Из-за проволочных ограждений вынырнули две высоких серых фигуры и стали молча приближаться.

— Кто идет?

Подошедшие распахнули плащи. На груди их блеснул блестящий квадрат свастики.

Между тем финн, исчезнув за поворотом, нырнул в густые заросли черники и стал ползти в них, перекатываясь с места на место, как еж. Раза два он проваливался в болото, зачерпывая воротником не малую толику воды, но и не думал отряхиваться. Мокрый, испачканный, оклеенный мхом, он очутился прямехонько за сосной, где только что простился с дачниками. Здесь с быстротой белки он юркнул в дупло и стал смотреть в дырочку на происходящее.

Дачники уже переговаривали с двумя незнакомцами. Они заняты были сейчас укладыванием в карманы макинтошей небольших одинаковых пакетов. Когда это было сделано, высокий человек в сером плаще пробормотал:

— Я буду ждать знака. Вы выпустите голубя, если подкуп монтера удастся. Аэрэлектро должно быть в наших руках до поднесения часов и взрыва Петросовета.

— А Рокфеллер?

— Чиче сам явится в нужную минуту!

С этими словами две серых фигуры сделали прощальный знак рукой и исчезли за проволочными ограждениями. Не

дожидаясь дачников, финн выпрыгнул из дупла и понесся через лес с заячьей скоростью, шлепая со всего разбега по болотам и топям. Он добрался до молчаливой станции, пробрался на запасной путь, как молния юркнул за обшивку вагона и очутился в купе между уборной и топкой, не подлежащем оплате и сработанном ребятами с вагоностроительного. Здесь он утер пот, градом катившийся с лица, и пробормотал без малейшего недавнего акцента:

— Уж теперь-то Сорроу похвалит меня! Ей-ей он похвалит меня, не будь я Лори Лен, металлист!

Глава сорок пятая

МОНТЕР ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Техник Сорроу раскрыл глаза после пяти дней спячки. Кожа его покрылась белыми волдырями, боль утихла. Он выздоравливал.

Против его постели стояло три человека, поджидавших первого его взгляда. Один был черным и грязным чистильщиком сапог восточного типа, другой — белобрысым финном с трубочкой, а третий, самый солидный, горделиво носил на себе интернациональный жетон телеграфистов.

— Так что, Сорроу, мы в полной аммуниции и порядке, — произнес этот последний. — Ты, старичина, лежал пять суток.

— Ну? — вопросительно вырвалось у Сорроу. — Виллингс, выкладывай начистоту. Как дела? Где заговорщики?

— Мы, Сорроу, докатили дело до самой точки, — выразительно ответил Виллингс, — ребята орудовали под предлогом национальных меньшинств, а я прошелся насчет Интернационала. Принимай отчет!

С этими словами он положил на одеяло расписку от телеграммы Тингсмастеру и отошел малость в сторону, уступив свое место Нэду.

Чистильщик сапог прочистил горло, сунул в руку Сорроу документы Василовы и важно произнес:

— Я остерег Рокфеллера. Коли они его не уколошили, он вызовет мисс Ортон. А заговорщики, Сорроу, шмыгают теперь во множестве, все как один под его лицо.

Теперь пришла очередь финна; он вынул изо рта трубку и торжественно заговорил:

— Я, Сорроу, был ихним проводником до самой финляндской границы в Токсовском лесу — даром что изучил местность вот по этой карте, не отходя от нее ни на ярд. Могу тебе сказать, что они затевают разные фокусы с динамитом и сильно хотят подкупить монтера Аэрэлектро.

Сорроу оглядел всех трех с довольной гримасой, сбил одеяло в комок и меньше чем через пять минут был на ногах.

— Лори, баночки с гримировкой!

Лори Лен тотчас же принес ему ящик с красками.

— Ну-ка, усаживайтесь все трое, рядом, чтоб мне не раздывать вас поштучно!

Лори, Виллингс и Нэд уселись на скамейку, в недоумении глядя на Сорроу.

Тот обмакнул тряпку в воду, раз-два — сорвал с Лори белобрысые усы и брови, с Нэда весь восточный гарнитур, а потом прошелся по ним мокрой тряпкой. Покончив с нею, он взял кисть, три белокурых парика, щипцы для носа и прочие тайны гримировки и стал быстро орудовать над всеми тремя молодцами, промазывая их с полной равномерностью и беспристрастием. Спустя полчаса перед ним было три молодых человека, отделанных не без таланта под несчастного Артура Рокфеллера,

— Выделка, можно сказать, без тонкости, хромовая, — произнес Сорроу, любуясь делом своих рук, — ну, да хватит с нас и этого. Лори, есть у нас приличная одёжа?

— На одного джентельмена, Сорроу, вон там в шкафу.

Сорроу вынул новую черную пару, штиблеты, цилиндр, галстук, перчатки и тросточку и поглядел на все это критическим оком.

— Не беда, братцы, — произнес он решительно, — поделите-ка одного джентельмена на троих, сойдет и так.

Не прошло и минуты, как Виллингс щеголял в отличном смокинге, Нэд — в щегольских брюках, а Лори — в цилиндре, лакированных штиблетах, перчатках и с тросточкой.

— Честное слово, — сказал Сорроу, — вы сойдете, куда ни шло! А теперь нате-ка эти документы!

Он дал Лори рекомендательное письмо на имя Василова, Нэду — удостоверение на имя Василов, а Виллингсу — партийный билет на имя Василов и серьезным голосом произнес:

— Слушайте меня с толком, ребята. Динамита я не боюсь. Все эти штучки со взрывами — дело наших заводов. Един-

ственно, чего нам надо бояться, это несчастья с монтером. Поняли? Сейчас еще рано. Вряд ли фашисты полезут к нему с такого часу. А поэтому, братцы, возьмите-ка на себя небольшую работишку, отправляйтесь на Аэрэлектро и потолкуйте с монтером от имени Василова...

— О чем это? — с изумлением спросил Лори.

— Ну, да как о чем, — подмигнул Сорроу, — натурально насчет подкупа. Так и так, говорите ему, не продаст ли он за приличную валюту советскую власть и не отвинтит ли там перед вами каких-нибудь винтиков.

— Сорроу, ты спятил! — вырвалось у Виллинга.

— И не думал, — спокойно ответил Сорроу, — оно, конечно, первому из вас не миновать тюрьмы, а вы пустите второго. При умелой дипломатии можно рассчитывать, что и второго упекут, тогда в самый раз выйти третьему.

— Да на кой чорт? — простонал Нэд.

— А на тот чорт, дурья твоя башка, что уже четвертому-то Василону они и говорить не дадут, — понял?

Ребята переглянулись и, расхохотавшись, полезли было целовать Сорроу, но тот увернулся как раз во-время, чтоб сберечь драгоценную гримировку на лицах товарищей.

Станция Аэрэлектро была самым укрепленным пунктом города. Монтер, заведывающий электрификацией пространства, день и ночь оставался на ней, лишенный, как римский папа, права выхода на другую территорию. Белые аэропланы беспрерывно прорезывали небо, сторожа гигантские электроприемники. При первой же вести об опасности, колоссальный рычаг, с передаточной силой на двадцативерстную цепь из железных переключателей, должен был выбросить на высоту тысячи метров над Петроградом огненную броню электричества. Одновременно с этим весь город выключался из сети и погружался в абсолютную темноту.

Внизу, у ворот станция, стоял взвод часовых, сменявшихся каждые полчаса.

Не успел только что назначенный на смену отряд промаршировать, салютуя своим заместителям, на отдых, в казармы, как на площади появился вертлявый молодой человек в цилиндре и с тросточкой. Он подвигался вперед все-

ми своими конечностями, забирая туловище, елико возможно, внутрь, от чего скверный пиджачишко и заплатанные брюки совершенно стушевывались перед наблюдателем.

— Я коммунист Василев, — проговорил он отрывисто и бросил документ в лицо дежурному, — мне нужно немедленно видеть монтера!

Документ был прочитан и принят, а Василев препровожден в первый дворик, куда он пробежал, помахивая перчатками.

Пройдены, не без затруднений, все заставы.

Приемная станция Аэрэлектрo. Монтер, седой человек с неподвижным и строгим лицом, вышел к посетителю.

— Товарищ... а? Вы говорите по-английски?

— Да, — ответил монтер.

— Я пришел... э... по поручению одной державы. Монтер, знаете вы курс доллара? Какого вы мнения о курсе великолепного доллара?

Монтер с изумлением уставился на странного человека.

— Полно дурака валять! — примирительно произнес человек в цилиндре и схватил монтера за плечо. — Испорти всю эту музыку! Держава не поскупится! Тысяча миллиардов... Раз-два!

Монтер свистнул и крикнул подбежавшему отряду хранителей станции:

— Душевнобольной или преступник! В тюремное отделение станции!

Молодого человека подхватили подмышки и, хотя он и делал неоднократные попытки кусаться и плевать, немедленно водворили в общую камеру станционной тюрьмы.

Спустя полчаса взвод часовых, чинно стоявших у входа на станцию, был заменен новым. Он отсалютовал пришедшим, взял ружья наперевес и стройно отмаршировал в казармы.

— Кха, кха! — раздался заискивающий кашель, и к новому взводу подошел человек, горделиво выпятивший живот. Он был в великолепном смокинге, и каждый зритель невольно останавливал взор свой на импозантной фигуре джентльмена, что давало ему возможность держать обе но-

ги в рваных сапогах далеко позади всего прочего корпуса.

— Товарищи! Я коммунист Василов. Вот мой документ. Ведите меня к монтеру! — важно и с расстановкой произнес смокинг.

Ворота были открыты, и джентльмен устремил туда свой передний корпус с таким проворством, что обе ноги едва не были оставлены за быстро захлопнувшимися воротами.

Седовласый монтер не без досады вышел ко второму посетителю. Он вздрогнул, когда увидел его разительное сходство с первым. Но удивление его перешло в оторопь, когда посетитель поманил его пальцем и сказал таинственным тоном:

— Монтер, иди сюда! Иди, брат! Я к тебе по знатному делу. Не можешь ли ты, того, за хороший миллион долларов отвинтить мне пару-другую приемников? Мы собираемся с одной дружественной державой метнуть сюда бомбочку... А?

Спустя десять минут он уже барахтался в общей камере станционной тюрьмы, пугая сторожей громоносным кудачаньем, похожим не то на рев, не то на хохот.

Между тем перед новым взводом часовых, расставляя ноги в виде циркуля и отогнув голову набок, как если б она была несущественным пакетом с покупкой, стоял молодой человек в блестящих бальных брюках. Он растопыривал их перед рослым часовым с большим достоинством, произнося в нос свою фамилию:

— Я коммунист Василов, вот мой документ. Я должен видеть монтера по государственному делу!

Получив пропуск, он поворотился вокруг своей оси и медленно прошел за ворота, ставя ноги носками внутрь и расширяя их диаметр, насколько это позволяла анатомия человеческого тела.

— Странно, — пробормотал монтер, увидя третьего посетителя.

— Друг, — сказал ему молодой человек в брюках, — предположи, что у тебя жена и дети. С одной стороны, жена, дети и триллион долларов, не каких-нибудь, а вашингтонских, заметь себе. С другой стороны, какая-то плёвая элек-

трификация. Поразмысли, дружище!

Заперев его в общую камеру, монтер вызвал по телефону дежурного.

— Алло! — сказал он отрывисто. — В городе появилась психическая эпидемия, если только это не заговор, — не сменяйтесь до вечера. Если появятся новые Василовы, хватайте их без всяких разговоров, обыскивайте и под конвоем препровождайте в станционную тюрьму.

Не успел дежурный повесить трубку, как перед взводом часовых остановился служебный автомобиль Путиловского завода и оттуда выпрыгнул стройный молодой человек в полной паре и прочих принадлежностях туалета.

— Я коммунист Василов, — вежливо произнес он, подходя к дежурному и поднимая два пальца к кепи, — вот просьба от заведывающего заводом...

Он не успел закончить, как несколько дюжих красноармейцев кинулись на него, связали по рукам и по ногам и обшарили его сверху донизу.

— Спрячь-ка это в будку, — сказал один, подавая дежурному странное стеклышко, отмычки, флакон с голубыми шариками и уродливый стальной инструмент.

Пойманный был взят за шиворот и под конвоем проведен в общую камеру станционной тюрьмы, где он вздрогнул и свирепо уставился на трех веселых молодчиков, ужасно похожих на него и залившихся при виде его неистовым гоготаньем.

Глава сорок шестая

БЛАГОДАРНЫЙ ОСЕЛ СОСЕДА

Жаркий полдень в штате Иллинойс, известном главным образом тем, что он принадлежит к Северному центру, — походил на жаркие полдни всяких других стран, не уступающих ему по части широты и долготы.

На террасе дачного коттеджа, под парусиновым балдахинном, сидел безмятежный старец, разбитый параличом. Два старых негра справа и слева отмахивали от него мух. На плече его сидел розовый попугай. На коленях лежала кошка, а у ног — ирландская сука с четырьмя сосунцами. Взор старца был устремлен на превосходный аквариум неподалеку от его кресла, наполненный всякими китайскими мокроподами, — излишняя особенность для рыб, и без того обитающих в мокром месте.

Язык старца, с трудом ворочавшийся, пришел в действие:

- Ккакк... мои шпороссятки? — спросил он у негра.
- Кушают, масса Мильки, благодарение богу.
- А ммоя жжабба?
- Опущена в колодец, масса Мильки.
- А ммоя дочь?

Но эта последняя не дала негру ответить, появившись на террасе в сопровождении гостя, проезжего депутата Пируэта.

— Вытрите папе нос! — сердито сказала она неграм и уселась в кресло, скрестив ножки. Депутат сел рядом с ней.

Молодая мисс Мильки была девицей пятидесяти трех лет. Коротенькое платьице лаун-теннис выгодно обтягивало ее формы, а рыжекудрый парик придавал ее зазорному личику еще большую пикантность.

— Не утешайте меня, дорогой мистер Пируэт! Я уверена, что сойду с ума! И чем скорей, тем лучше! — вырвалось у нее страдальческим шопотом.

— Но ваш милый папенька... — тревожно заметил Пируэт.

— О! Ему ни за что не дают отставки! После этого знаменитого дела они вцепились в него, как щипцами! И понимаете, дорогой мистер Пируэт, всю его корреспонденцию, все эти письма, жалобы, апелляции, интерpellации, все это должна читать я сама. В мои лучшие годы, когда другие танцуют, резвятся и... ах!.. встречаются с себе подобными, я должна сидеть над бумагами! — из пышной груди мисс Мильки вырвалось стенание.

— Но почему бы вам не взять секретаря?

Мисс Мильки устремила на депутата изумленный взор.

— Здесь, в Иллинойсе, секретаря! Дорогой мистер Пируэт, вы должны знать, что у нас легче купить железную дорогу, чем нанять секретаря! У нас нет здесь ни единой рабочей руки!

Депутат Пируэт взглянул на нее с ужасом.

— Ни единой! — энергично повторила она. — А когда перепадет к нам кой-какой польский эмигрантишка, — вы знаете, ведь иной раз они добираются до Иллинойса, — так его перехватывает эта собака, этот изверг, этот безумец, этот молодой Нерон и Навуходоносор, мистер Дот!

С этими словами мисс Мильки откинулась на спинку стула и затрепетала всем телом в нервной конвульсии.

— Скажите мне, кто такой мистер Дот? — нежно осведомился депутат, кладя свою руку на трепещущие пальцы несчастной мисс.

Долгое молчание было ответом. Наконец, собравшись с силами, она открыла глаза и глухо произнесла:

— Дот — это роковой человек, мистер Пируэт. Он виновник всех наших несчастий... Когда-нибудь, на досуге...

— Но я сегодня уезжаю! — испугом вырвалось у депутата.

— На досуге я расскажу вам страшную драму нашей жизни. А пока только одно слово: Дот — автор! Он автор гнусного фельетона о детективных талантах моего отца. Он автор прогремевшего интервью, в котором мой папенька... — мисс Мильки всхлинула... — мой папенька обзывается та-

кими... такими словами, что будто бы Шерлок Холмс и Нат Пинкертон перед ним трубочисты!

Не в силах продолжать разговора, мисс Мильки набросила на лицо кружевной платочек, как раз во-время, чтоб подхватить кусок штукатурки, упавший у нее из-под левого глаза.

Мистер Пируэт почувствовал себя заинтересованным. Он уже собрался сказать мисс Мильки, что согласен отложить свой отъезд, как со стороны проезжей дороги, огибавшей коттедж, раздались неистовые вопли.

— Стой! Стой! Стой! — вопил кто-то в бешенстве, размахивая дубиной и со всех ног летя за небольшим серым ослом, волочившим по дороге странную ношу.

Но осел, как это чаще всего бывает с ослами, выразил совершенно обратное намерение и, брыкнув своего преследователя, галопом понесся дальше.

Пальцы мисс Мильки вонзились в руку депутата. Очи мисс Мильки устремились на ослиного преследователя.

— Дот! — шепнула она лихорадочно. — Взгляните, этот ужасный Дот преследует своего осла... А осел... Великий боже, что такое он тащит?!. Дорогой Пируэт, держите меня за талию, я падаю, я умираю! Он тащит польского эмигранта!

Зрелище, разыгравшееся на шоссе, было все более и более катастрофическим. Дот, черноусый мужчина в соломенной шляпе и небрежном костюме фермера, мчался наперерез ослу, пытаясь загнать его в свой двор и осыпая его проклятиями. Но осел, неистово мыча, проскочил мимо него, сделал два-три поворота и, задрвав хвост, неожиданно для всех вдруг влетел во двор коттеджа мистера Мильки. Он пронесся прямехонько к креслу, где лежал параличный старец и замотал головой, силясь сбросить со своей шеи кушак, за который держалась его странная ноша,

— Ослик! — прошептал мистер Мильки, блаженно улыбаясь. — Подди сюда, ослик! Благодарный друг мой! Оселджентельммен!

Пока эти фразы срывались с языка старца, мисс Мильки и депутат энергично освобождали ослиную ношу. Это был

немолодой, бедно одетый и страшно изнуренный человек. На лице его лежала печать глубокого страдания,

— Вы наняты! Подпишите контракт! — визжала мисс Мильки в то время, как мистер Дот с проклятиями требовал назад своего осла, обещая снять с него кожу и сунуть ему под хвост горящую головню.

— Я польский эмигрант, — пробормотал бедняк, понурив голову, — я не имел силы идти пешком и привязал себя к этому доброму животному, пасшемся на лугу, в надежде, что он доведет меня до жилья.

— Вы приняты на место! — отчеканила мисс Мильки. — Здание, которое вы здесь видите, есть родовое поместье моего отца, генерального прокурора штата Иллинойс.

— Для эмигранта вы отлично владеете языком, — вмешался депутат, — как ваше имя, милейший?

Бедняк провел рукой по лицу,

— Меня зовут Павлом Туском.

Глава сорок седьмая

О ПРИЧИНАХ БЛАГОДАРНОГО ЧУВСТВА В ОСЛЕ

— Теперь, когда у вас есть секретарь, а я остался на лишние сутки, — неясно начал депутат Пируэт, сидя с мисс Мильки при луне на садовой скамейке, — теперь я хочу узнать от вас обо всех этих тайнах! И почему вашему папе не дают отставки, и почему этот Дот прославил его по всей Америке, и почему мистер Мильки назвал осла благодарным животным?

— Ах, — вздохнула мисс Мильки, — вы хотите взглянуть на дно моей души... Я согласна. Слушайте меня, дорогой мистер Пируэт, слушайте и исторгайте слезы!

Она поникла головой, собралась с духом и начала следующий рассказ, прерываемый частым кваканием жабы, хрюканием поросят и ночными стонами летучей мыши.

— Мы переселились сюда, когда папеньку разбил паралич, года два тому назад, сэр. Место это было глухое и мрачное, особенно для юного существа. Папаша чувствовал себя прекрасно, будучи любителем животных, а я должна была дни и ночи наблюдать за сельским хозяйством, в то время как в груди моей пели мелодии Шопенгауэра.

— Вы хотите сказать Шопена? — перебил ее депутат.

— Ну да, Шопена Гауэра, — поправилась мисс Мильки, — отец мой подал в отставку, и ее хотели уже принять, ждали только подходящую рабочую руку для его замены, что у нас в Иллинойсе, как я вам уже сказала, адски трудно. И вот в один прекрасный день прибегают к нам и говорят, что соседняя ферма куплена и что у нас скоро будет сосед, некий мистер Дот из Арканзаса. Я тотчас же взяла географическую книгу, сэр, и навела справку. Я узнала, что Арканзас лежит на юге и что тамошние уроженцы обладают горячим темпераментом. Ах, сэр, мучительное предчувствие охватило меня!.. Сосед приехал, и не прошло трех

дней, как он явился к нам с визитом.

Мисс Мильки прервала свой рассказ, прижав руку к сердцу. Депутат поощрительно налег на ее талию.

— Вообразите себе, сэр, высокого стройного мужчину с черными усами. Вообразите себе, с одной стороны, это пустынное сельскохозяйственное место и молодую беспомощную девушку, с другой — высокого мужчину с черными усами и горячим арканзасским темпераментом. То, чего я опасалась, свершилось: мистер Дот влюбился в меня с первого взгляда. Правда, он не признался мне в этом. Но его взгляды, его жесты были красноречивей слов. Стоило мне придвинуться к нему поближе, как он судорожно отталкивал меня от себя. Не успевала я войти в комнату, как он прекращал разговор с папенькой и хватался за шляпу. Если я глядела на него за столом, он не кушал; если я заболела и оставалась в своей комнате, он на целый день приходил к папеньке, видимо беспокоясь о моем здоровье. Это не могло так продолжаться, сэр. Я умею быть твердой, несмотря на всю свою молодость. Я написала мистеру Доту письмо с просьбой объясниться и прекратить излишние страдания, ставящие и меня и его в фальшивое положение...

Мистер Дот не ответил. Мало того, он прекратил бывать у нас и заперся на своей ферме в течение двух недель. Негры рассказывали, что в это время он вел образ жизни Нерона. Он пил один только алкоголь, сэр, жег целые груды навоза у себя на дворе и ходил купаться к пруду. Я поняла свой долг женщины. Из опасения его самоубийства, я накинула на себя легкий шарфик и при закате солнца пошла к нему, пренебрегая пустыми предрассудками.

Мистер Дот при виде меня издал восклицание, вскочил с места, сделал два шага и, как подкошенный, упал к моим ногам. Я скрыла свое торжество и положила обе руки на голову этого неистового человека. Я шепнула:

— Не надо объяснений! Идемте к папаше!

Но самолюбие мистера Дота оказалось до того болезненным, что он принялся отвергать очевидный факт и, словно ребенок, твердил, будто упал вследствие сломавшегося каблука и даже ухитрился показать мне этот каблук, сломан-

ный каким-то случайным образом. Кнут Гамсун, сэр, если только вы читали этого писателя, был знатоком подобного самолюбия в своих любовных романах. Я вспомнила их и не дала себя вовлечь в обман. Ласково улыбнувшись, я угрозила мистеру Доту пальчиком и назвала его «влюбленным безумцем». Ах, сэр, я не подозревала, что из этого выйдет. Мистер Дот схватил шапку и убежал в степь. Он скрывался в степи три дня, ночуя под открытым небом и питаясь зеленым горохом. На четвертый день он явился, ведя с собой небольшого серого осла.

Мисс Мильки вздохнула и утерла глаза.

— Надо вам сказать, сэр, что меня зовут в честь моей бабушки Юноной. И вот этот безумный арканзасец перестал кланяться и мне и моему папаше, найдя противоестественное удовлетворение своим страстям. Он назвал своего осла Юноной и целый день перед самой нашей террасой бил это животное дубинкой, улыбаясь улыбкой маркиза де Сада. Мой отец, как вы должно быть заметили, питает положительную нежность к животным обоого пола и всех видов. Не успела я опомниться, как он закачался на своем стуле и потребовал от меня подачи в суд на мистера Дота за истязание осла. Этого мало, сэр. Папаша раскачался до того, что велел нести себя на судебное разбирательство и сам произнес обвинительную речь. Если б вы только видели, что это было! Вся зала рыдала ручьем. Присяжные рыдали ручьем. Папенька был весь заплакан и не мог вытереться. Мистера Дота присудили к огромному штрафу. С тех самых пор, сэр, я жила под угрозой его мести. Некоторое время все было тихо, он куда-то уехал. Как вдруг ударила молния. Дот поместил в газетах статью о знаменитых способностях моего папаши. Отставку его отклонили, и с того дня, сэр, мы ежедневно получаем сотни писем о различных уголовных преступлениях, с просьбами их распутать... Что переживаю я над этими письмами, оскорбляющими мою невинность, — не поддается описанию!

Мисс Юнона Мильки вздохнула и прислонила головку к плечу депутата. Потом вскрикнула, как ужаленная, поцеловала его прямо в губы и, как легкая лань, умчалась в кот-

тедж.

Мистер Пируэт поспешно вытащил изо рта кусок упавшей туда штукатурки, оглянулся по сторонам и, как вор, пробрался в конюшню.

— Оседлайте моего коня! — шепнул он негру, энергично растолкав его ногой. — Я должен чуть свет добраться до Мичигана и не хочу тревожить хозяев!

Уже сидя на коне и отъехав за двадцать километров от коттеджа, депутат нашел в себе мужество обернуться и отправить по адресу Юноны прощальную речь.

— При создавшейся обстановке, — пробормотал он, — она замуровала бы меня штукатуркой в пять-шесть приемов. Хорош бы я был перед моими избирателями, наглухо замурованный, как какая-нибудь дверь! И хотел бы я знать, как мне удалось бы тогда агитировать против торгового соглашения с Россией!

Глава сорок восьмая

МОРЖ ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Не успели утренние лягушки проквакать гимн солнцу, как уже новый секретарь мистера Мильки появился на террасе и приступил к исполнению своих обязанностей. На столе кипой лежала корреспонденция, только что доставленная по адресу генерального прокурора.

Он механически вскрыл несколько конвертов, пробежал их и стал делать отметки в своей записной книжке. Павел Туск — человек аккуратный. Несмотря на странную печать безжизненности и омертвения, разлитую по всей его внешности, глаза Туска обличают высокую интеллигентность. Он дошел уже до половины своей работы, когда в руках у него очутился небольшой грязноватый конверт, пропитанный табачным дымом. Все с той же методичностью он вскрыл и этот конверт и погрузился было в чтение, как вдруг по лицу его разлилась краска, глаза сверкнули, как у сумасшедшего, мистер Туск вскочил с места и стал искать взглядом звонок. Надо сознаться, что манеры его отнюдь не походили на манеры должностного лица польско-эмигрантского происхождения. Негр, вынырнувший на его звонок, остановился в дверях как вкопанный.

— Эй, послушайте! — начальственным тоном произнес секретарь, держа в руках конверт, — Кто читал у вас до сих пор корреспонденцию мистера Мильки?

— Мисс Юнона, — пролепетал негр, выпуча на него глаза.

— Позовите ее сюда!

— Мисс Юнона принимает молочную ванну, — осмелился доложить негр.

— Позовите ее, когда она будет готова! — сказал секретарь и снова погрузился в письмо.

— Нолла, — сказал негр толстой негритянке, заведывавшей горничными мисс Юноны, — скажи молодой мисси, чтоб она вылезла из молока. Новый секретарь ждет — не

дождется ее появления, так и передай.

— Дурень, — ответила негритянка, — ты бы еще назвал молодой ту солонину, которую она отпускает нам на обед!

И подвязав себе чепчик, она пошла в ванную, где мисс Юнона Мильки мирно покоилась в молоке, к сомнительной пользе для себя, но к большому счастью для своих близких, ибо молоко, как известно, не отличается прозрачностью.

Мисс Юнона была сильно не в духе, но основной чертой этого стойкого характера было умение не сдаваться судьбе ни живой, ни мертвой.

— Ты говоришь, он уехал поздно ночью, не велел никого будить? — переспросила она у своей горничной, приготовившей в ступе бальзамическую смесь из сухого гелиотропа, пудры и различных замазок.

— Так оно и было, мисси, — словоохотливо ответила горничная, — конюх говорит, что он будто как плясал в ожидании лошади, вроде горячей кобылки, а потом перемахнул через седло, да и был таков.

— Вот что значит ревность, — задумчиво произнесла мисс Юнона, похрустывая в молоке суставами на манер кастаньет, — никогда не советую тебе, Доротея, рассказывать о своих обожателях новому поклоннику. Это ужасно как действует на их самолюбие.

Она помолчала минуты две и мечтательно произнесла, глядя на потолок:

— И мне не следовало при нем так радоваться появлению мистера Туска, совсем, совсем не следовало!

— Мистер Туск просит мисс Мильки выйти к нему как можно скорее, — запыхавшись произнесла Нолла, просунув в дверь черную голову, — он сказал Саму, а Сам мне, а я...

Мисс Мильки не дала ей закончить. Бросив торжествующий взгляд в сторону Доротеи, она рассекла млечные волны и вынырнула из них во весь свой рост наподобие Афродиты.

Спустя полчаса рыжая девушка в коротком платье задорно выбежала на террасу:

— Идемте завтракать, дорогой мистер Туск! Дела могут подождать! — вскричала она с пленительной наивностью и повисла на руке секретаря.

Но секретарь проявил необычайное упорство. Он посмотрел на нее проницательным взглядом, протянул ей конверт и сказал:

— Прочитайте письмо и постарайтесь вспомнить, куда вы дели предшествующее, на которое ссылается автор.

Мисс Мильки невольно подчинилась приказу секретаря. Она прочла следующее:

«Неизвестного происхождения, доставлено на собаке, прибывшей из Америки в Кронштадт, и послано адресату капитаном судна “Амелия” ирландцем Мак-Кинлеем».

Вслед за этими крупными каракулями, основательно сдобренными табачным дымом, шло письмо:

Генеральному прокурору штата Иллинойс.

Высокочтимый сэръ,

Если вы получили мое предыдущее письмо и вынули пакет из моего тайника, вам не безынтересно узнать продолжение рокфеллеровского дела. Я держу в руках все его нити. Я посажен в сумасшедший дом, откуда как нельзя лучше можно следить за главным преступником. Вы поймете меня, если потребуете освобождения из камеры 132

умалишенного

Роберта Друка».

Мисс Мильки нетерпеливо пожала плечами:

— Дорогой мистер Туск, он нисколько не скрывает, что он умалишенный. Я не могу понять, неужели можно придавать значение письмам сумасшедших.

— Но вы получили его первое письмо?

— Ах, какой вы неотступный! Вон в этом сундуке реши-

тельно все письма, полученные на имя папаши! Если хотите, берите и разбирайте их до самого дна!

Павел Туск именно так и сделал. Несмотря на депутацию из четырех негров, трижды призывавшую его завтракать, он засел над сундуком и просидел над ним с добрую половину дня. Все его поиски оказались тщетными. Ничего похожего на письмо Роберта Друка там не отыскалось. Тогда он проявил необычайную энергию: велел заложить лошадей и отвезти себя на соседнюю телеграфную станцию, откуда он протелеграфировал в Чикаго от имени генерального прокурора о немедленной высылке ему полного списка нью-йоркских сумасшедших домов. Затем он вернулся в коттедж и принялся сшивать в тетради деловые бумаги и письма.

Когда безмятежного старца после обеда выкатили на террасу, он подсел к нему с таким независимым видом, что в груди мисс Юоны шевельнулось страшное предчувствие: не ставленник ли это самого Дота.

— Любезный сэр, — сказал он старцу деловым тоном, — вы сильно запустили дела. Если разрешите, мы с вами съездим сегодня в город на сессию и дадим ход кое-каким из поступивших на ваше имя жалоб.

— Нне ссегодня, сэр! — жалобно простонал старец, бросая на своего секретаря беспомощный взгляд. — Ссегодня я а-адски занят!

— Масса Мильки ждет сегодня знаменитого моржа, сэр, — вмешался негр Сам, приходя на помощь своему господину.

— Моржа?

— Из Сан-Франциско, сэр. По газетному описанию!

— Ну да, — капризно вмешалась Юона, становясь в оппозицию к своевольному секретарю, — если мы нанимаем людей, мистер Туск, мы всегда задаем им вопросы, и они отвечают, а вовсе не наоборот!

— Что за морж из Сан-Франциско? — продолжал допытываться неумолимый секретарь отрывистым тоном.

— Морж! — истерически вскрикнула Юона. — Я прочитала папе в газете, что на берег в Сан-Франциско вышел

удивительный морж необычайной толщины и стал страшно лаять. Когда его захотели поймать, он кинулся на своих плавниках прямо в город, пробежал три улицы, залез в аптеку и едва не искусал аптекаря. Папаша, разумеется, захотел купить этого моржа, и мы выписали его от аптекаря наложенным платежом.

— Хорошо же вы занимаетесь государственными делами, мистер и мисс Мильки, — сурово отрезал секретарь, впевнив в обоих укоризненный взгляд. — Вот здесь в портфеле ждет очереди таинственное убийство вдовы полковника, похищение брильянтов у креолки, пропажа завещания на конторы в Чикаго, два-три дела не меньшей важности. Здесь лежит обвинительный акт против кокаиниста, восемь жалоб на истязание и изнасилование, четыреста неразобранных случаев шантажа и вымогательства, донос на акционерное общество по сплавке бревен вдоль реки Миссиссипи, извещение о поимке бежавшего банкрота с двумя миллиардами долларов и, наконец, анонимное письмо о подкупе депутата Пируэта князем Феофаном Оболенкиным, и вы ничего этого не читали и ни о чем этом не заботитесь. Негр! Подать мне перо, чернила, бумагу!

Сам выбежал из комнаты с трясущейся челюстью и через секунду доставил все необходимое.

— Мисс Мильки, пишите!

Неизвестно почему, но мисс Мильки покорно взяла перо и написала под диктовку секретаря следующее:

«Ввиду моего болезненного состояния, передаю все свои права по генеральной прокуратуре штата Иллинойс мистеру Павлу Туску».

— А теперь подпишитесь за отца!

Дрожащие пальцы мисс Мильки вывели подпись.

— Так! А теперь занимайтесь моржами, и чтоб вся корреспонденция до моего возвращения не была распечатана!

С этими словами секретарь схватил бумажку, кивнул мисс Мильки и ее отцу и быстро сошел с террасы, направляясь к конюшням.

— Узурпатор! — визгливо крикнула ему вслед мисс Мильки, раскинула руки по обе стороны корпуса, подобно двум веслам над утлой ладьей, и упала в обморок. Безмятежный старец сидел в кресле, глядя на нее с детским состраданием и тщетно вызывая к разбежавшимся неграм.

— Юнни, — произнес он с трудом, — джентльмен прав... Не плачь, Юнни!

Полежав с пять минут, Юнона пришла в себя, взглянула на отца странным помутившимся взором и удалилась к себе в комнату.

Павел Туск проскакал до станции и с экспрессом прикатил в город. Он энергично расследовал с десяток уголовных дел, произнес две речи, провел несколько приговоров, навестил двух-трех заключенных, пообещав им скорое окончание их дела, и кончил тем, что до чрезвычайности понравился судейской публике.

— Вот это так рабочая рука! — шептались у него за спиной, покуда он вел деловые разговоры своим отрывистым тоном.

Был уже вечер, когда он вернулся в коттедж. Взорам его представилась странная картина.

Перед креслом мистера Мильки в цинковом ящике с водой сидел огромный блестящий морж, глядя маленькими умными глазками прямо в глаза старцу. Из полураскрытой глотки его вырывались лающие стоны, плавники безжизненно распластались по стенкам ящика.

— Получили-таки! — без особенного удовольствия сказал секретарь, проходя мимо моржа на террасу.

В ту же секунду морж закинул голову, и воздух огласился таким ужасным, таким раздирающим лаем, что негры упали на землю, пряча лица в колени, а сам мистер Туск почувствовал неприятное стеснение сердца.

— Моржжик страдает! — пробормотал мистер Мильки. — Помогите ему, сэр!

— Вздор, — отрывисто проговорил секретарь, подходя однакоже к моржу. Он пристально оглядел его, приподнял плавники, провел рукой по шее и брюху, и морж сносил это с изумительной кротостью. Внезапно рука секретаря ныр-

нула под воду, и он крикнул неграм:

— Эй! Несите сюда чашку рвотного!

Ворча и спотыкаясь, испуганные негры принесли ему все, что нужно.

— Влейте моржу в глотку!

Но на этот раз магический голос секретаря не возымел никакого действия. Негры попятились друг за друга и остановились шагах в десяти от моржа. Пробормотав ругательство, мистер Туск поднял морду моржа, и свирепое животное без единого протеста проглотило лекарство; потом он, засучив рукав, снова сунул руку в воду и нажал на что-то с такой силой, что по телу моржа прошла судорога.

— Хав! Хав! — пролаял он еще раз и стал корчиться в ужасных муках. Секунда — две — три, и из моржовой глотки показалось что-то блестящее. Еще секунда — оно вылетело наружу, упало на пол и со звоном разбилось у ног мистера Мильки.

— Бутылка! — сказал секретарь, высвободив руку из воды. — А в ней сверток бумаги!

С этими словами он быстро подхватил пожелтевшую пачку листов и унес их в свою комнату, оставив моржа и прокурора в приятном созерцании.

ДЖИМ ДОЛЛАР

МЕСС

МЕНД

Войн

ЯНКИ ЕДУТ

9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1924

Глава сорок девятая

ПОЛЬЗА КРОЛИКОВОДСТВА

Ночь.

В окне мисс Юоны таинственный свет. Она пишет что-то, прочитывает и разрывает на мелкие клочки.

В окне секретаря тоже свет. Он только что прочел рукопись под названием:

«Дневник Биска»

и глубоко задумался. Потом вынул конверт с письмом Друка, сшил оба документа вместе, покачал головой и лег спать.

В окне кухни тоже свет. Вся черная прислуга, собравшись вокруг стола, занята обсуждением таинственной личности мистера Туска.

— Переодетый президент, — шепчет Сами убежденным голосом.

— А по мне, это — покойный Вашингтон, вот кто! — встала свое слово кухарка. — Покойнику-то ведь бояться нечего, у него одна видимость, а тело вроде как из кисеи, вот он и задается. Неужто живой человек стал бы у нас болтаться, когда его что ни час могут оженить? Уж какой был мужчина мистер Дот, а и тот испугался,

В окне мистера Дота тоже свет. Но заглянув к нему, мы видим, что у него творится нечто совершенно таинственное: свет льется с потолка, один мистер Дот мирно похрапывает на постели, скрытой за ширмой, а другой Дот стоит перед забаррикадированной дверью, подняв рукав, из которого торчит револьверное дуло. Голова этого второго Дота имеет большое сходство с половой щеткой, а из брюк выглядывают две кочерги, обутых в высокие сапоги.

Темно только у безмятежного мистера Мильки. Он спит, окруженный сонмом своих животных, и если б не темнота, мы увидели бы у него на губах блаженную улыбку.

Утренняя почта принесла неутомимому секретарю официальный пакет с печатью. В нем был перечень всех сумасшедших домов Нью-Йорка.

Мистер Туск, быстро покончив с завтраком, развернул список и отметил красным карандашом два адреса: это были единственные дома, где число камер доходило до цифры 132.

Затем он аккуратно сложил салфетку, спрятал корреспонденцию в портфель, вынул блокнот и составил деловое расписание на текущий день. Покончив с этим, он молниеносно повернулся и схватил за шиворот черномазую Ноллу как раз в ту минуту, когда она собиралась пощупать его сзади.

— Какого чорта вам от меня нужно? — грозно крикнул он, вперив в несчастную негритянку свои стальные глаза.

— Сэр, простите меня! — бормотала Нолла, трясаясь всем телом. — Я только хотела пощупать, сэр, человек вы или призрак!

Мистер Туск выпустил ее, и на лице его не появилось ни малейшего гнева. Черная Нолла клялась позднее на кухне, что лицо это сделалось даже грустным, совсем как у настоящего покойника, обмытого и одетого в саван.

— Да, я пожалуй призрак, добрая женщина, — ответил он очень странным голосом и ушел к себе.

Такое подтверждение кухаркиной гипотезы наполнило души негров окончательным и паническим ужасом. Они долго еще совещались и перемигивались друг с другом, встречаясь в коридорах, в кухне и на лестнице, — но странность их поведения осталась скрытой от семейства мистера Мильки, так как Юнона упорно сидела у себя в комнате, а безмятежный старец был лишен средств передвижения.

В городе секретарю сказали торжественным тоном:

— Дорогой мистер Туск, отставка мистера Мильки принята! Вы назначены на его место генеральным прокурором Иллинойса.

— Принимаю, но с условием, — отрывисто ответил Туск, как человек, привыкший приказывать, а не подчиняться приказаниям, — вы дадите мне месячный отпуск, чтоб я мог кой-куда съездить и расследовать одно преступление.

Он тотчас же получил все, что хотел, вплоть до казенной печати, бланков для ареста, всевозможных полномочий и удостоверений. Остаток дня новый прокурор посвятил блистательному обвинению депутата Пируэта, не явившегося на суд, и целому ряду разнообразных дел, и опять лишь на закате вернулся в коттедж.

Было еще светло, когда он подъезжал к знакомым воротам. Большая телега, доверху наполненная корзинками, преградила ему дорогу. Возница, рослый мужчина, загорелый как чорт, орал во все горло в припадке самого необузданного гнева.

— Чего вы орете?—спросил Туск, подъезжая к телеге.

Мужчина обернулся к нему, красный как кумач, и затопал ногами:

— Я человек казенный, понимаете! Мое время рассчитано до самой что ни на есть секундишки! Я не таковский, чтоб стоять даром полтора часа да надсаживать себе казенную глотку!

— В чем дело?

— Хорошо дело! Безделье сударь, форменное безделье! Стою полтора часа, чтоб сдать ихних кроликов по адресу, стучу, зову, кричу, топочу, а они будто вымерли. Сидит вон там в кресле какой-то олух, глядит на меня во все глаза, а чтоб ворота отпереть — это ему в голову не приходит, да!

Туск привязал лошадь к дереву, в одно мгновение взобрался на ворота и, осторожно миновав полосу гвоздей, спрыгнул в сад. Он собственноручно открыл ворота и впустил мрачного краснолицого человека, понесшего к мистеру Мильки на террасу превосходно упакованную корзинку с парой великолепных серых кроликов.

— Получайте! — сказал он злобно. — Нехорошо это с вашей стороны, я человек казенный, через меня могут выйти казне очень даже чувствительные убытки.

— Этто нне мои кролики, сударь! — кротко пробормотал мистер Мильки.

— Как это не ваши, сэр! — в бешенстве крикнул возница, доставая из-за пазухи письмо. — Выставочный комитет по животноводству поручил мне, сэр, обратную перевозку

кроличьих экспонатов штата Иллинойса. Каждая корзинка адресована в свое место, а на вашей, сэр, даже целый конверт. Я казенный человек, мне, сэр, не к лицу ошибаться!

Он бросил на колени старца письмо, сердито мотнул головой и удалился, злобно нахлестав свою лошадь спереди, сзади и по бокам.

Мистер Туск спокойно запер ворота, поднялся на террасу и хотел было спросить у старика, куда попрятались черные слуги, как взгляд его упал на белый конверт.

Генеральному прокурору штата Иллинойса.

— Мистер Мильки, — сказал Туск, взяв письмо, — ваша отставка принята, и я беру у вас это письмо уже не только по праву секретаря, — я назначен вашим заместителем, генеральным прокурором штата Иллинойса.

Он поклонился старику, не дождавшись его ответа, и быстро прошел к себе. Здесь он разорвал конверт, развернул письмо и прочитал следующие строки:

«Главному прокурору штата Иллинойс.

*От доктора Лепсиуса, кавалера
ордена Белого знамени, почетного
члена Бостонского университета.*

Высокочтимый господин прокурор!

Не так давно в газетах было напечатано, что вы являетесь национальной американской гордостью по части раскрытия таинственных преступлений. В заметке было сказано, что Нат Пинкертон, Ник Картер и Шерлок Холме являются перед вами не чем иным, как простыми трубочистами. Я зываю к вам о помощи в одном чрезвычайно странном деле. Вы слышали, что в Пултуске был убит Еремия Рокфеллер. Есть основание думать, что он был убит отнюдь не теми лицами, кого обвиняют официально. В настоящее время исчез Артур Рок-

феллер, его сын, хотя домашние скрывают его исчезновение. Во имя справедливости и для спасения жизни молодого человека займитесь этим загадочным делом.

Честь имею, высокочтимый и т. д., и т. д., и т. д.»

Стальные глаза мистера Туска потемнели. Во мгновение ока он кинулся к столу, где лежали его бумаги и многочисленные пожитки, приобретенные им в городе. Быстро взглянув на часы, он стал поспешно укладываться, сортируя и приводя в порядок пакеты, завязывая их и складывая в портфель.

Пока он занят был этим делом, мы навестим мисс Юнону, безвыходно сидящую у себя уже вторые сутки.

Мисс Юнона Мильки встала с кровати, где она лежала одетая, и поглядела в окно. Спускались сумерки. Странная тишина стояла в саду, на террасе, в доме. Не слышно было ничьих шагов, не доносилось ни единого человеческого голоса. Мисс Мильки вздрогнула и повела плечами. К ней никто не входил с самого утра. Кухарка не явилась с отчетом о своих приготовлениях. Конюх и садовник не принесли ключей. Горничные исчезли все до одной. Нолла ни разу не просунула в дверь свой чепец, а Сами не зашел сообщить о здоровье старого барина.

Мисс Мильки была голодна. Она была, кроме того, удивлена и напугана. Постояв с минуту, она подошла к зеркалу, накинула на плечи платок и решительно двинулась к выходу.

Безмятежный старик тихо сидел в кресле, ласково глядя в круглые глаза серых кроликов, протягивавших к нему свои мордочки сквозь прутья решетки. Признаться, ему было довольно-таки холодно и голодно. Кроме утреннего завтрака, никто не принес ему ничего, не подходил переключать его и убирать за ним, не укутал его вечером пледом. Он не успел пожаловаться мистеру Туску на странный порядок, установившийся у него в доме, и сейчас терпеливо сидел, утешаясь зрелищем хорошеньких зверьков.

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо, и голос, в кото-

ром он едва узнал голос своей дочери, испуганно произнес:

— Папа, дорогой, неужели вы сидите тут с утра?

— Как всегда, Юнни, — кротко ответил старик.

— Я понимаю, папа, что вы сидите без всякой помощи.

Бог ты мой, неужто они вас сегодня не накормили?

— Я завтракал утром, Юнни!

Мисс Мильки вскрикнула, сама сдвинула кресло старика и вкатила его в столовую. Потом она опрометью бросилась на кухню, растопила печь, приготовила теплое питье и еду и стала кормить своего отца как маленького ребенка, приговаривая между делом:

— Все они сбежали от нас, папа! Я видела их комнаты,

— они унесли все свои вещи. Понять не могу, что это такое с ними случилось.

Мистер Мильки ел, надо сознаться, с исключительным аппетитом и широко открытыми глазами смотрел на свою дочь, словно видел ее впервые. Оба они до такой степени занялись друг другом, что прослышали твердые шаги бывшего секретаря и заметили его только тогда, когда он остановился посреди столовой с портфелем и чемоданом в руках и шляпой па голове.

— Я должен немедленно ехать, — начал он отрывисто и вдруг вскрикнул. Взгляд его упал на мисс Мильки... но какая это была мисс Мильки!

Перед ним стояла пожилая высокая женщина в домашнем платье, с измученным лицом и клочком седых волос, собранных на затылке. Она не отвела лица от взгляда Туска и просто произнесла:

— Нас покинули все слуги, мистер Туск. Мы с папой остались одни во всем коттедже.

Мистер Туск положил чемодан и портфель на стул, снял шляпу, протянул ей руку и сказал тоном, каким еще ни разу с ней не говорил:

— Здравствуйте, мисс Мильки, мы с вами сегодня не виделись. Не беспокойтесь, я останусь здесь на ночь, а завтра мы что-нибудь да придумаем. Боюсь, что они сбежали, напуганные моей особой.

Глава пятидесятая

ЭМИГРАЦИЯ ВОРОН ИЛИ ЧЕГО МОЖНО ДОБИТЬСЯ СИДЯ НА ОДНОМ МЕСТЕ

Рано утром мистер Туск встал, спустился вниз и критическим оком обозрел все хозяйственные задачи, связанные с необходимостью обитания в коттедже. Он был далеко не сантиментален и отнюдь не стал повязывать себя фартуком, колоть дрова, топить печь, резать кур и прочее, как это сделал бы на его месте джентльмен, взятый напрокат из какого-нибудь романа. Мистер Туск был человеком дела. Он закурил папиросу, вышел из коттеджа и резкими шагами перешел расстояние, отделявшее жилище мистера Мильки от фермы Дота.

На его стук никто не отозвался. Туск постучал еще два-три раза с тем же результатом, а потом поднялся на обе руки, упертые им в заборную перекладину, и довольно-таки ловко перебросил себя по ту сторону границы.

Ферма Дота поражала своей пустынностью и заброшенностью. По двору сонно бродили индюшки и поросята, дорожки сада поросли травой, огород служил местом раскопок большого петуха, сопровождаемого десятком кур. Дом был наглухо заколочек и повидимому погружен в крепкий сон.

Туск попытался проникнуть в дверь, но, когда это не удалось, пожал плечами и осуществил свое намерение через окно. Он очутился в передней, где спали на цыновках человек двадцать негров, испуская пронзительный храп. Не успел он дотронуться до одного из них, как проснулись все двадцать, вскочили с места и замахнулись на него дубинками.

— Я дух! — отрывисто произнес Туск, скрестив руки на груди. — А ну-ка! Бросайтесь-ка на меня с дубинками! Пусть хоть один сумеет ударить меня по живому месту!

Негры переглянулись. Туск понял, что попал в точку.

— Я призрак! — произнес он снова. — Мне известно все, что творится за моей спиной. Дурачье сбежало от мистера

Мильки, и ваш брат отлично знает, куда оно делось. Пусть один из вас немедленно догонит их и вернет, иначе я съем сегодня ночью душу каждого из вас, души ваших покойников и души ваших детей, зачатых во чреве, но еще не рожденных. Поняли?

Негры сбились в испуганное стадо и тряслись как перепела.

— Масса Дот поколотит нас, — дрожащим голосом промолвил один.

— Ничего не поколотит, я сам с ним объяснюсь. Ну — раз, два, три! — он крепко шлепнул одного из близстоящих негров, и тот опрометью вылетел из комнаты.

Мистер Туск прехладнокровно направился к главной крепости фермы — к двери самого Дота. Убедившись, что она заперта, он забарабанил в нее сперва руками, а потом ногами.

— Кто этот нахал, кто стосковался по пуле? — крикнул взбешенный голос Дота. — Пусть-ка он покажет мне свое лицо, чтоб я превратил его в хорошую яичницу с помидорами!

— Новый прокурор штата Иллинойс, — спокойно ответил Туск.

За дверью водворилась тишина, потом щелкнул ключ, босые ноги затопали в глубине комнаты, и Дот слабым голосом предложил Туску «пожаловать к нему».

Туск не заставил себя долго просить и наткнулся первым делом на живописную статую Дота, устремившую на него из пустого рукава револьверное дуло. Пройдя комнату, он усмотрел второго Дота, черноусого мужчину с добродушным лицом, под одеялом, на собственной кровати.

— Сядьте, сэр, — сказал он вежливо, — и если хотите курить, вон там превосходные гаванны. Не удивляйтесь моему поведению. Когда несчастный и слабохарактерный человек, подобный мне, доведен до белого каления, он утрирует, сэр, все человеческие приемы самозащиты.

— Кто вас довел до белого каления? — сухо спросил Туск, закулив сигару,

— Рыжий бесенок шестидесяти лет, сэр, задумавший женить меня на себе.

— Не знаю ничего похожего на сорок миль вокруг, — отрезал Туск, пуская ароматичные кольца с видом заправского курильщика, — я пришел к вам, мистер Дот, по важному делу. Негры соседнего коттеджа сбежали, оставив на произвол судьбы разбитого параличом старика и почтенную старую лэди, его дочь. Я послал одного из ваших слуг за ними вдогонку, а вас прошу немедленно отправить к ним на помощь половину ваших людей. Сказать по правде, я и сам бы на вашем месте отправился к ним, тем более, что мое личное пребывание в этой симпатичной семье, к сожалению, заканчивается.

Дот слушал, выпучив глаза. На лице его выступила краска:

— И рыжий бесенок не собирался вас околпачить, сэр? — пробормотал он растерянно.

— Повторяю, — резко ответил Туск, — я не встречал никого похожего на ваши слова. Старая лэди, хозяйка коттеджа, достойна всяческого уважения. Одевайтесь!

Совершенно ошеломленный, Дот подчинился, как подчинялись и все, суровому голосу пожилого джентльмена. Он надел все части своего туалета по порядку, сполоснул лицо, глотнул из бутылки, взял шляпу и угрюмо произнес:

— Ну так идем, чорт поberi меня за хвост и голову!

Это странное пожелание мистера Дота не вызвало со стороны невозмутимого Туска ни малейшего протеста. В передней они наткнулись на оцепеневших негров, и Дот командовал половине из них итти вслед за ними.

Между тем в коттедже началось хозяйственное оживление. Мисс Мильки выкатила своего отца на террасу, сварила ему яйцо и только что приступила к его кормежке, как рука ее сильно задрожала, а лицо побледнело.

Двое мужчин быстрыми шагами, со шляпами в руках, приблизились к террасе и отвесили ей по низкому поклону.

— Мистер Дот пришел просить вас, дорогая мисс Мильки, принять его посильную помощь в деле поимки слуг, — сказал Туск доброжелательно, проталкивая вперед оторопелого арканзасца, с остановившимися глазами, выпученными на то, что сидело взамен рыжего бесенка.

— Благодарю вас, сэр, — смущенно ответила пожилая лэди, — я все-таки справилась с утренним кофе. На вашу долю тоже заварено, и если мистер Дот не откажется позавтракать, я налью чашечку и ему.

Она с достоинством кивнула обоим мужчинам и собственноручно принесла из кухни завтрак.

Спустя полчаса мистер Дот, освоившийся с новым положением вещей, развивал свою теорию о том, как можно в кратчайший срок добиться новой породы индюшек, а его негры занялись хозяйственными работами в коттедже.

— Мне пора ехать, — не без сожаления произнес мистер Туск, взглянув на часы, — я оставляю вас, друзья мои, на месяц, чтобы... это что такое? — последнее восклицание мистера Туска относилось к утреннему небу, внезапно потемневшему, как перед солнечным затмением.

Все вскинули глаза вверх и повскакали с мест. Огромная черная туча надвигалась на их коттедж. Она ползла, закрывая горизонт и спускаясь все ниже да ниже. Вскоре из тучи посыпались странные звуки, напоминавшие раскаты хохота.

— Вороны! — закричал Дот. — Мы погибли! Они снижаются, они засыплют все наши огороды, поля, сады! Стучите, кричите, бросайте в них камнями! Негры, сюда, сюда!

Он неистово заорал на ворон, бросая в них чашкой, тарелкой, шайкой, стульями, зонтиком мисс Мильки, — всем, что только попадало ему под руку,

— Ничего! Нничего! Не бойтесь, друзья мои, — лепетал безмятежный старец, спокойно глядя на ворон. — Птички!

— Хороши птички! — взвизгнул Дот. — Поймите вы, безумный человек, что это наше разорение! Их больше, чем саранчи! Ни за что на свете нельзя допустить их снизиться! Туск! Чорт возьми, да куда же вы делись?

Мистера Туска среди них уже не было.

— Он побежал в коттедж, — прошептала Юнона.

Дот сорвал скатерть и, вскочив на стол, принялся неистово ею размахивать в воздухе. Негры, сев на корточки, устроили настоящий кошачий концерт. Они выли, визжали, скулили, свистели, били в импровизированные бараба-

ны. Животные безмятежного старца подняли адскую кутерьму; сука лаяла и кидалась в воздух с ошестинившейся шерстью, попугай раз сто под ряд раздражающим голосом вопил «гудбай», морж стонал как иступленный, но ничто не помогало: вороны все снижались да снижались.

Первые из них, отделившиеся от тучи, были уже отчетливо видны. Страшное карканье и свист от взмаха крыльев переполняли воздух. Дышать было трудно от ветра и запаха перьев, еще десять-пятнадцать минут, и страшное черное полчище обрушилось бы на коттедж.

В эту минуту на террасе появился Туск. Он держал в руках ружье, поднял его и выстрелил по воронам:

Бац-бац-бац...

Туча дрогнула, края ее рассыпались в разные стороны черным кружевом. Секунда, и полчище ворон стало снова подниматься, держа свой путь в направлении Чикаго, а сверху, кружась и белея, что-то начало падать вниз.

— Я стрелял холостыми зарядами, — отрывисто произнес Туск, — у добрейшего мистера Мильки в целом доме не нашлось ничего похожего на пулю. Ай, что это падает!

Медленно кружась в воздухе, сверху продолжало падать нечто, покуда на коленях у старца не лег плотный белый конверт.

Туск быстро схватил его, издал восклицание и, отойдя в сторону, без всяких разговоров распечатал свою находку.

Он прочитал следующее:

Генеральному прокурору штата Иллинойс.

Господин прокурор,

опасаясь за свою жизнь, прошу вас быть начеку. Я держу в руках нити загадочного происшествия. Если меня убьют или я исчезну, прошу вас немедленно вынуть конверт из тайника в моей комнате на Бруклин-стрит, 8, двенадцатый паркетный кусок от левого окна, прочитать его и начать судебное расследование. Пишу именно вам, а не кому другому, так как

вы отличаетесь любовью к уголовным тайнам.

Стряпчий Роберт Друк.

— Последнее звено! — пробормотал Туск со странной улыбкой и, вытащив из портфеля пачку бумаг, быстрыми шагами подошел к столу.

— Друзья мои! — воскликнул он повелительным голосом. — Прежде чем мне уехать, выслушайте несколько слов. Эй, негры! Лучших бутылок с погреба и стаканы!

Измученное общество, только что оправившееся от вороньей угрозы, не возражая, приняло по бокалу хорошего шампанского. Дот влил безмятежному старцу в рот его порцию. Все глаза устремились на Туска.

— Друзья мои! — повторил он с бокалом в руках. — В первую ночь моего пребывания я услышал в саду, не станем говорить от кого и как, подробную историю некоей шутки. Дело шло о дружеском фельетоне относительно детективных способностей присутствующего здесь мистера Мильки. Шутка хотела быть только шуткой. И что же? Беспомощный старец, скованный страшным недугом, не двигаясь с места, ничего не читая, ни о чем не зная — распутал самое таинственное преступление нашего века! Да, милые мои друзья, вот в этой пачке собраны почти все звенья страшного дела, раскрытие которого навеки прославит имя мистера Мильки. И знаете ли вы, чем он достиг такого результата? Любовью к животным, черт возьми! Мистер Мильки отдал бессловесным тварям все свое сердце. Он любит их с нежностью, достойной подражания. И что же мы видим? Первое звено этого дела доставляется ему на собаке, — мистер Туск потряс в воздухе конвертом, — второе звено извергается к его ногам из желудка моржа, — мистер Туск потряс в воздухе пачкой желтых листов, — третье звено приезжает к нему на корзинке с кроликами, — мистер Туск махнул вторым конвертом, — и, наконец, четвертое и последнее доставляется ему великим переселением ворон!

Мистер Туск поднял последний конверт и бокал.

— Выпьемте, друзья мои, в эту прощальную минуту за

здоровье достойного мистера Мильки и его бессловесных любимцев, а также за торжество справедливости, которая добывается своего, джентльмены, через посредство всего живого и мертвого!

С этими словами Туск осушил свой бокал, поклонился и вскочил с чемоданом и портфелем в поджидавший его кабриолет.

Глава пятьдесят первая

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР ШТАТА ИЛЛИНОЙС В ПОИСКАХ ДРУКА

Экспресс доставил Туска в Нью-Йорк без четверти девять утра. Спустя несколько минут он уже был на Бруклин-стрите, 8, и поднимался по лестнице в квартиру бывшего стряпчего Роберта Друка.

На его стук долго не отворяли. Наконец раздалось кряхтение, и старушка в чепце приотворила дверь.

— Проведите меня в комнату вашего сына, — отрывисто произнес пожилой джентльмен, снимая шляпу и входя в кухню, — я намерен у вас остановиться.

— Великий боже, сэр! — воскликнула старушка. — Вы не агент полиции?

— Я друг вашего сына, — ответил гость, положил чемодан и шляпу на стул и сделал движение, чтоб пройти дальше.

— Был тут один такой, — задумчиво ответила старушка, — только он был, сэр, весь голый, за исключением чресел, как говорится в Библии, и сверху донизу вымазан дегтем. «Я друг-приятель вашего сына, — сказал он мне и скушал, бедняжка, кусочек пуддинга, — даром что, — говорит, — в таком виде». Уж не вы ли это, переодевшись и помывшись?

— Я самый, — спокойно ответил Туск и проследовал внутрь квартиры.

Старушка провела его в комнату Боба, где все сияло чистотой и, казалось, поджидало своего хозяина. По пути она сообщила ему, что со дня смерти своей кошки Молли она замкнулась в своем горе и, если он согласен, может разомкнуться для него на часок-другой, между растопкой печки и варкой обеда.

— Не размыкайтесь! — перебил ее Туск. — Кроме того, у вас нет причин для горя. Роберт Друк жив, он через месяц, а может быть — и через день, будет дома.

Старушка вскрикнула. Но Туск в свою очередь замкнулся перед самым ее носом и, оставшись в запертой комнате, немедленно приступил к делу. Он нашел левое окно, отсчитал паркетные плиты, сдернул коврик перед постелью и, став на колени, пустил в ход перочинный нож. Паркетная плита была вынута безо всякого труда, а под ней лежал конверт, на котором было написано:

Т а й н а Е р е м и и Р о к ф е л л е р а.

Туск схватил его, распечатал и, сев в кресло возле окна, погрузился в чтение. Рукопись оказалась отрывочными записями стряпчего Друка. Мы приводим ее, выпустив несущественные подробности:

«Сегодня старый Рокфеллер приезжал в контору. Он советовался с Крафтом. Лицо его было порядком взволновано. После занятий патрон позвал меня в кабинет и сказал:

— Боб, вы честный и умный парень, Я хочу оказать вам доверие. Вот завешание мистера Рокфеллера, где он делит все свое состояние поровну между сыном и мистрисс Ортон, а на случай ее кончины — мисс Вивиан Ортон и другими детьми мистрисс Ортон, буде они родятся. Копию я оставляю у себя. Оригинал вручаю вам, и вы его храните как зеницу ока. Дело в том, что мистер Рокфеллер имеет причины бояться всяких случайностей и кражи завешания из моей конторы.

Я удивился, однако выполнил в точности полю патрона. После этого Еремия Рокфеллер к нам не заходил месяцев пять. Получили письмо от мистрисс Ортон, где она выражает тревогу о состоянии здоровья Рокфеллера и спрашивает нас, где он находится. Патрон написал ответ.

Новостей никаких.

Новостей никаких, кроме странных слухов о свадьбе Рокфеллера и мистрисс Элизабет Вессон. Патрон принес кипу русских и польских газет и долго совещался о чем-то с пере-

водчиком. Меня не посвятили в дело.

Недоволен патроном: он явно держит меня в резерве. Решил сам заняться расследованием. Целую неделю вынюхивал, кто такая Элизабет Вессон. Узнал странные вещи: она итальянка, уроженка Корсики. Первый ее муж — простой аптекарь. В посольстве не указывают его происхождения, должно быть — немец. О смерти его никто не знает ничего путного. Начал розыски с другого конца.

Новостей никаких.

Новость потрясающая! Вессон, муж этой женщины, польско-подданный. Живет до сих пор где-то в городе Пултуске под Варшавой и держит частную лечебницу. Неизвестно, имеют ли они формальный развод. Говорят, мисс Клэр Вессон — все не его дочь. Удивляюсь, почему у этой женщины в Нью-Йорке вполне приличная репутация. Она принята в лучших домах.

Сегодня патрон вызвал меня к себе:

— Друк, я нуждаюсь в вашем совете!

Я сделал самое невинное лицо. Он стал говорить, что Рокфеллер сильно изменился и при встрече с ним на улице обходит всякий разговор о завещании. Он опасается, что на Рокфеллера кто-то оказывает давление, может быть — даже шантажирует его. На правах друга и нотариуса, он считает необходимым предпринять личные шаги и запрашивает меня, насколько это удобно. Я раскусил, что патрон пришел втупик, и доложил ему о собственных открытиях. Он задумался.

Мы продолжаем свои поиски. Патрон утверждает, что Элизабет Вессон живет в Нью-Йорке не для собственного удовольствия. Он назвал ее деловой женщиной типа дипломатических агентов или шпионок. Новый слух: свадьба откладывается. Никаких известий о судьбе обеих Ортон.

Мистрисс Ортон умерла от припадка. Мисс Ортон исчезла. Свадьба старого Рокфеллера состоялась. Н-ну! поживем — увидим!

Молодой Рокфеллер был несколько раз в конторе по поручению отца. Парень ничего себе, держится просто. Удивляюсь, почему старый Рокфеллер не меняет завещания и не пишет нового, будто и не знает о смерти мистрисс Ортон.

Говорил с патроном по поводу завещания Рокфеллера. Тот не знает, что и думать. Решили переговорить с ним откровенно при первой же встрече.

Опять новость! Рокфеллер вместе с женой и падчерицей укатил в Европу. Говорят, он собирается дать Польше золото на очень выгодных для себя условиях. Что-то не похоже на старика! Политика была не по его вкусу.

Ничего нового.

Никаких новостей.

Через неделю Еремия Рокфеллер возвращается.

Сегодня патрон удивил меня своею нервозностью. Дергался, оглядывался по сторонам, бледнел. Пожаловался мне, что видит плохие сны и начал бояться смерти, чего с ним раньше никогда не было. Я посоветовал взять недельный отпуск и проехаться в Атлантик-Сити. Он согласился со мной, хочет только дожидаться приезда Рокфеллера.

У нас в конторе шторм и дранг! Старый Рокфеллер приехать приехал, но мертвый, в цинковом гробу. Просто не верится этому. Его убили где-то под Пултуском большевики. Не странно ли, что под тем самым городом, где живет благоверный теперешней мистрисс Рокфеллер. Я намекнул об этом патрону. Тот мрачен, как туча. Говорит, что будет сегод-

ня у Рокфеллеров, Я не знаю, что мне делать с завещанием. Хочу возвратить его патрону, пока никто в конторе не знает, что оно у меня.

Патрон умер! Автомобиль попал под трамвай, шофер жив, патрона раздавило. Наша контора закрыта на три дня.

На место Крафта назначен ликвидатором какой-то итальянец, синьор Грегорио, он рассчитал всех наших клерков и посадил своих. Я оставлен впредь до сдачи дел. Прислали новое завещание Рокфеллера, завтра я его увижу,

День потрясающий! Роберт Друк, ты — свидетель преступления! Держи язык за зубами! Дело по порядку такое: я видел завещание, привезенное из Варшавы. Оно аннулирует все предыдущие и передает капитал Рокфеллера до последнего цента Комитету фашистов. Мистрисс Вессон, мисс Ортон, молодой Рокфеллер — все оставлены на бобах. Но дело-то в том, что подпись Рокфеллера подделана самым явным образом. Я мог бы доказать это, если б захотел. Но я боюсь начать дело неизвестно против кого. Упрятал старое завещание в тайник. Решил ждать каких-нибудь наследников Ортон или Рокфеллера, чтоб начать дело вместе с ними. Грегорио рвет и мечет в поисках завещания, перерыл все шкафы, неизвестно, на что оно ему нужно. Я веду себя как сознательный олух. Этот синьор мне очень не по вкусу. Не знаю наверное, но думаю, что он не без прибыли в этом деле.

Сегодня в контору приходила горбатая девушка, назвалась мисс Ортон. Она поглядела на меня, сняв вуальку, — более красивого лица в жизни моей не видал. Спросила патрона. Я сунул ей свой адрес. Синьор Грегорио ее принял и вел себя весьма подозрительно, клерк звонил куда-то по телефону. Боюсь, что он догадался, что это — наследница и что она может оспорить новое завещание. Жду ее сейчас к себе».

На этом месте рукопись прерывалась. Мистер Туск глубоко вздохнул и несколько минут сидел в полной неподвижности. Потом он развернул записную книжку, прочел два адреса: «Нью-Джерсей, 40» и «Береговое шоссе, 174»; взял свой портфель, уложил туда прочитанную рукопись и вышел.

— Мистрисс Друк, — сказал он старушке, — я вернусь к обеду. Никому ни единого слова о моем приезде. Никого не пускайте в квартиру.

Спустившись вниз, он нанял автомобиль и велел ехать в Нью-Джерсей, 40. Через два-три квартала они остановились у элегантного здания со швейцаром, лифтом и золоченой решеткой. Туск зашел туда, навел справку и через минуту вышел снова.

— Береговое шоссе, 174, — отрывисто сказал он шоферу.

Теперь они помчались вон из города. Блестящие многолюдные улицы одна за другой отлетали направо и налево. Надвигалось пустынное шоссе, с мрачными, редкими постройками, окруженными садами, с бесконечными заборами и огородами. Прохожих становилось все меньше и меньше. Наконец автомобиль свернул в сторону, въехал на асфальтовый двор и остановился у мрачной черной решетки, за которой расстился парк.

— Ждите меня здесь. Если не дождетесь, поднимите тревогу. Я генеральный прокурор штата Иллинойс, — повелительно сказал он шоферу, спрыгивая на землю.

На звонок мистера Туска дверь приотворил высокий мужчина в белом фартуке, с лицом, изрытым оспой.

— Что надо? Приема нет! — грубо крикнул он, не снимая цепочки.

Туск махнул в воздухе своим документом:

— Сию минуту впустить меня! Я генеральный прокурор, посланный сюда ревизовать сумасшедшие дома.

— Директора нет в Нью-Йорке, сэр, — в замешательстве ответил мужчина, — я имею приказание не пускать никого до его приезда.

— Государство назначило ревизию как раз в отсутствие директоров, — невозмутимо ответил Туск, пристально глядя

на привратника, — впустите, пока я не свистнул полицейского.

Сильно побледнев, привратник снял цепочку.

Туск быстро вошел, нащупал свой револьвер и пропустил вперед высокого мужчину. Тот нехотя повел его вдоль тусклых, мрачных коридоров, в которые выходили бесчисленные двери. Из-за дверей несли дикий вой, плач и иступленные крики несчастных, от которых в жилах менее спокойного человека остановилась бы кровь. Но Туск шел как ни в чем не бывало, приказывая открывать камеры и заглядывая в них бесстрашным оком. Он видел истязуемых, умирающих, катающихся в корчах, видел оцепеневших и глядящих в одну точку, видел пляшущих, — пожалуй, более страшных, чем первые. Но самыми потрясающими были странные, бледные, бритые люди, сидевшие, как сторожевые собаки, на цепи, вверченной в стену. У одного из них был вырезан язык.

— Я здоров, — шепнул мистеру Туску бледный человек на цепи, — меня здесь держат родственники, расследуйте мое дело.

— Все они так говорят! — прорычал привратник, покосившись на несчастного с дикой ненавистью.

Туск спросил имя и фамилию пленника, занес в свою книжку, вышел в коридор и пристально поглядел на привратника:

— Вы показали мне все камеры?

— Все! — отрезал мужчина.

— Вы лжете! Ведите меня в сто тридцать второй номер!

— Там сидит личный родственник директора, мы за него отвечаем, — пробормотал привратник, становясь из бледного красным, а из красного фиолетовым.

Туск уставился на него повелительно, и мужчина побрел вперед неверной походкой. Они вышли на лестницу и стали спускаться вниз. Один, два, три этажа. Стены стали сочиться сыростью, на лестнице стоял отвратительный запах плесени, лампочки горели тускло. Глубоко внизу шел еще один коридор со странными нишами. Здесь царствовало безмолвие. Ни единого звука не доносилось ни откуда,

кроме тихого шелеста воды по стенам. Шаги гулко отдавались в ушах. Привратник загремел ключами и с большим трудом отпер тяжелый железный замок.

Камера № 132 была темным, сырым погребом. Свет проникал через коридорное окно. В углу на соломе, скорчившись, спал узник.

Привратник направил на него свет фонаря, бритый человек зашевелился, вскочил, повернул к мистеру Туску бескровное лицо и дико вскрикнул.

— Не бойтесь, я генеральный прокурор Иллинойса! — отчеканил мистер Туск, подойдя к нему вплотную и пристально на него глядя. — Я получил ваше письмо. Расследование начато. Одевайтесь, я беру вас с собой!

Привратник уронил на пол ключи:

— Профессор убьет меня! — пробормотал он дико. — Я не выпущу этого человека, будь вы хоть сам президент.

— Поворачивайтесь, милейший! — крикнул Туск, направляя на него свои серые глаза. — Что это еще за чепуха! Выдать одежду мистера Друка, раз, два, три!

Через десять минут Туск и Роберт Друк, как ни в чем не бывало, вышли из дверей сумасшедшего дома и уселись в автомобиль, к великой радости перепуганного шофера.

— Ну, — отрывисто сказал Туск, когда они тронулись, — я вас слушаю, Друк.

Глава пятьдесят вторая

ДОКТОР ЛЕПСИУС В ПОИСКАХ ПРОФЕССОРА ХИЗЕРТОНА

Мисс Смоулль сидела на корточках, а мулат Тоби у нее на плечах. Они отнюдь не показывали акробатического номера. Целью их была замочная скважина, ведущая в кабинет доктора Лепсиуса.

— Сидит, — бормотала мисс Смоулль, роняя слезы, — сидит, наш голубчик, на том же месте с самого утра. Не кушает, не звонит, не ходит, не ругается, господи боже мой, я прямо разрываюсь.

Она не успела привести свою угрозу в исполнение, как Лепсиус неожиданно бросился к дверям, распахнул их и опрокинул живую пирамиду в обратном порядке, так что мисс Смоулль очутилась на плечах у Тоби.

— Автомобиль! — рявкнул он. — Тоби! Звони шоферу!

Вслед за этим он метнулся обратно, схватил шляпу, перчатки и трость и кубарем слетел с лестницы. Лицо его было красно. Глаза сверкали решимостью. Он обдумал план вторжения к профессору Хизертону.

— Университет! — приказал он шоферу, садясь в автомобиль.

Через десять минут он был на месте. Войдя в канцелярию, он осведомился, в какой аудитории читает Хизертон. Служитель удивленно посмотрел на Лепсиуса.

— Как, сэр, разве вы не знаете, что профессор командирован на съезд психиатров в Петроград?

— Он уже выехал? — вырвалось у Лепсиуса.

— Вероятно. Впрочем, вы можете осведомиться у него на дому: Береговое шоссе, 174.

Лепсиус записал адрес и снова прыгнул в автомобиль.

— Береговое шоссе, 174, — крикнул он шоферу.

Снова пустынная улица, чем дальше, тем мрачней и безлюдней. Снова черная решетка у ворот жуткого дома, за-

купоренного и безмолвного, как если б все живое окостенело в нем на манер музейных чучел.

Лепсиус резко дернул звонок. Рябой привратник, весь белый от бешенства, высунул нос из-за решетки,

— Убирайтесь к чорту! — заорал он, разглядев Лепсиуса. — Приема нет! Убирайтесь, а не то спущу собаку!

— Друг мой, — шопотом произнес доктор, — я должен передать профессору Хизертону важную вещь. Дело идет о спасении его жизни.

— Поздно, — угрюмо ответил привратник, — директор уехал на съезд в Россию, а сегодня была ревизия. Все дочиста записали и увели из камеры 132...

— И все-таки еще не поздно. Речь идет о том, что знает один только Хизертон. Я его самый близкий друг. Он поручил мне в случае чего обратиться к вам. Если вы хотите спасти собственную шкуру, придумайте, как мне его догнать.

Привратник уставился на Лепсиуса подозрительно.

— Как ваше имя?

Лепсиус поперхнулся...

— Олео рицини! — пробормотал он первое, что пришло на язык.

В ту же секунду лицо привратника прояснилось. Он снял цепочку и почтительно произнес:

— Войдите, сударь, войдите! Как видно, вы тоже будете итальянец?

— Разумеется, — пробормотал Лепсиус, входя вслед за ним в мрачное жилище смерти. Но рябой повел его совсем не туда, где был только что Туск. Он отворил маленькую дверь и впустил Лепсиуса в блестящий докторский кабинет, сияющий безукоризненной чистотой.

— Сядьте, сударь, сядьте, я сейчас позову нашу секретаршу, она обмозгует дело.

Лепсиус сел, чувствуя себя крайне плачевно. Он знал по-итальянски не больше десятка слов. Что, если секретарша заговорит с ним на этом языке. Не в силах сидеть, он опять вскочил и прокатился раза два по кабинету, утирая с лица холодный пот. Вдруг взгляд его упал на превосходные картины, развешанные по стенам, и в ту же секунду он почув-

ствовал, что за ним наблюдает пара черных глаз.

— Питореско э... э каскаро саграда! — пробормотал он, не отводя глаз от картин. — Рома Акрополи. Мультиатули!

Поток его восхищений был прерван чистой английской речью.

— Здравствуйте, сэр!

Перед Лепсиусом стояла уже немолодая брюнетка с лицом, до странности похожим на кого-то, кого он знал очень хорошо... но кого? Чорт побери, как ни напрягал он своей памяти, он не мог его вспомнить.

— Я восхищался картинами, хотя душа моя в полном хаосе и смятении, — смущенно пробормотал он, идя навстречу секретарше, — дорогая мисс или мистрисс...

— Мисс Кроче. Как итальянка, я понимаю ваш восторг, сэр, но, к сожалению, не знаю родного языка. Что привело вас к профессору?

— Синьорина Кроче, — зашептал Лепсиус, выкатывая глаза из орбит и, насколько это возможно, стремясь достичь максимальной экспрессии, — я его близкий друг. Мы затеяли вместе одно важное дело... одно тайное дело чрезвычайного значения. Оно сорвалось. Если профессор не примет меры, его уберут с пути. Я должен во что бы то ни стало догнать его и предупредить.

Мисс Кроче стала серьезна:

— Опасность грозит ему в Петрограде?

— Именно, именно!

— В таком случае, дорогой сэр, я немедленно устрою вам все документы, и вы завтра утром сядете на пароход.

— Чудесно, — воскликнул Лепсиус.

— Ах, произнесите это по-итальянски! — мечтательно проговорила мисс Кроче, закрывая глаза. — Мне так отродно слышать родную речь.

— Хипероксидато! — улыбаясь, повторил Лепсиус. Он чувствовал себя на рельсах, и тревога его улеглась.

— Но только, сэр, до отъезда вам нельзя больше показываться в городе. Мы спрячем вас у себя до самого утра.

— Меня ждет автомобиль, — попытался Лепсиус протестовать.

— Вот и отлично! Передайте шоферу, что вы уезжаете и чтобы вас не ждали дома.

Лепсиус сошел вниз к шоферу. Доверчивые лица привратника и мисс Кроче выглядывали из дверей.

— Передай Тоби и мисс Смоулль, что я уехал на три недели! — величественно сказал Лепсиус шоферу и повернул обратно.

Когда автомобиль скрылся, рябой привратник с грохотом запер дверь.

— А теперь... — произнесла мисс Кроче, обращаясь к слуге. — Брось эту жирную свинью в камеру 132 и мори ее голодом до тех пор, пока она не признается, какая шпионская шайка ее подслала!

В ту же минуту ошеломленный Лепсиус был схвачен за шиворот, и железные руки привратника потащили его по страшному коридору. Как сквозь сон слышал он визг, вопли и стоны, как сквозь сон видел мрачные мокрые стены, вдоль которых влекли его вниз да вниз, пока не всунули в страшный полутемный склеп, где бросили на солому.

Привратник дьявольски расхохотался, захлопнув железную дверь, и шаги его смолкли. Лепсиус остался один.

— Дурень! Дурень! Махровый дурень! — шептал он самому себе, остервенело дубася себя в лоб. — Сиди теперь, капуста, клюква, редиска, сиди, околевай!

Злоба на самого себя спасла доктора Лепсиуса от беспробудного отчаяния. Израсходовав на нее весь запас своей нервной энергии, он стал вяло раздумывать о том, что предпринять. Как только глаза его освоились с сумерками, он разглядел низкий и страшный склеп, его окружавший. Стены сочились от сырости. Только в одном углу, возле соломы, было сухо, и Лепсиус, начиная чихать и дрожать, забился в этот угол. Коснувшись ладонью стены, он почувствовал, что она вся в зазубринах и выемках. Лепсиус вытащил свой докторский электрический фонарик, счистил соломой и нагнулся к стене. Каково же было его изумление, когда он прочитал великолепно выгравированное письмо:

«Моему преемнику.

Подними ближайшую к стене плиту ножом, который оставляю под соломой. Спустись. Копай на пол-аршина ниже. Увидишь отверстие. Если ты наблюдатель, открывай секреты. Если ты трус, пытайся удрать. И в том и в другом случае благодарно помяни знаменитого

Боба Друка».

— Это мне нравится! — сказал себе Лепсиус. — Здесь был, повидимому, человек с очень крепкими нервами. Попробуем!

Он порылся в соломе и без труда нашел нож, которым осторожно поднял плиту. Под ней оказалось земляное отверстие, очевидно прокопанное его предшественником. Он сунул туда ноги с такими телодвижениями, как если б лез в холодную воду. Пол был недалеко. Спустившись в яму, Лепсиус стал рыть землю. Он рыл как крот и довольно скоро дошел до отверстия шириной с человеческую голову, а длиной с аршин. Оно было обложено каменной рамой, и сквозь него что-то слабо светилось. Лепсиус возвратился к своей камере, опустил над тайником плиту и, скрючившись в земляной норе, принялся выглядывать в мерцавшее отверстие.

— Открывай секреты! — хорошее занятие для человека, приговоренного к голодной смерти. И что тут можно открыть, кроме того, что отверстие выходит в длинный каменный коридор, уходящий в бесконечную даль, превосходно мощный и залитый тусклым светом лампочек.

Лепсиус просунул руку и помахал ею в воздухе. Отверстие слишком крепко замуровано, чтоб можно было отсюда бежать. Отчаяние опять овладело несчастным пленником.

— Я пропал! — пробормотал он истерически. — Эта мерзкая мисс Кроче... а чорт! Как это раньше мне не пришло в голову!

Лепсиус выпучил глаза и разинул рот. Он вспомнил, на кого была похожа мисс Кроче. Несмотря на цвет волос, нежность, худобу, возраст, она безошибочно походила на

мистрисс Элизабет Рокфеллер, тем страшным сходством, какое бывает у близких родственников.

Покуда Лепсиус сидел, пораженный своим открытием, в сумасшедшем доме происходили события другого порядка. Взвод полицейских арестовал рябого привратника и мисс Кроче, а судебный следователь с многочисленными спутниками обходил одну за другой страшные камеры. Он заглянул и в № 132, но никого в нем не нашел.

— Молодчага, этот генеральный прокурор штата Иллинойс, — пробормотал он в результате своего осмотра, — не даром о нем прокричали газеты!

Глава пятьдесят третья

МИК В ПОИСКАХ ГРЕГОРИО ЧИЧЕ

— Тю! — сказал Ван-Гоп трубочисту Тому с полнейшим презрением. — Тю-тю-тю!

Том только что сделал ему признание о своей любви к горничной Дженни.

— Это ты от зависти, — пробормотал он, покраснев как рак.

— Тю! — повторил Ван-Гоп еще выразительнее.

— Завидуешь, брат! — настаивал бедный Том, болтал ногами в воздухе.

— Тю-тю! — отчеканил Ван-Гоп.

— А вот посмотрим! — вскрикнул Том, кидаясь к водопроводчику и дубася его по спине.

За стенной обшивкой что-то щелкнуло, и перед обоими драчунами выросла внушительная фигура Тингсмастера.

— В чем дело, ребята? — коротко спросил он, выведя Бьюти из-за стены и сомкнув за собой обшивку.

— Он ругается, Мик! — вскрикнул Том, не переставая угощать Ван-Гопа. — День-деньской только и слышу одни издевки. Сидишь тут в трубе, как оборотень, да еще он тебя обзывает самыми последними словами.

— Тю-тю-тю! — послышалось со стороны Ван-Гопа.

— Видишь! Видишь! — неистово заорал Том, бросаясь на противника с удвоенной силой.

Будь Микаэль Тингсмастер ученым человеком, он сразу открыл бы, что буквы далеко не самое главное в образовании речи, и мог бы даже написать целый том по-латыни о птичьем и собачьем языке. Но теперь он ограничился двумя ударами тумака, отбросившими Тома от Ван-Гопа, и пристальным взглядом в сторону того и другого. Том и Ван-Гоп молчаливо почесали затылки.

— Так-то, парни, — произнес он медленно, — вы как есть избаловались! Видно, подслушивание да подглядывание портит и нашего брата. Слушайте-ка в оба уха: я с Бьюти от-

правляюсь на поимку Чиче. Весь наш союз уже оповещен. Коли что случится, вы получите от меня вести. Я установлю здесь приемник и беру с собой батарею.

— Мик! — воскликнули Том и Ван-Гоп в один голос. — Он укокошит тебя, не ходи!

Тингсмастер молча потушил трубку, уставил в нише, где помещалась сторожевая будка Ван-Гопа, небольшой приемник и побежал вместе с Бьюти по стенам в верхний этаж «Патрицианы». Том и Ван-Гоп как убитые побрели за ним.

Сетто из Диарбекира наслаждался полным покоем. Ни один высокопоставленный посетитель не тревожил в этот мертвый сезон стен его гостиницы. Даже князь Феофан Оболонкин выехал с дипломатическим визитом к новому алжирскому бею, которого он должен был склонить к открытому выступлению против Советской России, переведя с этой целью на алжирский язык оскорбительные нападки русского писателя Гоголя. Все было тихо и мертво в гостинице, и Тингсмастер без всяких хлопот добрался до комнаты без номера.

Он нажал невидимую полоску, и дверь, запертая изнутри, неслышно открылась. Том и Ван-Гоп вошли вслед за ним. Комната Чиче казалась еще пустыней, чем раньше. Слой пыли поднялся на мебели едва ли не выше курса доллара, ниточка, с которой Мик сорвал недавно камешек фабионита, все еще болталась на занавеске.

— Сдается мне, здесь так никого и не было! — произнес Мик, оглянувшись по сторонам. Он без всякого труда нашел люк, неслышно приподнял половицу и поманил к себе Бьюти.

— Песик, — сказал он, — ты молодцом провела первый рейс. Теперь мы должны пуститься во второй. Найди мне человека, которым пахнет это место, слышишь!

Он несколько раз нагнул голову Бьюти к вещам и углам, где мог еще сохраниться запах Чиче, и толкнул ее к отверстию. Но прежде чем сойти туда вслед за нею, он повернулся к трубочисту и водопроводчику.

— Менд-месс, ребята! — сказал он им серьезно. — Не вальйте дурака.

— Месс-менд, Мик! — с жаром ответили ему оба.

Тингсмастер махнул им рукой и исчез в люке. Собака дожидалась его, взволнованно дыша и высунув язык. Они были в потемках длинного ступенчатого коридора, выложенного ровными каменными плитами. Тингсмастер засветил ручной фонарь и двинулся вперед, придерживая Бьюти за ошейник. Бесконечный ход снижался все больше да больше и, наконец, превратился в туннель, изредка расширявшийся в полукруглую нишу. Они пробирались вперед, не слыша ни малейшего звука, покуда нога Микаэля не наткнулась на что-то, и он не издал изумленного восклицания.

Это был рельс. По туннелю проходила одноколейная дорога.

Мик опустил вниз и тщательно изучил рельс, рассмотрел гайки, винты, гвоздики. Работа была старая, крепкая и не американских заводов. Тогда он двинулся дальше, время от времени поглядывая на часы. Чорт побери! Они шли уже без малого пол-дня, а впереди темнела все такая же дыра туннеля, уходящая в бесконечность, и если б оттуда показался таинственный вагон, и Мин, и Бьюти были бы раздроблены.

Выбившись из сил к десятому часу пути, Тингсмастер залез в нишу, достал кусок хлеба и принялся за еду. Бьюти, нисколько не утомленная, уселась возле него, вертя хвостом и ловя куски из рук хозяина.

— Мы, должно быть, уже за городом, Бьюти, — задумчиво сказал Мик. — Таких вещей, как этот туннель, просто не строят. Мы с тобой охотимся за крупным зверем.

Поев и отдохнув, они двинулись дальше. Однообразие пути уже начинало утомлять Микаэля до дурноты, как вдруг он увидел, что туннель здесь делает крутой поворот и колея внезапно обрывается. В ту же минуту Бьюти опередила его, повернула к нему голову с умным, зазывающим взглядом и бесшумно бросилась вперед. Он со всех ног бежал за ней.

Каково же было его удивление, когда за поворотом он увидал собаку, неистово кидающуюся на стену, повизгивающую и машущую хвостом. Подойдя к ней, Тингсмастер по-

чувствовал судорожное пожатие чьей-то руки, и хриплый голос произнес близехонько от него:

— Рад вам несказанно, сэр! Счастливая и спасительная встреча!

Мик тщетно искал глазами человека, произнесшего эти слова, покуда не заметил скрытого в стене отверстия длинной не больше аршина. Снаружи его не было видно вовсе, и, если б не Бьюти, он спокойно миновал бы его. В отверстии виднелась растерянная и всклокоченная голова толстого человека, бледного и дрожащего как в лихорадке.

— Я в плену, сэр! Заперт в сумасшедшем доме! Умоляю вас всеми богами, сэр, освободите меня!

Тингсмастер молча осмотрел дыру, вынул лом и с полчаса работал над кирпичами. Освободив один, он принялся расшатывать другие, пока не образовал дыры, достаточно широкой, чтобы пропустить доктора Лепсиуса со всеми его принадлежностями.

— Уф! — пробормотал толстяк, вываливаясь в туннель. — Благословен будет этот Боб Друк и на земле, и на небесах, если он уже не нуждается во врачебной помощи. Спасибо вам, сэр! Спасибо вашей собаке! Я доктор Лепсиус.

— Ладно! — ответил Тингсмастер, критически оглядев своего компаньона. — Вы говорите о Друке. Кто это такой?

— Мой предшественник по камере, откопавший это отверстие.

Мик задумался. Он понял теперь, как письмо Друка очутилось на шее его собаки.

— Идемте с нами, — обратился он к Лепсиусу решительно, — мы в погоне за крупным негодяем. Вам ничего не остается, как усилить нашу партию.

Доктор Лепсиус обчистил фалды своего костюма, пригладил волосы, надел перчатки и философски ответил:

— Я тоже охотился за преступником. Надеюсь, сэр, что в дальнейшем это дело пойдет у меня удачнее.

Они опять двинулись по туннелю, изредка обмениваясь односложными словечками. Бьюти весело бежала вперед. Дорога была ей, повидимому, хорошо знакома и не скрывала в себе ничего страшного. Изредка она останавливалась

и поглядывала на своего хозяина умными черными зрачками.

Пройдя шагов сто, они снова запнулись о колею. На этот раз Тингсмастер вынул лупу и пристально изучил обе стены с правой и с левой стороны. Но все его поиски оказались тщетными: в стенах не было ни щелей, ни скважин, ничего похожего па скрытые двери в депо или гараж.

— Куда девается вагон, чорт побери? — спросил он себя. — Сэр, пока вы сидели у своей лазейки, вы не заметили проходивших тут поездов или вагонов?

— Ни звука, ни шороха, ни шелеста! — воскликнул Лепсиус. — Лай вашей собаки был первой живой вестью.

— Странно, — пробормотал Тингсмастер.

Еще два часа, и у них подкосились ноги. Забравшись в нишу, Мик и Лепсиус мирно заснули, в то время как верная Бьюти караулила их, бегая взад и вперед по туннелю. Проснувшись, Тингсмастер мгновенно вскочил с места.

— Бегом! — скомандовал он доктору, и толстяк без малейшей досады засеменял за гигантом вдоль бесконечного коридора.

Колея прекратилась опять. На этот раз Мик заметил в стенах странные отзвуки, показывавшие пустоту. Но он не долго интересовался этим.

— Мы опускаемся, взгляните-ка! — шепнул он, показывая на туннель. И, действительно, дорога круто спускалась вниз. Со стены начала сочиться вода. Отверстие туннеля становилось все уже и уже, до тех пор, покуда не превратилось в цилиндрическую дыру. Бьюти, как ни в чем не бывало, взмахнула хвостом и проползла вперед, Тингсмастер стал осторожно ползти вслед за нею; а за ним, тяжело отдуваясь, втиснулся в дыру и Лепсиус.

Здесь было трудно дышать. Металлические стены цилиндра казались сильно нагретыми. До них доносились какие-то странные ритмические звуки. Вдруг собака схватила зубами металлическое кольцо, с силой потянула его к себе, и в ту же минуту она, Тингсмастер и Лепсиус с быстротой пушечного ядра были выброшены из своего цилиндра куда-

то вниз, а отверстие сейчас же захлопнулось за ними со скользящим звуком.

При падении их друг на друга раздался страдальческий стон. Тингсмастер ощупал доктора Лепсиуса, Лепсиус ощупал Тингсмастера, оба ощупали собаку, — целехоньки!

— Кто простонал? — в один голос спросили они друг друга.

— Я! — ответил кто-то в углу до жуткости знакомым голосом.

Это не был ни Лепсиус, ни Тингсмастер. Эго не была и Бьюти.

В ту же секунду Тинсмастер засветил фонарь, уронил его вниз и с криком кинулся в угол:

— Биск! Дружище!

— Мик! Менд-месс!

Прошло полчаса, прежде чем оба друга пришли в себя и смогли, наконец, пуститься в расспросы. Тем временем Лепсиус обозрел пространство при помощи оброненного Миком фонаря и, найдя большую кадку с сухарями, принялся безмятежно за подкрепление.

— Мы на «Торпед», — шопотом заговорил Биск, — у меня переломлены обе ноги и рука, но, по счастью, уже срастаются. Ты выловил из бутылки мое донесение?

— Нет, я получил девять голубей сразу, — ответил Мик, — и понял, что с тобой случилось несчастье.

Биск вкратце рассказал ему обо всем, что нам уже известно из его дневника. А потом dokonчил свой рассказ:

— В ту минуту, дружище, я думал, что часы мои сочтены. Я схватился за отверстие, выбросил бутылку в воду, как вдруг оно втянуло меня, будто в воронку, закрутило по зубьям и переломало порядком костей. Не будь я Биск, шотландец, оно, должно быть, сделало бы из меня котлету. Да, только каким-то чудом я зацепился за стержень и был сброшен в этот угол с переломанными ногами. Дня три я истекал кровью. Здесь никогда не бывает света. Раза два тут хлопали тайники, и мимо прошмыгивал кто-то, по счастью, меня не заметивший. Один раз из тайника выскочила собака. Она зализала мне раны, высосала мне язвы,

нашла сухари и воду, притащила их ко мне, сухари — в зубах, а воду — на языке. Не будь так темно, я мог бы ее разглядеть. Честное слово, мне показалось, что это Бьюти. Я оторвал лоскут от рубахи, написал в темноте своей кровью:

«Биск. Торпеда»

и навязал ей лоскут на лапу. С того дня и началась моя поправка, Мик! Потом как-то, когда качка прекратилась и я понял, что мы остановились, с воронкой стало что-то приключаться, она задвигалась, завертелась, собака кинулась к ней и исчезла в дыру. Да, Мик, я прозакладываю голову, что это была мертвая собака капитана, завывавшая весь наш рейс внизу под палубой.

— Это была Бьюти, дружище! — весело воскликнул Мик. — Она-то и доставила нам твой лоскут. А теперь мы с тобой поохотимся на Чиче!

— Какой там Чиче, — тихо произнес Биск, и голос его дрогнул, — помяни мое слово, Мик, главный преступник не кто иной, как рыжий капитан Грегуар!

— Ну, извините! — спокойно процедил Лепсиус, с торчащим изо рта сухарем. — Я слышал все ваши речи, друзья мои. Я скомбинировал факты. Пари на сто против одного, что главный преступник — профессор Хизертон!

Не успели еще прозвучать эти слова, как собака судорожно взвизгнула. Под ними начались ритмические содрогания, весь их тайник пришел в мерное движение.

— «Торпеда» тронулась! Мы опять поплыли! — горестно воскликнул Биск.

И в то время как эти трое вместе с собакой пустились в далекое путешествие, не подозревая куда, — наверху, в одной из кают «Торпеды», ехал в Кронштадт молчаливый и важный генеральный прокурор штата Иллинойс — мистер Туск, оставив спасенного им Друка на попечение счастливой матери.

Глава пятьдесят четвертая

К ПРИБЫТИЮ ЧАСОВ

Сознание медленно, медленно возвращалось к Рокфеллеру. Сперва он вздохнул, потом потянулся, потом раскрыл глаза.

Он лежал у себя в комнате, на ковре, рядом с женщиной, спасенной им от пытки. Ни он, ни она не были связаны. В окна лился горячий солнечный свет. Что это значит?

Он приподнялся, чувствуя страшную слабость. Но нет, сидеть он не мог и опять повалился на ковер, уткнувшись головой в ее плечо. Женщина шевельнулась и раскрыла глаза.

— Постарайтесь встать, — шепнул Рокфеллер, — я ничего не понимаю. Я так слаб, что не могу приподняться.

Вивиан оперлась на ковер рукой, но рука ее дрожала как былинка, и все ее усилия хотя бы поднять голову оказались тщетными.

— Я не могу, — шепнула она едва слышно, — у меня ничего не болит, но я не могу вынести своей тяжести.

— Как вас зовут? — спросил Рокфеллер после минутного молчания.

— Вивиан, — покорно ответила женщина.

— Мы должно быть умрем, Вивиан, — проговорил Рокфеллер, — хотя мне непонятно, почему они выбрали столь поэтический способ отправки на тот свет... Скажите, что вы меня больше не ненавидите!

Вивиан молчала.

— Скажите мне это, Вивиан! — настаивал Рокфеллер, чувствуя, что он все более слабеет от затраченных усилий. — Я больше не фашист... я ваш единомышленник.

— Артур Рокфеллер, — медленно произнесла Вивиан, — ваш отец убил мою мать.

Она закрыла глаза и сделала тщетную попытку отвернуть от него лицо. Но кончик ее щеки попрежнему касался его лба, и, надо сознаться, в этом прикосновении не было ничего ненавистнического.

Не успел Рокфеллер обдумать услышанные им слова, как в комнате раздались шуршащие шаги. Кто-то медленно приближался к ним, слегка волоча ноги. Это был человек среднего роста, чье лицо он не мог разглядеть. В походке его было нечто неестественное, нечто такое, что оледенило в жилах Рокфеллера остаток его крови. Слабые, безжизненные руки подходившего существа с сильно опухшими сочленениями висели вдоль тела.

Он подошел и медленно опустился перед Рокфеллером. Свет упал на его лицо, лишенное всякого выражения, с тоскующими унылыми глазами горького пьяницы, на время оставленного без спирта.

— А-а! — вырвалось у него сквозь зубы.

Голос, по которому Артур узнал одного из заговорщиков, злобно произнес:

— Мы исполнили ваши инструкции, синьор. Но мы понесли огромную потерю: Франсуа убит, Антес схвачен большевиками. Что вы думаете теперь предпринять?

— Веер! — беззвучно произнесло существо.

Человек в маске протянул ему простой бумажный веер, употребляемый бедными женщинами юга и складывающийся в линейку.

— Веер, — повторил незнакомец, раскрывая и закрывая игрушку над лицом неподвижного Рокфеллера, — раз-два-три-четыре...

Тихие колыхания воздуха причинили Рокфеллеру внезапную дурноту. Он успел взглянуть на Вивиан и увидел, как зрачки ее дико уставились на бессмысленную игрушку.

А мягкие помахивания веера становятся все чаще и чаще, глаза незнакомца загорелись фосфорическим блеском, слабые руки его напряжились, мускулы сделались стальными, из полуоткрытых губ со свистом вырывается:

— Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... двадцать...

Миг — и сознание Артура Рокфеллера утрачено. Память его парализована. Воля в тисках чужой воли. Как сомнамбула, он медленно поднимается с пола, твердой походкой идет к столу и там останавливается.

С мертвым лицом, бледными веками, тонкая, послуш-

ная, бесшумно, как тень, Вивиан вытягивается, подобно ему, и с теми же жестами, тем же шагом идет вслед за ним.

— Вы перестрадали... Вы хотите отдохнуть! — отекает незнакомец. — Отклоняете разговоры... Часы, приходящие на ваше имя. Приглашающие билеты. Вместе с женой вы торжественно доставляете часы в подарок комиссарам к двенадцати дня на заседание Петросовета.

— Да, — послушно отвечает Василов.

— Вы произносите речь, написанную на бумаге... ставите часы на стол перед председателем... ровно в двенадцать заводите их, заводите их, заводите их и остаетесь стоять возле этих часов неподвижно, вы и ваша жена, что бы ни случилось. Но тут к нам обоим вернется сознание, хотя вы и не сдвинетесь с места!

Отвратительная улыбка исказила лицо незнакомца. Он взмахнул пальцами, как будто схватил что-то, повернулся и быстро вышел из комнаты. Василов остался стоять у стола, бессмысленно глядя на двери. Вивиан безумно улыбалась.

Прошло несколько минут в совершенной тишине, как вдруг снаружи в дверь постучал кто-то здоровым человеческим стуком, и в комнату озабоченно вошел Евгений Барфус.

— Дорогие товарищи, — сказал он, крепко пожимая руки Рокфеллеру и Вивиан, — мы все выражаем вам сочувствие по поводу этой проклятой истории с переодеванием. Все четыре преступника молчат на допросе как убитые,

— Я хочу отдохнуть! — вяло произнес Рокфеллер.

— Я понимаю, товарищ, — мягко ответил Барфус, — они вас порядком замучили. Но я пришел вас успокоить относительно действий ваших двойников. Мы объехали все заводы, где они побывали. Существенного вреда они нам не принесли. Вообще мы недоумеваем над тем, какие цели преследовали эти психопаты! До завтра.

Он сердечно простился с обоими и вышел, оставив Рокфеллера и Вивиан все в тех же странных позах у письменного стола. Часы протекали. День кончился. Наступил вечер. А тот и другая продолжали стоять, вперив бессмысленные глаза в двери и не обмениваясь ни единым словом.

ДЖИМ ДОЛЛАР
МЕСС МЕНД

ВЫП **ВЗРЫВ** **СОВЕТА** **10**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924

Глава пятьдесят пятая

ЗАСЕДАНИЕ ПЕТРОСОВЕТА

Бессмысленное оцепенение Василова и его жены продолжалось всю ночь. Они не глядели друг на друга, не ели и не разговаривали. Но ни голод, ни жажда не имели, казалось, над ними никакой власти. Утром по телу их пробежал трепет, оба одновременно сделали несколько шагов к двери, и в ту же минуту раздался стук.

— Войдите! — крикнул Василов ровным голосом.

Дверь отворилась, и в нее заглянуло несколько красноармейцев.

— Машина доставлена, — сказал один из них на скверном английском языке, — мы везем ее с собой на тележке. Вам пора итти, чтоб поспеть на заседание.

Он порылся в кармане, вынул два пригласительных билета и письмо и передал их Василову.

— От товарища Барфуса. А это письмо доставлено вместе с машиной как приветствие.

Василов взял шляпу, помог жене одеться, предложил ей руку, и оба спустились с лестницы. Внизу стояла тележка с привязанным к ней ящиком. Красноармейцы покатали ее вперед, и чета Василовых двинулась вслед за ними. Ехать сегодня не было никакой возможности. Толпа запрудила все тротуары, улицы, скверы, крыши домов. Аэропланы то и дело сбрасывали с неба летучки. Красные флаги развевались с каждого карниза. Огромные воззвания, наклеенные на стенах и тумбах, оповещали о торговом соглашении с Америкой.

Ни Василов, ни Катя Ивановна не обращали ровно никакого внимания на то, что делалось вокруг них. Автоматически шагая вслед за тележкой, они не обменялись ни одним словом. Дойдя до колончатого дома, у которого тучей толпился народ, красноармейцы сняли машину с тележки и понесли ее вверх по лестнице.

— Что несешь? — крикнули в толпе.

— Мери́канцы подарок прислали! — весело ответил самый юный, оскалив зубы. Лестница, затянута коврами, шла в партер огромного, залитого солнцем театра, гудевшего как улей. Они прошли коридоры, наводненные народом, выбрались за кулисы и здесь остановились, сложив свою ношу. Красноармейцы сняли деревянную крышку, вынули упакованную в футляр коробку, развязали ее, счистили стружки, вату, бумагу, еще вату, еще бумагу, и перед взором нескольких человек, следивших за распаковкой, предстали часы в эбеновом ящике изумительной работы.

— Что за красота! — вырвалось у Барфуса, подошедшего к Василову. — Спрячьте это до минуты поднесения.

Он накинул на часы красное знамя и повернулся к чете Василовых.

— Я вижу, вы еще не совсем здоровы, — шепнул он с участием, — садитесь вот тут, отсюда вы увидите всю трибуну. Смотрите сюда!

Безжизненный взор Василова устремился по направлению, указанному Барфусом.

Залитая солнцем трибуна медленно наполнялась. Каждого входящего зала встречала громом аплодисментов, криками и пением Интернационала. Вокруг длинного стола, покрытого пурпуром и благоухавшего в белых гиацинтах, собрались все вожди Советских Республик.

Начались речи. Барфус шопотом передавал Василову содержание каждой из них. Но ни речи, ни шум, ни музыка, ни солнце, ни всеобщее воодушевление не вывели его из безразличия. Он сидел, тупо глядя туда, куда указывал Барфус, отвечал односложно и ни о чем не спрашивал.

— ...И вот мы накануне всеобщего признания. Договор подписан... Группы, сочувствующие торговле с нами, прислали нам свое приветствие... — донесся голос с трибуны.

В ту же минуту по телу Василова пробежал электрический ток. Он схватился рукой за карман, где был конверт, вскочил и механически шагнул на трибуну. Катя Ивановна ринулась вслед за ним, прежде чем Барфус успел ее остановить. Два красноармейца подняли ящик и поставили его на пурпурный стол. Вся зала вскочила с мест, бешено руко-

плеская и стараясь через головы и плечи друг друга разглядеть диковинный дар. Большие часы, висевшие над трибуной, указывали без десяти двенадцать.

— Я пришел к вам от имени той части Америки... — механически стал читать Васильов, развернув бумажку. — Той части Америки...

Он остановился... вздрогнул, провел рукой по лицу. Прямо против него, в упор устремив на него огненные глаза, казалось — читавшие до глубины его души, сидел Ленин.

— От имени той части Америки, — в третий раз произнес Васильов неверным голосом. По лицам всех собравшихся пробежало недоумение. Он дернул головой и плечами, судорожно спрятал конверт в карман и бросился прямо к часам, ощупью отыскивая их завод.

В зале воцарилось гробовое молчание. Васильов нащупал завод, он стал поворачивать его — раз, два, три — сухой треск пронесся по зале, похожий на пересыпание мельчайшего бисера. В ту же минуту глаза Васильова и его жены расширились, в них впервые сверкнуло сознание, они поглядели друг на друга, потом на трибуну, с ужасом, раскрыли рты как бы для крика, дернули руками как бы для предостережения, но изо рта их не вырвалось ни единого звука, а мускулы их оцепенели, как налитые свинцом. А часы между тем издали невнятный свист, разверзлись пополам, выбросили прямо на стол круглый стальной предмет и произнесли на всю залу ясным, металлическим голосом, похожим на щелканье ключа в замке:

«НЕ ВЕРЬ БОГАЧАМ И ДАРЫ ПРИНОСЯЩИМ!»

Вся зала хлынула к трибуне, отделенной от нее оркестром. Многие поскакали вниз, на плечи музыкантов.

— Что это значит? Покушение! Спасайте вождей! Не создавайте паники!

Тысячеголосые крики переполнили театр. Но громовой голос прорезал их, мгновенно восстановив тишину:

— Ничего не случилось! По местам, товарищи!

Круглый предмет переходил из рук в руки. Все сидев-

шие на трибуне обменялись удивленной улыбкой. Секретарь поднялся и показал его зале.

— Товарищи! — произнес он взволнованно. — Часы были начинены бомбой, формула которой выгравирована на металлической обшивке. Если бы она разорвалась, не только мы с вами, но и весь окружающий район превратился бы в клочья. Непостижимым образом неизвестные друзья обезвредили механизм и привели в действие вместо бомбы вот эту фонографическую пластинку, произнесшую весьма поучительные слова. Я полагаю, товарищи, мы примем их к сведению!

Зал загремел от восторженных рукоплесканий. Заседание, между тем, было прервано снова. Из главного входа, стуча сапогами, бежал милиционер с лицом красным как кулач. Волнение и суматоха после взрыва были так велики, что его никто не останавливал. Он добежал до трибуны, остановился, чтобы перевести дыхание, и загремел сочным басом:

— Товарищи, я командирован с экстренным донесением! Прошу слова!

Его окружили, и через минуту он рапортовал, молодежато приложив два пальца к кепи:

— Так что имею донести нижеследующее: на семи главных заводах сей минут обнаружено по запрятанной бонбе адского содержания. Эти самые бонбы, товарищи, выкатились ровно в двенадцать часов на середины комнат вроде, как волчки, да и принялись разделявать... Интернационалы на манер оркестра. Вот извольте видеть своими глазами.

И сияющий милиционер горделиво опустил руку в ранец и разложил на столе, одну за другой, семь одинаковых бомб.

— Чорт возьми! — крикнул один из членов Петросовета, ухитрившийся перепрыгнуть через оркестр прямехонько на трибуну. — Покажите мне эти штуки.

Он был известным химиком, и вся зала с интересом следила за ним глазами, пока он разглядывал диковинные игрушки. Прошло несколько минут. Химик пожал плечами.

— Ничего не понимаю! — вырвалось у него. — Самые настоящие бомбы с сильным взрывчатым составом. Но механизм их мне абсолютно незнаком! Тут надо позвать механика!

— Объявляю заседание закрытым, — произнес секретарь, — дело будет расследовано, товарищи, до мельчайших подробностей. Пока же сохраните спокойствие и умолчите о происшедшем, чтоб не создавать в городе паники. Не забудьте, что сегодня у нас собрались иностранные гости и что паника может сорвать съезд психиатров, имеющий крупное международное значение.

Ворча и волнуясь, тысячная толпа хлынула из театра на улицу.

— Не создавайте паники, молчите! — шептал каждый своему соседу, а тот жене, а жена доброму знакомому, — до тех пор, пока весь Петроград не стал говорить о происшедшем на разные лады.

— Слышал? — шептал один торговец другому. — Заказали этта мы бомб за границей по цене франко шестьсот штук разной величины, а они возьми да заместо стрельбы только кукают вроде примусов. Вот тебе и заграница! Хают наш товар почем зря, а далеко ли сами-то уехали!

— Слышали? — говорила слушательница кинокурсов своей соседке. — Заграница опять подсунула нам своих бомб, а потом напечатала меморандум, будто бы мы у них разводим агитацию. Я удивляюсь, до каких пор мы будем ставить ихние ленты и не давать ходу собственным экранным силам?!

Между тем Барфус, дождавшийся, когда трибуна и зал опустели, подошел к Василовым и взял их обоих под руку. Несчастные были сейчас в ужасном состоянии. Оцепенение прошло, память вернулась. Ужас, пережитый ими в момент взрыва, когда оба думали, что все будет разрушено, и не могли шевельнуть ни языком, ни рукой, наградил Рокфеллера седой прядью, а Вивиан — нервным подергиванием век.

— Вам нужен основательный отдых, — говорил Барфус, ведя их по опустевшему коридору, — все эти события ист-

репали вам нервы. Соберитесь с силами еще на часок, а с завтрашнего дня я вас обоих засажу в санаторию!

— Куда вы нас ведете? — слабо запротестовал Рокфеллер.

— На съезд психиатров! — ответил Барфус. — Если вы не покажетесь, о вас станут толковать по поводу часов... Посидим полчаса, повидаем всех европейских светил, это вас чуточку встряхнет.

Они сели в автомобиль, и Вивиан, забывшись, вложила руку в руку своего мнимого мужа, сжавшего ей пальчики с нежным покровительством защитника и друга.

Глава пятьдесят шестая

СЪЕЗД ПСИХИАТРОВ

«Торпеда» опять подошла к берегу, и штурман Ковальковский опять имел повод орать на своих матросов. По мосткам сошел почтенный седой человек. Он предъявил документы на генерального прокурора штата Иллинойс и заявил, что охотится за опасным уголовным преступником. Ему тотчас же выправили все бумаги и снабдили пропуском туда, куда он хотел.

Получив бумаги, он нанял автомобиль и приказал везти себя на съезд психиатров.

Далеко не так комфортабелен был выход на берег Мика, Лепсиуса и Биска. Шотландец, превесело ковыляя на своих заживших ногах, упражнялся в беге между пустыми бочками, когда «Торпеда» остановилась. В ту же секунду в стене открылся люк, втянувший в себя с невероятной силой все, что не было привинчено к полу. Мик, Бьюти, Биск, Лепсиус один за другим влетели в воронку, а вслед за ними посыпались сухари, жестянки, бумажки, окурки, бочки, канаты, швабры и мусор. Залепленные ими с головы до ног, наши путешественники очутились на дне деревянного колодца, снабженного почти отвесными ступенями. Держась за кольца, они поползли вверх, предводительствуемые умной Бьюти. Спустя десять минут она выпрыгнула на землю.

Они находились в топкой, слабо застроенной местности, неподалеку от гавани. Здесь доктор Лепсиус выразил твердое намерение обчиститься, а Биск — определить при помощи компаса широту и долготу.

— Вздор! — ответил Мик. — Мы в Петрограде! Времени терять нечего! Взгляните-ка на собаку, как она пляшет и волнуется! Я дам ей хорошую понюшку, и пусть она приведет нас к Чиче!

С этими словами он вынул из кармана платок, натертый о половицы в номере «Патрицианы», и приложил его

к самому носу Бьюти. Собака фыркнула, оцетинилась и стрелой понеслась по улице.

— Эй! — заорали наши путешественники, кидаясь вслед за нею. Но догнать Бьюти было трудновато. Мик решительно оглянулся во все стороны и увидел чей-то велосипед, приставленный к забору. Он вытащил лупу и посмотрел на его педаль. Там были две крохотных буквы «м. м.»

— Нашей работы, Биск, мы спасены! — крикнул он и быстро нажал невидимую кнопку. В ту же минуту велосипедное седло расслоилось на три откидных кресла. Биск прыгнул в одно из них, Лепсиус втиснул себя в другое, а Мик, разбежавшись с велосипедом, вскочил в седло. Он работал педалями как бешеный, пока не догнал мчавшейся Бьюти. Они неслись по улицам Петрограда с быстротой молнии, не обращая внимания на свистки милиционеров, до тех пор, пока Бьюти не добежала до огромного дворца, украшенного саженными афишами.

СЪЕЗД ПСИХИАТРОВ

ОТКРЫТИЕ

1. Приветственные речи.
2. Доклад профессора Бехтерева.
3. Доклад профессора Хизертонa.

— Чорт побери! — проворчал Биск. — Уж не цирк ли это и не завела ли нас Бьюти к своим четвероногим приятелям?

— Собака не из таковских, — ответил Мик, — нам нужно обдумать, что предпринять!

— Нечего и обдумывать, — вмешался Лепсиус, лингвистические способности которого на этот раз оказались на высоте. — Друзья мои, здесь есть афиши на всех языках, даже на итальянском. В этом дворце — съезд психиатров!

Здесь выступает профессор Хизертон! Немедленно идите за мной, я проведу вас всех!

И стряхнув с себя стружки и опилки, Лепсиус принял величественный вид.

— Профессор Лепсиус! — произнес он, подходя к привратнику и тыча ему свои документы. — Меа мекум. Ассистента! — с этими словами он указал на Биска и Тингсмастера.

— Собаку пропустить нельзя, — твердо отрезал привратник, — иди сюда, пес, иди, голубчик, посиди у меня в чулане.

Бьюти дружески замахала привратнику хвостом, а Лепсиус важно поднялся на лестницу в сопровождении Биска и Мика.

— Вы оказались нелишним человеком, доктор, — не без уважения шепнул ему Тингсмастер, — только помните, — пока вы там будете охотиться на вашего Хизертонна, я должен словить моего Чиче.

— А я — моего Грегуара! — вмешался Биск.

Съезд психиатров был уже в полном разгаре, когда наши Трое путешественников смешались с толпой и быстро протолкнули себя к эстраде. Несмотря на дневной свет, зал был залит сотнями электрических фонарей. С обеих сторон партера шли нарядные ложи дипломатических представителей. В партере собрался весь цвет русской пауки. В коридорах и проходах толпилась учащаяся молодежь. А на эстраде, богато декорированной зеленью и портретами, стоял длинный зеленый стол, за которым профессор Бехтерев только что приступил к докладу.

Тингсмастер внимательно оглядел залу. Его голубые глаза переходили от лица к лицу, как вдруг кто-то шепнул ему:

— Менд-месс!

— Месс-менд! — ответил он, вздрогнув.

Техник Сорроу, весь покрытый плохо зажившими шрамами, тощий, оборванный, сияя положил ему руку на плечо.

— Вот уж не знал, что встречу тебя, старина! — шепнул он взволнованно. — Сегодня взорвалась наша бомбочка, из-

вестная тебе, дружище. Весь Петроград только и говорит, что о ней. Ну и не солоно же хлебали господа фашисты! Мы с ребятами тоже малость поштурмовали их!

— Где Чиче, Сорроу?

— Увидишь, Мик, — спокойно ответил Сорроу. Тингсмастер внимательно обвел глазами ложи для иностранных гостей. К своему изумлению он увидел в них сенатора Нотэбита с дочерью, банкира Вестингауза и с десяток богатых американских заводчиков. Все они перешептывались о чем-то, пожимали плечами, косились на пустую ложу советского правительства.

— А это кто?

В третьем ряду партера, рядом и рука об руку, сидела бледная пара: Артур Рокфеллер с седой прядью в волосах и исхудавшая Вивиан.

Голубые глаза Мика скользнули и по этим двум липам. Он хотел что-то шепнуть Сорроу, но в это время зал задрожал от бурных аплодисментов: Бехтерев кончил свой доклад. Он встал, склонил перед собранием львиную голову и удалился с эстрады.

Прошло несколько томительных минут. Распорядитель съезда вынес для следующего оратора новый стакан чаю, сдвинул стулья, потом произнес на нескольких языках:

— Сейчас предстоит доклад профессора Хизертонa о перерождении нервных центров под влиянием гипноза.

Тингсмастер невольно покосился на Лепсиуса. Толстяк стоял, вперив глаза в эстраду и не замечал ничего и никого. Ноздри его трепетали, зрачки сузились, как у ищейки.

Еще несколько секунд, и раздалась тихие старческие шаги. Перед ними выросла небольшая фигурка профессора Хизертонa, седого как лунь, заросшего снежнобелой пушистой бородой, розового, как младенец, веселого, милого, кроткого старичка, устремившего в зал немного рассеянный, изпод нависших бровей, добродушный взгляд ученого. Неистовые аплодисменты раздалась в зале.

Биск фыркнул и дернул Лепсиуса за фалду. Толстяк продолжал, однакоже, глядеть на бедного профессора в сердитом отчаянии. Он был разочарован, разбит, уничтожен.

Профессор обвел зал глазами и начал тихим шамкающим голосом свой доклад. Но в эту минуту в правительственной ложе напротив хлопнула дверь. Один за другим туда вошли все советские комиссары и уселись, на мгновение притянув к себе взгляды всего зала. Когда же, спустя секунду, эти взгляды снова направились на эстраду, стало ясно, что там нечто произошло. Зрочки профессора Хизертонна, расширившись, остановились на ложе. Руки профессора Хизертонна судорожно вздернулись к его лицу — миг, и профессор Хизертон уже не сидел на эстраде, он лежал на полу, он упал в обморок.

Распорядитель кинулся к нему со стаканом воды. Профессора подняли и посадили в кресло. Но все попытки привести его в себя были тщетны: он дрожал, бессмысленно блуждая глазами, не отвечал на вопросы и не проявлял ни малейшего намерения продолжить доклад.

Лицо Тингсмастера, следившего за этой сценой, стало серьезно. Он поглядел на доктора Лепсиуса. Но тот уже выработал план действий.

Застегнувшись до самого подбородка и достав из кармана пачку каких-то бумаг, он твердыми шагами направился к распорядителю и сказал ему шопотом несколько слов. Распорядитель помог ему взобраться на эстраду, записал себе в книжку его фамилию и обратился к публике:

— Профессору Хизертону дурно, он, к сожалению, не в силах закончить свою речь. Вместо него доктор Лепсиус делает доклад об открытой им *vertebra media sine bestialia**.

В ту же минуту толстяк выкатился на край эстрады. Он стал возле кресла профессора Хизертонна, обвел публику горящим взглядом и потряс в воздухе кипой бумажек.

— Лэди и джентльмены! — вскричал он звонким голосом. — Я ждал этого часа всю мою жизнь! Я ждал часа, когда я смогу изложить мое открытие перед собранием ученых и властей и продемонстрировать его на живом объекте. Все подобралось наилучшим образом: и собрание, и власти, и даже объект! Позвольте мне не торопиться, лэди и

* Средняя точка позвонка, названная Лепсиусом «звериной».

джентльмены! А вам позвольте посоветовать быть очень внимательными, сугубо внимательными, ибо то, что я вам скажу, должно потрясти все человечество!

Речь эта ничуть не походила на ученый доклад. Но в голосе Лепсиуса была такая сила, толстое лицо его так внушительно преобразилось, что спокойная и нарядная публика сдвинулась плотнее с непонятным для нее возбуждением. Даже Сорроу, Биск и Тингсмастер устремили на него глаза. Даже Артур Рокфеллер, сжав тихонько руку Вивиан, шепнул ей:

— Добрый старый Лепсиус тоже очутился здесь!

Даже стальные глаза генерального прокурора Иллинойса остановились на Лепсиусе с чем-то вроде дружелюбия. Один только профессор Хизертон лежал в своем кресле, тяжело дыша и не проявляя ни к чему никаких признаков интереса.

— Я начну издавека, — продолжал Лепсиус, — много лет назад, еще молодым врачом, я попал в аристократический европейский курорт на практику. Здесь я познакомился с моим первым пациентом, представителем одного из древнейших родов континента. Он жаловался на легкую хромоту и небольшую боль в позвоночнике. Я лечил его массажем, ваннами, водами. Это не помогло. Тогда я тщательно исследовал его позвоночник. Меня поразило, господа, ничтожное пятнышко, припухлость, едва прощупывавшаяся внизу позвонка, и странный бугорок между третьим и четвертым ребрами, позволявшие моему пациенту как-то низко держать плечи. Потеряв его из виду, я забыл этот случай. Практика моя росла. Мне пришлось почти сплошь работать среди высших классов. Меня вызывали на диагноз в Европу к коронованным особам. Приезжие в Америку аристократы лечились исключительно у меня. Среди моих пациентов я набрел еще на несколько случаев вышеупомянутой припухлости и бугорка. Симптомы были все одинаковы. Больные жаловались на одно и то же. Лечение не помогало. Почти всегда я наблюдал неуволнимые изменения в структуре позвоночника. Мне пришлось, наконец, сделать два вывода: что означенные явления встречаются исклю-

чительно среди потомков древнейших родов и что они являются редчайшей формой дегенерации. Какой? Отныне вся моя жизнь была посвящена искомому ответу. Но я лишен был возможности клинически изучить моих высокопоставленных пациентов. Тогда, лэди и джентльмены, я на два года удалился в дебри наших отдаленных штатов. Я поселился среди индейцев. Я изучал их королевские роды и набрел на царственного индейца, Бугаса Тридцать Первого, обладавшего всеми интересными для меня симптомами.

Мне удалось произвести революцию среди индейцев, провозгласить республику и арестовать Бугаса. Я увез его с собой в Нью-Йорк, создал для него клиническую обстановку и шаг за шагом изучал на нем роковое перерождение позвоночника. Бугорок превратился в утолщение кости, темное пятнышко — в круглую выбоину. Плечи Бугаса с каждым годом опускались все ниже. Голова его с величайшей неохотой занимала вертикальное положение, и я не мог никакими соблазнами заставить его глядеть вверх. В то же время, лэди и джентльмены, руки моего пациента стали резко видоизменяться. Сперва они были только сильно подагрическими в суставах. Потом я заметил, что утолщения начинают превышать обычную человеческую норму. Здесь, господа, я хотел бы сделать остановку и иллюстрировать для вас дело примером.

Доктор Лепсиус сильно вздохнул, горящим взглядом обвел безмолвную залу, слушавшую его с затаенным дыханием, и как бы случайно взял безжизненную руку профессора Хизертона. Рука была в черной перчатке.

Он дружески похлопал по ней, подняв ее кверху, и стал стягивать с нее перчатку. Один, другой, третий палец. Над публикой с эстрады вознесено нечто странное, долженствующее означать человеческую руку.

Глава пятьдесят седьмая

ТАЙНА ДОКТОРА ЛЕПСИУСА

В зале пронесся шопот ужаса. Все, как один, не отрываясь глядели на перепончатую оконечность, сильно распухшую в суставах, омерзительно цепкую и деформированную.

— Эта рука, — продолжал доктор Лепсиус сильно дрогнувшим голосом и побледнев, как смерть, — эта рука превзошла все мои ожидания. Она показывает такую степень дегенерации, которой мне еще не приходилось наблюдать в натуре. Я прошу поэтому у почтенного собрания разрешения демонстрировать этого старца целиком!

Распорядитель, окаменев от ужаса, не произнес ни слова. Кое-кто в зале встал с места. Женщины были близки к истерике.

И как раз в эту минуту на лице профессора Хизертон появились первые признаки оживления. Блуждающие глаза стали сознательней. Они упали на свою собственную руку, и в них сверкнул страх. Зубы его щелкнули, скулы обтянулись. Вырвав руку у Лепсиуса, Хизертон вдруг подпрыгнул и вцепился ему в грудь.

Толстяк вскрикнул, в зале раздался стон. Два рослых милиционера, вынырнув из-под эстрады, оттащили профессора Хизертон от Лепсиуса. Несмотря на их рост и мускулы, они с трудом удерживали этого небольшого человечка.

— Продолжайте! — крикнул кто-то из зала. — Теперь уже нельзя остановиться па середине!

— Я продолжаю, — с трудом ответил Лепсиус, вытерев холодный пот с лица, — я продолжаю и dokonчу. Этот профессор — не профессор! Он не может итти в разрез с собранным мною опытом. Он должен быть представителем аристократического рода!

Решительными шагами подойдя к Хизертону, Лепсиус схватил его за белоснежную шевелюру и сдернул ее. Зал вскрикнул. На месте старца в руках милиционеров бился

яркорыжий человек средних лет, с упавшей на пол бородой.

— Капитан Грегуар! — завизжал Биск, ринувшись к эстраде. — Убийца! Держите его!

Но Биска не допустили наверх. Железные пальцы Тингс-мастера сжали его руку.

— Смотри и слушай! — шепнул он ему повелительно. — Дойдет очередь и до тебя!

Между тем Лепсиус, бросив белый парик наземь, бесстрашно схватился и за рыжий. Минута — и вместо рыжего человека перед залом был бледный, перекошенный брюнет, с бескровными губами и сверкающими глазами.

— Грегорио Чиче! — вскрикнул на этот раз сам Микаэль Тингсмастер.

Наступила жуткая тишина.

— Дамы, удалитесь! — потребовал Лепсиус. — Милиционеры, разденьте его.

Переводчик быстро перевел приказание Лепсиуса. Но никто не хотел удалиться, а милиционеры в одну минуту стащили с Чиче одежду, оставив его в одном белье. Теперь им на помощь подошли еще двое. На голову Чиче накиннули платок.

— Поверните его спиной к публике! Вот так! Обнажите спину до пояса!

Милиционеры что-то замешкались.

— Лэди и джентльмены, — продолжал Лепсиус свою речь, — я должен открыть вам теперь, в чем сущность отмеченной мною дегенерации. Многие из вас читали, вероятно, Хердера. Он приводит мысль о вертикальном строении человеческого позвоночника в противоположность горизонтальному звериному. И вот, открытый мною бугорок оказался не чем иным, как деформированной точкой хребта. Это — *vertebra media sine bestialia*! Это начало роста позвоночника не по вертикали, а по горизонтали, как у зверей. Взгляните вот сюда...

Он быстро повернулся к Чиче и вдруг вскрикнул:

— Чорт побери, да что это такое?

— Не знаю, сэр, — пробормотал переводчик, стоявший возле милиционеров, трясущихся от страха, — на нем что-то железное, сэр, его не сдернешь с тела.

Спина оголенного человека была в железном футляре.

Лепсиус кинулся к ней, заглянул во все стороны, нашел металлические пряжки, какие бывали у старых фолиантов, и лихорадочно начал их отстегивать. Одна, другая, третья..

— Снимайте футляр!

Милиционеры рванули, на минуту выпустив Чиче. В ту же секунду потрясающий вопль вырвался из тысячи уст. На стол прыгнул зверь с поднятым, как у кошки, хребтом. Он на четвереньках соскочил со стола в зал и понесся, едва касаясь пола, к выходу.

— Держите его! — истерически крикнул Лепсиус. — Это неподобный, законченный объект!

Но ни одна душа не могла бы задержать Чиче. Толпа с воплем шарахнулась от него, и он мчался к свободному проходу, до тех пор, пока громовой голос Тингсмастера не крикнул:

— Бьюти!

Тогда наперерез бегущему Чиче выросла белая фигура собаки. Бьюти рыча пересекла ему путь, но тут произошло нечто непостижимое. Шерсть на собаке стала дыбом, пасть ее жалобно оскалилась, она затряслась и отступила. Проход был свободен. Чиче исчез.

Никто в течение нескольких минут не был в состоянии ни говорить, ни сдвинуться с места. Наконец раздался спокойный голос Тингсмастера:

— Тот, до кого побрезгал дотронуться зверь, пусть минует человеческих рук. Товарищи! Ни одно правосудие в мире не в силах наказать его больше, чем он уже наказан!

— Вот именно! — ответил чей-то стальной голос. К эстраде приблизился пожилой человек. Он взошел на нее. Он оглядел публику серыми глазами, на мгновение задержавшись на чете Василовых. Но Артур и Вивиан не выдержали пережитого ужаса, они оба были в обмороке.

— Я генеральный прокурор штата Иллинойс, — отчеканил незнакомец, отстраняя рукой кинувшегося к нему Лепсиуса, — я послан сюда, чтобы задержать опасного преступника. Но я был сейчас в публичке, и я шарахнулся вместе с нею, дав ему бежать. Тем не менее следует немедленно организовать погоню, не для того, чтобы поймать его, а для того, чтобы пристрелить!

— Погоня организована! — крикнули ему из дверей.

Незнакомец продолжал:

— Вы видели перед собой величайшего преступника эпохи. Он корсиканец. Его зовут принц Грегорио Чиче. Но у него есть множество оболочек. Он — польский аптекарь Вессон из местечка Пултуска, составитель и продавец страшнейших ядов! Он — рыжий капитан Грегуар, хозяин парохода «Торпеда»! Он — преступный профессор Хизертон, гноящийся в своем сумасшедшем доме под Нью-Йорком десятки здоровых людей. Он — всюду! В конторах, банках, армии, церкви, в лучших кварталах и последних кабачках. Его магнетическая сила неопишима. Его изобретения неисчислимы. Он вертит, как марионетками, европейскими фашистами, которые слепо ему повинуются, не зная ни кто он, ни что он. Трудно сказать, руководится ли он какой-нибудь целью. Можно сказать только одно: он есть зло и плоды его есть зло. Последний убийца на земле человечней, чем он!

Сказав это, пожилой человек медленно сошел с эстрады, догоняемый дрожащим Лепсиусом. Внизу, в толпе, толстяк схватил его, наконец, за фалды и с жаром упал ему на шею.

— Тсс! — произнес генеральный прокурор, приложив палец к губам. — Молчите! Позаботимся прежде всего об этих двух, — и он показал на Артура Рокфеллера и Вивиан, лежавших в глубоком обмороке.

Вдвоем они вынесли их обоих из зала, позвали автомобиль, уложили молодых людей на сиденье, вскочили сами, и прокурор назвал шоферу одну из петроградских гостиниц.

Молчаливо расходился народ со съезда. Правительственная ложа опустела уже давно. Тингсмастер, Сорроу, Биск побрели в гавань, к скромному жилищу Сорроу. Бьюти медленно следовала за ними. Шерсть ее все еще стояла дыбом, а хвост был судорожно поджат между задними лапами.

— Дело-то кончилось благополучно, Мик, — тихо сказал Сорроу, — и ребят наших выпустят не сегодня-завтра. А все-таки жутко на душе, когда подумаешь, что он бежит теперь на свободе, и мы не сумели послать ему в голову две-три хороших пульки.

— Да, — ответил Тингсмастер, — а еще жутче, брат, представить себя в его шкуре!

ОБРАЩЕННЫЙ ЖЕНОНЕНАВИСТНИК

Генеральный прокурор и Лепсиус внесли безжизненную молодую чету в номер гостиницы. Доктор пустил в ход свои профессиональные приемы, и спустя несколько минут Вивиан, а за ней и Артур, проявили признаки жизни. Молодая девушка глубоко вздохнула, шевельнула губами и подняла веки. Прямо против нее сидел генеральный прокурор штата Иллинойс, озабоченно на нее глядя. В ту же секунду у Вивиан вырвался слабый крик:

— Еремия Рокфеллер! — и она снова упала на подушку.

— Отец! — пробормотал Артур, приходя в себя. — Вы живы!

— Я жив, друзья мои, — спокойно ответил генеральный прокурор, протягивая руку сыну, — но прежде чем рассказать вам мою историю, я должен заверить Вивиан, что смерть ее матери была для меня не меньшим горем, чем для нее. Я был в те дни жертвой ее убийц. Я был пленен, обезоружен, искалечен, удален из Америки. Я был лишен памяти и рассудка. Если б не железные нервы, которых вы, Артур, к сожалению, от меня не унаследовали, я до сих пор блуждал бы в бесконечных польских лесах, как жалкий маньяк.

— Но мистрисс Элизабет... — начиная подозревать истину, с ужасом пробормотал Артур,

— Она никогда не была моей женой! Эта преступная женщина, Артур, — подруга того, кто убил мать Вивиан, кто убил бы и меня, и вас обоих, — она жена принца Чиче! Но на сегодня довольно. Вы оба должны хорошенько оправиться, прежде чем вернуться в Нью-Йорк.

Артур на минуту закрыл глаза.

— Отец, — пробормотал он, — я предпочел бы остаться здесь!

Старый Рокфеллер удивленно поднял брови. Глаза его сделались холодными.

— Остаться здесь?! — переспросил он резко.

— Да, — ответил Артур и на мгновение стал похож на своего отца, — здесь я нашел самого себя. Здесь у меня есть дело!

— Вы распропагандированы, — отрывисто промолвил старик, — вы, сын крупнейшего капиталиста Америки, стали на сторону враждебного нам класса! Лепсиус, он распропагандирован! — с этими словами Еремия Рокфеллер сдвинул седые брови, скрестил руки на груди и грозно взглянул на сына. — Хорошо, сэр. Оставайтесь! Но помните, что от меня вы не получите никогда ни единого доллара! Я враг мелодрамы и не намерен проклинать вас. Но я скажу вам: «прощайте, сэр!» И это будет раз и навсегда.

Артур вскочил с места и подошел к отцу. Оба они были одного роста, и молодой человек с седой прядью на лбу походил сейчас, как две капли воды, па старика Рокфеллера.

— Как бы ни так, сэр! — воскликнул он твердо. — Вы отлично знаете, что я никогда не возьму у вас ни цента. Вы отлично знаете, что мое слово крепко и что вы, старый хитрец должны будете признать это, и чорт меня побери, если вы не намерены обнять своего сына, сэр!

С этими словами Артур бросился на шею к суровому старику, который немедленно осуществил его прозорливую догадку.

Вслед за этим объятием, Еремия Рокфеллер без дальнейших разговоров схватил в охапку Вивиан, в то время как Лепсиус машинально целовал Артура. Но когда, наконец, Вивиан попала к доктору Лепсиусу и, совершив круговорот объятий, молодые люди очутились друг перед другом, старый Рокфеллер отрывисто кашлянул, подмигнул толстяку, и оба они скрылись из комнаты.

— Вивиан, — произнес Артур Рокфеллер, подходя к бледной девушке и протягивая ей руки...

В эту минуту кто-то резко дернул меня за волосы, и я увидел у себя над плечом разъяренное лицо Еремии Рокфеллера.

— Сударь, — сказал он мне отрывисто, — как отец и генеральный прокурор, я приказываю вам оставить этих молодых людей в покое!

— Но я автор! — возмутился я. — Нельзя же кончать роман без единого поцелуя! Что скажет читающая публика!

— Она скажет, Джим Доллар, что любовные сцены вам не удаются! — иронически ответил Еремия Рокфеллер.

Он отбил у меня всякую охоту, братцы, и потому распростимся со всей этой публикой прежде, чем доведем свое дело до точки.

Глава пятьдесят девятая

СЕТТО ПОЛУЧАЕТ ПРОЦЕНТЫ

Мистрисс Тиндик, собрав всю прислугу «Патрицианы» перед собой, только что закончила речь об игре природы, исправленную и дополненную ею для нового состава подчиненных, как вдруг окно с треском разбилось, и в комнату влетело тухлое яйцо.

Мистрисс Тиндик подняла брови.

Но гнилой картофель в ту же минуту ловко расплющил ей нос, а два-три новых яйца размалевали теки.

— Пожар! — вскрикнула мистрисс Тиндик и как подкошенная свалилась наземь.

Между тем Сетто из Диарбекира торопливо сбежал с лестницы.

— Что бы это значило? — спросил он прислугу, нахмурившись. — Перед гостиницей толпа. Уставились в наши окна и швыряются провизией третьего сорта!

— Политика, хозяин, — мрачно ответил повар, — при политике первое дело поднять цену на продукт.

— Сходи-ка за газетой!

Повар недовольно нахлобучил шапку и вышел выполнять приказание своего патрона.

Спустя пять минут Сето развернул свежий лист «Нью-йоркской газеты» и пробежал глазами столбцы.

— Эге! Это что такое?

Глаза диарбекирца сузились, как у кошки, когда ее щечкуют за ухом, щеки диарбекирца порозовели, губы диарбекирца распустились тесемочкой. Перед ним жирным черным шрифтом стояло:

АМЕРИКАНЦЫ

ЧИТАЙТЕ ОБ ОТКРЫТИИ ЗНАМЕНИТОГО
ДОКТОРА ЛЕПСИУСА ! ! ! ! ! ! ! ! ! !

ДАМЫ

ЧИТАЙТЕ НАШУ ГАЗЕТУ ! ! ! ! ! ! ! ! !

МИЛЛИОНЕРЫ

ИМЕЮЩИЕ ДОЧЕРЕЙ ! ! ! ! ! ! ! ! !

ВСТУПАЮЩИЕ В БРАК

ПОКУПАЙТЕ СЕГОДНЯШНИЙ НОМЕР ! ! !

ЗАГЛЯНИТЕ

В ГАЗЕТУ ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! !

«Мы очень хорошо знаем, — так начиналась статья, — что многие американские семейства в погоне за предками совершенно забывают о потомках. Одни из них покупают себе пергаменты в твердой уверенности, что если у них есть пергамент, так есть и древний предок знаменитого рода. Другие уверяют, что родичи их приплыли в Америку на первом корабле. Третьи мчатся в Европу в поисках лордов и виконтов. Не лишнее будет, джентльмены, узнать, как обстоит дело с древними родами в медицине. Наш знаменитый авторитет, почетный член Бостонского университета, доктор Лепсиус, только что вернувшийся из поездки в Россию, дал нам разъяснения о своем открытии. Будучи строго-научным, оно затруднительно для понимания, но маститый ученый не отказал нам в его популяризации. Дело идет, — так выразился он в разговоре с нашим сотрудником, — о “констатировании вертебра бестиалиа в процессум спинозум у креатура хумана”. Иначе говоря, лэди и джентльмены, высший класс обречен в самом ближайшем будущем прыгать на четвереньках и кушать, не сидя за столом, а, можно сказать, лакая из блю-

дец. Спрашиваю я вас: допустимо ли для подобного класса избирательное право? Нет и нет, джентльмены! Долой аристократию! Прочь троны и титулы! Туда же епископов и кардиналов! Пергамент изъять из высшего общества и распределить между гастрономическими магазинами Соединенных Штатов для строго торговых целей! Такова воля миллионной толпы избирателей!»

Сетто прочитал газету и встал с места.

— Жена! — крикнул он прерывающимся голосом. — Жена! Жена! Жена!

Хозяйка «Патрицианы» выбежала на его зов, как была — в кухонном переднике и с помидором в руке.

— Жена! — произнес Сетто торжественным тоном. — Зови зурначей, бей в ладоши, ходи вокруг меня с музыкой, Сетто из Диарбекира большой человек! Он получил свой полный процент: сто на пятьдесят!

ЭПИЛОГ

А в Миддльтоуне на деревообделочном работа кипит как ни в чем не бывало. Белокурый гигант ловко орудует рубанком, отряхивая с лица капли пота. Фартук его раздувается, стружки взлетают тучей, а голос гиганта весело выводит знакомую песенку:

Клеим, стругаем, точим,
Вам женихов пророчим, —
Дочери рук рабочих,
Вещи-красотки!

Сядьте в кварталы вражды,
Станьте в дома на страже.
Банки и бельэтажи —
Ваши высоты.

— Слушай-ка, Джим Доллар, — сказал Микаэль Тингс-мастер, остановив рубанок и глядя на меня широкими голубыми глазами, — ты малость прикрасил всю эту историю. Ребята сильно ворчат на тебя, что ты выдал наши секреты раньше времени.

— А разве это худо, Мик? — пробормотал я в ответ. — Мое дело — описывать, а ваше дело — орудовать.

Веселые, знакомые лица обступили нас гурьбой. Тут были сероглазый Лори, солидный Виллингс, длинноносый Нэд. Тут был старичина Сорроу с трубной в зубах; Биск, Том и Ван-Гоп заглянули в мастерскую ради сегодняшнего дня. И даже кой-кто из ребят от обойной фабрики в Биндорфе, наконец-то присоединившейся к союзу, сунули нос в двери.

— Ладно, помалкивай! — заорали они, надавав мне дружеских тумаков. — Прикуси свой бабий язык насчет всего дальнейшего! — и мастерская, как один человек, затянула песенку Мика:

На кулачьих кадушках,
Генераловых пушках,
Драгоценных игрушках —
Всюду наше клеймо!

За мозоли отцовы,
За нужду да оковы
Мстит без лишнего слова
Созданье само!

Джим Доллар.

*Написано в ноябре-январе
1923/1924 года в Петрограде*

КАК Я ПИСАЛА «МЕСС-МЕНД»*

1. Открываю секрет производства

Прежде всего:

Сердобольные люди должны перестать утверждать: «Да разве Шагинян напишет такую вздорную штуку, как “Месс-Менд”», или: «Ну разве сможет Шагинян сделать такую веселую вещь, как “Месс-Менд”».

Вздорный или веселый, может быть — то и другое, а может — еще и третье в придачу, но «Месс-Менд» изобретен, выдуман и написан только мной и ни одна живая душа, кроме меня, не вписала в него ни единого слова и не принимала в его создании ни малейшего участия, за вычетом трех лиц:

1. Моей дочери, Мирэли.

2. Моей сестры, Лины.

3. Моего мужа, Джима.

Участие их выразилось в следующем:

Дочь Мирэль (тогда пяти лет) потребовала, чтобы в книге непременно была ученая собака.

Отсюда — Бьюти.

Сестра Лина, встревоженная судьбой шотландца Биска, умоляла оставить его в живых.

Отсюда — спасение Биска.

Муж Джим, большой патриот и крестный отец Джима Доллара, возмутился: неужели в книге не будет армянина?

Я ответила: выстави кандидатуру.

Он выставил: «Сетто из Диарбекира».

Отсюда — Сетто из Диарбекира.

Тремя этими уступками и ограничилось допущение чужого творчества в создание «Месс-Менд».

* Написано для Кинопечати после выхода первого романа трилогии — «Месс-Менд, или янки в Петрограде».

Поэтому:

Когда т. Стеклов, после выхода первой книжки «Месс-Менд», позвонил по телефону заведующему Госиздатом — Н. Л. Мещерякову и попросил его «от души поздравить дорогого Николая Ивановича Бухарина с написанием такой очаровательной и остроумной вещи», — он попал впросак и родил легенду № 1.

Когда за профессорским чайным столом в Москве решили, что «Джим Доллар» написан Алексеем Толстым, Ильей Эренбургом и Бэконом Веруламским, — профессора родили легенду № 2.

Когда коммерческие издатели заподозрили в авторстве «коллектив молодняка» и стали его ловить на перекрестках, — это был просак № 3.

Как бы то ни было, заявляю о секрете производства во всеуслышание и беру на него патент:

I. «Месс-Менд» написан мной, и только мной.

II. «Месс-Менд» — самая счастливая и самая умная из моих книг.

III. Сердобольных людей прошу больше не беспокоиться.

2. Все началось с елисеевской мебели, лаврового листа и статьи Бухарина

Лучшие книги — те, что пишутся для себя. Писать на заказ — все равно, что кормить грудью чужого ребенка: отдаешь себя, но не п е р е д а е ш ь себя. Осенью 1923 года мне посчастливилось написать книгу для собственного удовольствия, без всякой мысли, что она будет когда-нибудь напечатана.

Есть пословица: «лавры спать не дают». Мы ее переделали в эпоху военного коммунизма: лавровый суп спать не дает. Нам выдавали ежемесячно треску и лавровый лист, спички и лавровый лист, клюкву и лавровый лист. Запасы лаврового листа лежали в шкафу, и когда паек уже прекра-

тился, а издатели еще «не начали», суп нередко заправлялся только одними лаврами.

В тот день, о котором я пишу, у нас был лавровый суп. Под тарелкой лежала газета. Глаза наши — подобно куриным клювам — клюют каждое печатное слово, где только оно ни попадется. Отодвинув тарелку, я заметила заманчивый фельетон Бухарина о том, что «недурно бы нам создать своего красного пинкертон», и проклевала его от первого до последнего слова.

Ночью пришла лавровая бессонница. С Морской в комнату шел свет, бегали полосы от автомобилей. Вещи казались шевелящимися. Вокруг моей постели теснились аляповатые предметы из будуара купцов Елисеевых, доставшиеся мне по наследству от военного коммунизма, вместе с квартирой в общежитии «Дома искусств». Здесь были: ширма, часы рококо, кресло с фигурками дубовых обезьянок по углам, гобеленовый диванчик.

Я стала на них смотреть. Сколько рабочих трудилось над этими штуками, чтобы купцы Елисеевы могли в них сесть. А ведь можно было бы сделать их с фокусами. Пружины — пищат, замки — щелкают. Кресла могли бы быть с музыкой, шкафы — со щелчком в нос, с проваливающимися полками, с прищипками. В полусне мир ехидных, наученных, вооруженных вещей обступил меня, выстроился, пошел в поход, — и уже вовсе спящей я увидела большое бородатое лицо, голубые глаза, прямые пушистые брови, трубочку в зубах, — рабочего Мика Тингсмастера, повелителя вещей.

Утром, в постели, я продолжала выдумывать. Родилась мелодия вместе с песенкой:

...Клеим, стругаем, точим,
Вам женихов пророчим,
Дочери рук рабочих.
Вещи-красотки...

Почему бы из этого не сделать «красного пинкертон»?

Тема: рабочий может победить капитал через тайную власть над созданиями своих рук, вещами. Иначе, разви-

тие производительных сил взрывает производственные отношения.

Содержание: возникает из неисчерпаемых возможностей нового — вещевого — трюка.

3. Отклик на идею

Несколько человек, попавших мне под горячую руку, раскритиковали все в пух и прах.

Солидный человек сказал:

— Разве вы не знаете, что у нас литературный курс меняется, как киносеанс, по вторникам, четвергам и пятницам? Пока вы напишете пинкертона, понадобится красная художественная статистика или красный художественный письмовник.

Осторожный человек прибавил:

— Это наивно писать в «оригинале» и надеяться, что к тебе отнесутся как к переводу. Какие у вас шансы?

Шутник предложил:

— Посоветуйся с Гете.

Я сняла с полки томик, раскрыла и прочитала: «*Und da ist auch noch etwas rund...*» («И там есть еще кое-что кругленькое...» — из песенки о Кристель.)

Шутник провозгласил:

— Тебе остается написать пинкертона с приложением статистики и письмовника, объявить его иностранцем и назвать Долларом.

4. Польский заем и сельскохозяйственная выставка, — анализ по Фрейду

Я засела писать.

У меня не было ни плана, ни названия, ни фабулы, ни действующих лиц, ни малейшего представления о том, что

будет содержать первая глава; ничего кроме Мика Тингмастера и его песенки.

В газете писали, что Рокфеллер дает Польше заем. В конце концов этот заем давался Польше, и никому другому. Но мне удалось тоже перехватить от него малую толику без ведома Рокфеллера и отчасти даже насолить панской Польше: я немедленно начала первую главу с Еремии Рокфеллера, его сына Артура, его второй жены Элизабет и мисс Клэр Вессон, — членов семьи делать всегда очень легко, был бы отец, — что может подтвердить вам любая врачебная комиссия при родильных заведениях.

Писала я в необычайном возбуждении: мне хотелось поскорей узнать, что будет дальше. За моей спиной стояли домашние. Они имели скверную привычку предсказывать, что будет дальше. Я назло и из самолюбия тотчас же придумывала совсем наоборот. Таким образом интрига все время ускользала от догадок читателя, как преступник от сыщика, и я отыскивала моего «покойного Еремию» в «генеральном прокуроре штата Иллинойс» ровным счетом в самую последнюю минуту и неожиданно для себя, как если бы вскочила па подножку отходящего поезда, идущего не туда, куда мне нужно.

Таинственный Грегорио Чиче выходил, окруженный необычайным мраком. По вечерам я его боялась, кто-нибудь непременно должен был сидеть возле меня, и если на пол падала книга или ручка, я вздрагивала от ужаса. Моя сестра жаловалась на кошмары. Но самое страшное было в том, что я совершенно не знала, чем именно страшен Грегорио Чиче и как объясняются его особенности. От незнания я все больше и больше отодвигала разгадку. Когда она подошла вплотную, я так испугалась, что дала Грегорио Чиче улизнуть от возмездия. Дочь Мирэль долго не могла мне этого простить и не хотела гулять по Кирпичному переулку, потому что там стоит недостроенный дом, и Чиче мог в него спрятаться.

— Знаете ли вы, что Чиче — это фамилия первой итальянской фирмы, которая стала с нами торговать? — спросил меня старый друг.

Тут только я сообразила, что выхватила это имя с московской сельскохозяйственной выставки, куда меня послала газета.

Но несносному Грегорио Чиче удалось еще раз напутать меня, и на этот раз очень серьезно. В санатории год спустя я встретила чекиста. Он подмигнул мне левым глазом и сказал:

— А что, если Чичерин обидится? Его зовут Георгий, и он по бабушке — итальянец.

Я почувствовала себя несчастной и три дня обдумывала, как мне написать Чичерину:

«Георгий Васильевич, умоляю вас — не обижайтесь».

5. Несчастливая любовь выхохотывается

Говорят, можно защекотать до смерти. Чего не знаю, того не знаю, а вот несчастную любовь можно выхохотать до последней крошинки, это я знаю по опыту.

Каждую неделю я писала по выпуску. Дело дошло до штата Иллинойс. Из-под пера вылезла мисс Юнона Мильки, девица пятидесяти лет в коротеньком платье лаун-теннис и рыжем парике. Я заметила, что она обезьянничает с меня и выставляет в смешном виде мои самые святыя чувства. Ее рассказ вышел в черновике расплывчатым, — это не от слез, а от смеха. Я хохотала так, что у меня начинались колики. Старая няня, Гера Алексеевна, приходила кропить меня святой водой. Одной рукой я держалась от смеха за живот, другой писала. А когда кончила, откинулась на спинку стула, зевнула от изнеможения и заметила, что любовь вся ушла вместе с хохотом, как лопнувшее яйцо в кипяток, и что, пожалуй, ее даже и вовсе не было.

6. Откуда взялся «Месс-Менд»

Из словаря. Когда понадобился лозунг, я пустила кош-

ку Пашку на словарь. Наша кошка любит поворачивать страницы. Пашка цапнула сразу пять листов, откинула, и я нашла сперва *mend*, а потом *mess*.

А значение самое подходящее: починка, ремонт, общая трапеза, смесь, заварить кашу.

7. Джим Доллар пускается в плавание

Каждое воскресенье у меня собирались друзья — писатели и книжные люди. Они слушали «Месс-Менд» от выпуска к выпуску. Когда роман был закончен, каждый высказал свое мнение.

Сложив их, получаешь следующее:

«Это чорт знает что. Союз писателей обидится. Что скажет Евгений Замятин? И, наконец, можно организовать и написать целую серию таких романов, основать свое издательство и пойти в гору». Мы немедленно подали заявление, что хотим организовать издательство «Клуб рассказчиков», и нам немедленно в этом отказали.

После этого я осталась один-на-один со своим детищем, которое каждый читал без передышки, и я сама перечитывала десятки раз, — и все, и я в том числе — были в совершенном недоумении, что же это такое.

Но — три месяца прошло. Другой рукописи у меня не было. И в конце концов, — если лавровый лист и елисеевская мебель могут отмолчаться, то Бухарин скажет несколько слов. Иначе зачем бы ему было писать о красном пинкертоне? Я наскребла денег на максимку, завернула рукопись в газету, надела шинель, стойвшую четыре миллиарда, и поехала в Москву.

8. Не хочу рассказывать подробно

Может быть лучшее, что было в счастливой судьбе моей книги, — это вечер ее принятия Госиздатом, потому что в этот вечер мне пришлось долго ходить и разговаривать с одним из умнейших коммунистов, — пытливым и терпимым в споре.

Не с кем общаться писателю. Где наша среда? Люди, и м е ю щ и е что сказать и у м е ю щ и е ответить, — заняты. Драгоценнейшее, что может быть в жизни, — общение, — заперто на тысячу замков, а сверху крышка, и на крышке надпись: «некогда».

9. Несколько слов моим критикам

«Месс-Менд» переведен на несколько языков. Он был целиком напечатан в «Роте Фане» и сейчас печатается в Париже, в газете армянских сменовеховцев. В Австрии и Германии он выдержал несколько изданий. Отзывы о нем немецких рабочих составили целую книжку.

А у нас он внезапно попал под огонь самой жестокой критики. Эта беззлобная и с добрым намерением написанная вещь вызвала злую и недоброжелательную критику. Я читала ваш отзыв, товарищ Керженцев. Помните, у Деникина, в стане врагов, я ухитрилась рецензовать вашу книжку, — советскую контрабанду, — в сделала это с любовью, дочитав до конца то, о чем высказалась. Дочитали ли вы «Месс-Менд»? Мне кажется, не только не дочитали, во, может быть, и не перелистали по порядку.

Прежде всего он — не халтура. От первой и до последней страницы он создан тем лихорадочным подъемом, который вызывается «горением фосфора», иначе сказать — творчеством. Многие главы я переделывала по десятку раз. До сих пор я ненавижу первый выпуск и считаю его слабым, но иным он не мог быть, потому что в нем — первые

шаги, ощупью, по ненайденному еще пути.

В чем тайна «Месс-Менд»?

Не забудьте, что это п а р о д и я*. «Месс-Менд» пародирует западноевропейскую форму авантюрного романа, пародирует, а не подражает ей, как ошибочно думают некоторые критики.

Но судьба многих книг начинаться в насмешку и кончаться всерьез, подобно Пиквику. В процессе писания пародия была изжита, и возник своеобразный пафос, я бы сказала — пафос нового, к л а с с о в о г о трюка. Изобретенный в «Месс-Менд» «трюк с вещами» носит не универсальный и не личный характер (как все трюки в романах и в кино), а рабоче-производственный, и быть другим он не может, потому что вещи делаются рабочими. Отсюда — плодотворность и удачливость темы, ее не надуманный, а сам собой возникающий романтизм.

Потом: никто не заметил (да и я сама — пока не дописала), что в основе «Месс-Менд» лежит сказка, — народная сказка о благодарных животных. Шуточная уголовная развязка внезапно превращается в «народную словесность».

И самое главное: книга легка, — легка именно той трудной легкостью, какой стараются достичь в машинах и паровозах. Попробуйте написать так, как она написана. Это удастся изредка, и я сама не могу больше повторить «Месс-Менда».

*29 сентября 1926 г.
Москва.*

* Особенно пародийно, почти шаржем, написана «Дорога в Багдад», издаваемая над буржуазной сюжетику и доводящая до абсурда «детектив».

Примечания

Роман М. С. Шагинян (1888-1982) «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» вышел в 1924 г. в Государственном издательстве (М.) десятью «выпусками», опубликованными под псевдонимом «Джим Доллар» со следующими заглавиями:

- Вып. 1. Маска мести
- Вып. 2. Тайна знака
- Вып. 3. Вызов брошен
- Вып. 4. Труп в трюме
- Вып. 5. Радио-город
- Вып. 6. За и против
- Вып. 7. Черная рука
- Вып. 8. Гений сыска
- Вып. 9. Янки едут
- Вып. 10. Взрыв Совета

В 1926 г. на экранах появилась трехсерийная экранизация романов «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» и «Лори Лэн, металлост». Фильм Ф. Оцепа получил название «Мисс Менд»; к выходу его была приурочена брошюра М. Шагинян «Как я писала Месс-Менд: К постановке “Мисс-Менд” “Межрабпом-Русь”» (М.: Кинопечать, 1926).

В 1927 г. роман вышел отдельной книгой, опубликованной под псевдонимом «Джим Доллар» ленинградским издательством «Прибой».

В 1956 г., после длительного перерыва, роман (с подзаголовком «Роман-сказка») вышел в московском «Детгизе» в серии «Библиотека приключений и научной фантастики». Роман был заметно изуродован государственной и авторской цензурой: так, были изъяты целые эпизоды и сюжетные линии, те или иные описания, изменен порядок глав, текст был существенно упрощен и т. д. Эссе «Как я писала “Месс-Менд”» и в «перестроечные» годы публиковалось с цензурными изъятиями.

Все вошедшие в книгу тексты и примечания к ним публикуются по «Собранию сочинений» 1935 г. и даны без изменений, за ис-

ключением исправления некоторых опечаток. Книга иллюстрирована коллажными обложками «выпусков» 1924 г. работы А. Родченко.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.